

**Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. В. Лукьянова»**

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

**Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции**

**Орёл
ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова
2017**

УДК 343.13+343.98+343.2
ББК 67.99(2)93+67.99(2)94+67.99(2)8
У26

Редакционная коллегия:

А. В. Булыжкин (председатель); С. А. Тишков,
В. Ф. Васюков, В. Н. Чаплыгина,
Д. А. Бадиков (ответственный секретарь)

У26 **«Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью», Всероссийская науч.-практическая конф. (2017 ; Орёл).**
Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью», 26 мая 2017 г. : [сборник материалов] / редкол. : А. В. Булыжкин [и др.]. – Орёл : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017. – 162 с.
ISBN 978-5-88872-223-7

Сборник научных статей составлен по материалам выступлений участников Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью» (26 мая 2017 г.).

Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 343.13+343.98+343.2
ББК 67.99(2)93+67.99(2)94+67.99(2)8

ISBN 978-5-88872-223-7

© ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Баженов О. Н. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРИМИРЕНИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ	5
Балко В. И. К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕСТА И ОБЪЕМА ПРОИЗВОДСТВА ДАКТИЛОСКОПИРОВАНИЯ ТРУПА.....	8
Булыжкин А. В., Чаплыгина В. Н. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	17
Грибунов С. П. ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРИОБРЕТЕНИЯ, ХРАНЕНИЯ, ПЕРЕВОЗКИ ЗАВЕДОМО НЕЗАКОННО ЗАГОТОВЛЕННОЙ ДРЕВЕСИНЫ.....	22
Гришин А. В. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ.....	25
Ермаков С. В., Макаренко М. М. СОДЕРЖАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРОВОДИМЫХ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	33
Ефременко Д. О. СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ КАК МЕХАНИЗМ РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ	37
Жуков В. Г., Клевцов В. В. ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОРУЖИЯ.....	40
Иванов Д. А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ФОРМЫ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ.....	44
Калюжный А. Н. ТАКТИКА ОБНАРУЖЕНИЯ, ИЗЪЯТИЯ И ОСМОТРА ДОКУМЕНТОВ ПО ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ	49
Коршунов А. В. ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА – ПРИНУДИТЕЛЬНОГО НАБЛЮДЕНИЯ И ЛЕЧЕНИЯ У ВРАЧА-ПСИХИАТРА В АМБУЛАТОРНЫХ УСЛОВИЯХ.....	53
Костенко К. А. К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН НА СТАДИЯХ ПРИЕМА, РЕГИСТРАЦИИ И ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ	57
Кубышкин М. В., Бадиков Д. А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОБИРАНИЯ И УПАКОВКИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СЛОЖНЫХ ПОГОДНЫХ УСЛОВИЯХ И В УСЛОВИЯХ НИЗКИХ ТЕМПЕРАТУР	64
Лазаренко О. Н. ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ И УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ, ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА	69
Леоненко Р. М. ОСОБЕННОСТИ ОБНАРУЖЕНИЯ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О КРАЖАХ В ЖИЛИЩЕ.....	74

Малыхина Е. А. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ЛИТЫХ ДЕТАЛЕЙ ТЕЛЕЖЕК ВАГОНОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА.....	77
Малышева Н. А., Бадиков Д. А. ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЛАМ ОБ УГРОЗЕ УБИЙСТВОМ.....	81
Марковичева Е. В. ПРОБЛЕМА ОГЛАШЕНИЯ В СУДЕ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО НА ЗАЩИТУ.....	86
Москвичев С. А. ГЕЙМЕРСТВО КАК ПСИХИЧЕСКОЕ ОТКЛОНЕНИЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ДЕЛИНКВЕНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО..	89
Морозова Н. В. ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ), ЗАКЛЮЧИВШИХ ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ.....	94
Муллахметова Н. Е. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО НА СУДОПРОИЗВОДСТВО В РАЗУМНЫЙ СРОК.....	99
Новикова Е. А., Чаплыгина В. Н. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КОНЦА XIX ВЕКА	104
Паршин Д. В. ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ, ВЫДЕЛЕННЫХ НА РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА	110
Пушкарев В. В. РЕЗОЛЮТИВНЫЕ ОШИБКИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРИ ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ С ОБВИНИТЕЛЬНЫМ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ	115
Ростовцев А. В., Карнаухова О. Г. ТАКТИКА ДОПРОСА В КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ	121
Самолаева Е. Ю. ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»	126
Сибилькова А. В. ОСОБЕННОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ГРАБЕЖЕЙ И РАЗБОЕВ.....	130
Ситдикова Г. З. ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ.....	134
Становой М. С. К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ОБРАЗОВАНИЯ СЛЕДОВ НА ОДЕЖДЕ, ОБРАЗОВАННЫХ ПРИ НАЕЗДЕ АВТОМОБИЛЯ НА ЧЕЛОВЕКА.....	138
Хныков Е. Р., Морозова Н. В. ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ДОМАШНЕГО АРЕСТА	141
Чаплыгина В. Н. КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПОДХОДА К ПОНЯТИЙНОМУ АППАРАТУ, ИСПОЛЪЗУЕМОМУ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	148
Чистилина Д. О. ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ КАК НОСИТЕЛЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ.....	151
Чумакова Л. П., Гармаев Ю. П., Чаплыгина В. Н. РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРЕТЬЕГО МЕЖДУНАРОДНОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ СТУДЕНЧЕСКИХ ФИЛЬМОВ ПО КРИМИНАЛИСТИКЕ «ЗОЛОТОЙ СЛЕД».....	155

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРИМИРЕНИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Баженев Олег Николаевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора,
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева,
302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95

Статья посвящена вопросу примирения с потерпевшим, как основанию освобождения от уголовной ответственности и основанию прекращения уголовного дела, в статье рассмотрены проблемы соотношения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, выявляются некоторые противоречия в практике применения этих норм и предлагаются способы их разрешения.

Для законодательства любого государства общепринятым является положение о том, что лицо, совершившее преступление, обязано понести уголовную ответственность, претерпеть меры государственного принуждения. Тем не менее, государство заинтересовано, чтобы успешная защита правопорядка обеспечивалась при условии разумной, целесообразной экономики уголовной репрессии. Эта позиция реализуется в законодательных нормах, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

Существование института освобождения от уголовной ответственности объективно призвано решить ряд задач: снизить крайнюю загруженность органов уголовной юстиции, увеличить роль потерпевшего в уголовном процессе, сэкономить время и средства, связанные с расследованием, судебным разбирательством, исполнением приговора.

Вместе с тем, многолетнее существование рассматриваемого института не разрешило старые и обнаружило новые проблемы.

В 2013 году Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [2], однако и в нем не были четко определены материальный и процессуальный статусы участников примирения.

Статья 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» и ст. 25 УПК РФ «Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон» регламентируют материальные и процессуальные аспекты одного и того же правового явления.

Оба этих нормативных акта содержат условия, при которых лицо освобождается от уголовной ответственности по данным основаниям, однако эти условия в УК И УПК определенным образом разнятся. В 76 УК предусматриваются следующие условия освобождения: преступление совершено впервые, оно относится к категории небольшой или средней тяжести, факт примирения лица, совершившего преступление с потерпевшим, лицо загладило причиненный потерпевшему вред. Статья 25 УПК содержит несколько иное положение. Данная норма предоставляет право суду, следователю или дознавателю прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 УК РФ, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

Сравнительный анализ этих норм показывает, что в УК РФ одним из условий является совершение преступления впервые, тогда как УПК об этом ничего не говорит, но отсылает к ст. 76 УК. Не совсем понятно, должно ли указанное условие соблюдаться?

Кроме того, само понятие «впервые совершенное» понимается не в фактическом, а в юридическом смысле. Под него подпадает не только преступное деяние, совершенное фактически в первый раз, но и когда истек срок давности привлечения к уголовной ответственности лица за ранее совершенное деяние, либо снята или погашена судимость. Таким образом, неоднократное в прошлом совершение преступлений не исключает применение рассматриваемого института, тем самым фактически не учитывается поведение преступника в прошлом и его потенциальная общественная опасность.

Некоторую неясность вызывает вопрос о заглаживании вреда потерпевшему. В силу ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, каждому из этих видов вреда может соответствовать определенный способ заглаживания. Но возникает вопрос: кто в таком случае определяет формы вреда и способ заглаживания? По-видимому, этим занимается сам потерпевший. Он же решает вопрос о том, достаточной ли явилась компенсация за причиненный вред.

Увеличение роли потерпевшего в уголовном процессе, безусловно, нужно приветствовать. Вместе с тем, не следует исключать возможность злоупотреблений потерпевшим по поводу достаточности компенсации причиненного ему вреда. Данная проблема имеет и другой аспект. Он состоит в том, что лицо, совершившее преступление, в целях освобождения от уголовной ответственности может принудить потерпевшего признать причиненный ему вред полностью заглаженным, хотя в действительности подобного не произошло. Тем самым можно говорить и о возможности

злоупотреблений виновным лицом при отсутствии посредничества компетентных органов в вопросах примирения сторон.

Вопрос о примирении самостоятельно решается потерпевшим и лицом, совершившим деяние, без каких-либо посредников. Органы, ведущие производство по делу, лишь пассивно фиксируют то, что примирение состоялось. Возникает вопрос о возможности и целесообразности применения посредничества. Но кто будет выступать посредником? Существуют различные варианты.

В западных странах возможно три варианта: медиация в рамках собственных полномочий государственных органов, как правило, прокуратуры (напр. в ФРГ); делегированная модель, предполагающая наличие независимого посредника, участвующего в примирении сторон конфликта (Англия, США); смешанная модель медиации, предполагающая возможность проведения медиации как представителем государства (чаще всего – прокурором), так и независимым посредником (Бельгия, Франция) [4].

Л. В. Головкич отмечает возможность рассмотрения в качестве примиряющей стороны либо само лицо, ведущее производство по делу, либо предлагает дополнить закон положением, что эти полномочия должны быть отданы независимой общественной организации [3].

Н. С. Шатохина и Я. М. Матвеева полагают, что примирение с потерпевшим должно проводиться с участием как органов правоприменения, так и независимого посредника. При этом последняя предлагает норму об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим сделать императивной путем внесения изменений в ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ [4].

В п. 20 Рекомендации N R (99) 19, посвященной посредничеству в уголовных делах, сказано, что оно «должно иметь достаточную автономию» [1], т. е. субъект осуществляющий медиацию, не должен относиться ни к стороне защиты, ни к стороне обвинения.

В современной российской действительности следователь выступает в качестве субъекта, заинтересованного в исходе дела (в отличие, например, от французского уголовного судопроизводства), поэтому он не может должным образом осуществить процедуру медиации. Намечившаяся было тенденция привлечения к данному процессу общественных организаций и отдельных физических лиц, показала свою недостаточную эффективность.

Представляется, можно взять за основу позицию авторов (Я.Ю. Яниной, например), которые предлагают рассматривать в качестве медиатора, который обеспечивал бы примирение в рамках ст. 25 УПК РФ сотрудника Министерства юстиции РФ.

В интересах совершенствования деятельности по освобождению от уголовной ответственности весьма желательно, чтобы органы юстиции и суды всех уровней уделяли большее внимание этому важному вопросу и

более дифференцировано подходили к каждому конкретному применению ст.76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ.

1. Рекомендация N R (99) 19 от 15 сентября 1999 г. Комитета Министров – государствам, члена Совета Европы, посвященная медиации в уголовных делах [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2013 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию: европейская практика и российский уголовно-процессуальный контекст // Вестник восстановительной юстиции. 2003. № 5. С. 59–68.

4. Матвеева Я. М. Делегированная медиация в уголовном праве России: перспективы и предложения // Евразийский юридический журнал. 2015. № 11 (90). С. 158–162.

Ключевые слова: примирение с потерпевшим, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела, возмещение вреда, медиация.

УДК 343.13+343.23

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕСТА И ОБЪЕМА ПРОИЗВОДСТВА ДАКТИЛОСКОПИРОВАНИЯ ТРУПА

Балко Владимир Иванович,

*преподаватель кафедры правовых и социально-гуманитарных дисциплин,
колледж «Кайнар», Казахстан, г. Семей, ул. Интернациональная, д. 51*

В статье рассмотрены разновидности мест производства дактилоскопирования. Место процедуры дактилоскопирования трупа зависит от сочетаний положительных и отрицательных обстоятельств и факторов на месте происшествия. Научно и технологически идеально необходим предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия всей возможной криминалистической важной и нужной следовой информации с кожной поверхности рук с технической фиксацией наслоений и повреждений по правилам криминалистической и идентификационной съемки, а затем собственное дактилоскопирование трупа. Даны авторские определения: полное комплексное изъятие следов с рук (ног) и полное контактное дактилоскопирование трупа и их разновидности.

По месту производства дактилоскопирования различают два основных направления: дактилоскопирование живых лиц и трупов. Рассмотрим их классификацию.

Классификация по месту производства дактилоскопирования живых лиц различается: по месту осмотра места происшествия; по месту производства в передвижной лаборатории в специальном криминалистическом автомобиле; по месту производства в полевых условиях; по месту работы общественного пункта охраны порядка или места работы участкового; по месту «условно – передвижного» пункта полиции (полицейский модуль) и по месту работы сведущих лиц (специалиста или эксперта).

Классификация по месту производства дактилоскопирования трупа различается: по месту осмотра места происшествия; по месту производства в передвижной лаборатории в специальном криминалистическом автомобиле с возможным привлечением судебно-медицинского эксперта; по месту производства в полевых условиях с возможным привлечением судебно-медицинского эксперта; дактилоскопирование трупа в стационарно-лабораторных условиях (например, в моргах с возможным привлечением судебно-медицинского эксперта по соответствующему показанию).

При раскрытии преступлений по «горячим следам» во время проведения первоначальных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, как известно, является нехватка времени. В этом случае любая идентификационная информация лица является важной, а тем более информация о неизвестном лице трупа, особенно в случаях при наличии тяжких телесных повреждений или убийства. Поэтому вопрос о целесообразности определения места производства дактилоскопирования трупов на месте происшествия или в морге, а также живых лиц по месту осмотра места происшествия, в полевых условиях, в лабораторных условиях является актуальным.

Рассмотрим условия определения места производства дактилоскопирования трупов и его объем, так, как этот вопрос в специальной литературе раскрыт недостаточно, по сравнению с техникой и технологией дактилоскопирования живых лиц. Текущие «методические рекомендации указывают на целесообразность проведения дактилоскопирования в лабораторных условиях (в помещении морга) из-за возможности потери других следов при транспортировке» [1, с. 577], например, микрообъектов, микроследов и подногтевого содержания трупа и т.д. Однако с учетом реального обстоятельств дела можно утверждать, что «существует больше шансов потерять указанные объекты при транспортировке трупа (даже при страховании кистей рук от постороннего влияния), чем при дактилоскопировании на МП. Это утверждение базируется на большой проблеме по транспортировке трупов, поскольку оно проводится всеми доступными методами, которые прежде учитывают практичность перевозки трупа, а не на сохране-

ние доказательственной информации» [2]. В идеальном случае необходимо использовать специализированный автомобиль по перевозкам трупов, но это возможно первоначально в крупных городах.

Поэтому для выяснения возможности оперативного обеспечения получения информации о неизвестной личности трупа путем процедуры дактилоскопирования или выяснения других важных обстоятельств дела при осмотре места происшествия (например, для оперативного исключения «пальчиков» соответствующего лица) необходимо тщательно проанализировать ситуацию, обратив внимание на следующие семь важных обстоятельства:

1). Доступность к телу трупа на месте происшествия: возможность свободного доступа к телу для производства дактилоскопирования без нарушения окружающей обстановки места происшествия. Если затруднен свободный доступ к телу и последующая процедура дактилоскопирования трупа приведет к нарушению окружающей обстановки места происшествия, то нецелесообразно проводить полное комплексное изъятие следов и полное контактное дактилоскопирование трупа с кожной поверхности рук; 2). Время и место и размещения тела в зависимости от погодных условий (открытая местность, усиления ветра, дождя или снега, минусовая температура воздуха и тела трупа, а также в светлое или темное время суток). Если тело трупа находится на открытой местности, где происходит усиления ветра более 3-5 м/с, появления дождя или снега, минусовая температура воздуха и тела трупа, ухудшение видимости с наступлением темного времени суток, то нецелесообразно проводить полное комплексное изъятие следов и полное контактное дактилоскопирование трупа с кожной поверхности рук на месте происшествия (далее – МП);

3). Наличие обстоятельств и факторов угрожающих жизни и здоровью следственно – оперативной группе (далее – СОГ), которые проводят осмотр места происшествия и их «помощников». Если имеются факторы угрожающие жизни и здоровью СОГ, которое возможно при повторной «перестрелке» или криминальной разборке, признаков заминирования МП и т. д., то нецелесообразно проводить полное комплексное изъятие следов и полное контактное дактилоскопирование трупа с кожной поверхности рук, пока не исчезнут неблагоприятные факторы;

4). Состояние кожных покровов рук (ног) тела трупа и возможность дактилоскопирования обычными методами. Если состояние кожных покровов рук тела трупа (особенно папиллярная поверхность) без повреждений, сухое и чистое, имеются легкие трупные изменения, то по возможности провести полное комплексное изъятие следов и полное контактное дактилоскопирование трупа с кожной поверхности обычными доступными методами;

5). Необходимость в предварительной подготовке кисти руки в лабораторных условиях. При наличии повреждений части эпидермиса кожи и

выраженных трупных изменений, необходима предварительная подготовка кисти рук в стационарно-лабораторных условиях;

6). Имеется ли при транспортировке возможность не потерять микрообъекты, вещества и объекты подногтевого содержимого, а также других следов и объектов с кистей рук трупа или нет. Если нет специализированного автомобиля для перевозки трупов или, если при перевозке трупа на попутной машине, на которой возможна потеря микрообъектов, веществ и объектов подногтевого содержимого, а также других следов и объектов с кистей рук трупа, то желательно по возможности провести полное комплексное изъятие следов и полное контактное дактилоскопирование трупа с кожной поверхности обычными доступными методами;

7). Полное исключение возможности дактилоскопирования на месте. Если имеются сочетание более 2-3 неблагоприятных важных обстоятельств их перечисленных выше, то надо исключать проведения производства дактилоскопирования на месте МП. Можно переместить в другое место для исключения действия неблагоприятных важных обстоятельств.

С учетом этих семи важных обстоятельства и решается вопрос о месте и объема производства дактилоскопирования трупа: на место происшествия, в передвижной лаборатории, в полевых условиях или в морге.

При наличии надлежащих условий работы на месте происшествия и соответствующего состояния кожных покровов рук и других способствующих обстоятельств, в том числе от цели и задач проведения процедуры дактилоскопирования трупа, то можно провести дактилоскопирование трупа на месте происшествия следующими 12 «приемами – комплексами»:

- полное комплексное изъятие следов и полное контактное дактилоскопирование трупа – это предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия всей следовой информации с неё, с возможной фотофиксацией наслоений и повреждений и последующим полным дактилоскопированием;

- неполное комплексное изъятие следов и полное контактное дактилоскопирование трупа – это предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия определенной следовой информации с неё, с возможной фотофиксацией наслоений и повреждений и последующим полным дактилоскопированием;

- полное контактное дактилоскопирование трупа – это предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия визуальной следовой информации с неё, с возможной фотофиксацией наслоений и повреждений, и последующим полным дактилоскопированием;

- неполное контактное дактилоскопирование трупа – это предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия визуальной следовой информации с неё, с возможной фотофиксацией наслоений и повреждений и последующим дактилоскопированием верхних фаланг всех пальцев или ладони (ладоней рук) трупа;

- ограниченное контактное дактилоскопирование трупа – это предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия визуальной следовой информации с неё, с возможной фотофиксацией наслоений и повреждений и последующим дактилоскопированием ограниченного количества верхних фаланг пальцев руки трупа;

- локальное контактное дактилоскопирование трупа – это предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия визуальной следовой информации с неё, с возможной фотофиксацией наслоений и повреждений и последующим дактилоскопированием одной верхней фаланги пальца руки трупа;

- полное комплексное изъятие следов и полное бесконтактное дактилоскопирование трупа – это предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия всей следовой информации с неё, с возможной фотофиксацией наслоений и повреждений и последующим полным бесконтактным дактилоскопированием;

- неполное комплексное изъятие следов и полное бесконтактное дактилоскопирование трупа – это предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия определенной следовой информации с неё, визуальной фотофиксацией наслоений и повреждений и последующим полным бесконтактным дактилоскопированием;

- полное бесконтактное дактилоскопирование трупа – это предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия визуальной следовой информации с неё, с возможной фотофиксацией наслоений и повреждений, и последующим полным бесконтактным дактилоскопированием;

- неполное бесконтактное дактилоскопирование трупа – это предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия визуальной следовой информации с неё, с возможной фотофиксацией наслоений и повреждений и последующим бесконтактным дактилоскопированием верхних фаланг всех пальцев или ладони (ладоней рук) трупа;

- ограниченное бесконтактное дактилоскопирование трупа – это предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия возможно визуальной следовой информации с неё, с возможной фотофиксацией наслоений и повреждений и последующим бесконтактным дактилоскопированием ограниченного количества верхних фаланг пальцев руки трупа;

- локальное бесконтактное дактилоскопирование трупа – это предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия визуальной следовой информации с неё, с возможной фотофиксацией наслоений и повреждений и последующим бесконтактным дактилоскопированием одной верхней фаланги пальца руки трупа.

В настоящее время идеально подходит технологический процесс полного комплексного изъятия следов с фотофиксацией и полное контактное дактилоскопирование рук (ног) трупа. Данный технологический процесс, который будет оптимальным до определенного этапа научно-технического прогресса, когда начнется широко использоваться гологра-

фический способ фиксации и регистрации собственной дактилоскопической информации.

При современном уровне развития науки и техники дактилоскопирование трупа должно производиться после предварительного осмотра рук трупа для изъятия и фиксации всей возможной следовой информации с неё. Рассмотрим определения: полное комплексное изъятие следов с кисти рук и полное контактное (или бесконтактное) дактилоскопирование трупа.

Полное комплексное изъятие следов с рук (ног) – это предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия всей криминалистически важной и нужной следовой информации с кожной поверхности рук с возможной фотофиксацией наслоений и повреждений по правилам криминалистической и идентификационной фотосъемки. По объему изъятие следовой информации с кожной поверхности с рук (ног) подразделяем на полное и неполное комплексное изъятие следов с рук (ног).

Полное контактное дактилоскопирование трупа – это дактилоскопирование максимально всей папиллярной поверхности и граничащей с ней непапиллярной поверхности кожи всех пальцев или ладоней рук (ног) трупа при непосредственном контакте дактилоскопических средств с поверхностью кожи человека. По объему дактилоскопируемой поверхности контактное дактилоскопирование трупа условно подразделяем на полное, неполное, ограниченное и локальное контактное дактилоскопирование трупа.

Полное бесконтактное дактилоскопирование трупа – это дактилоскопирование папиллярной поверхности и граничащей с ней непапиллярной поверхности кожи всех пальцев или ладоней рук (ног) трупа без непосредственного контакта дактилоскопических средств с поверхностью кожи человека. По объему дактилоскопируемой поверхности бесконтактное дактилоскопирование трупа условно подразделяем на полное, неполное, ограниченное и локальное бесконтактное дактилоскопирование трупа.

Полное комплексное и полное контактное дактилоскопирование трупа предусматривает предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия всей следовой информации с возможной фотофиксацией наслоений и повреждений по правилам криминалистической и идентификационной фотосъемки. Оно курируется непосредственно сотрудником СОГ (например, следователем), производящим осмотр самостоятельно или по рекомендации одного из специалистов, привлекаемых к проведению осмотра. Перед началом дактилоскопирования, целесообразно провести предварительные мероприятия по фиксации и изъятию предметов, микрообъектов, веществ, других следов и объектов с кистей рук трупа, а также объектов подногтевого содержимого верхней фаланги пальцев рук трупа. После этого можно проводить дактилоскопирование всех пальцев и ладоней рук трупа с использованием различных доступных способов по отработанной методике.

Неполное комплексное и полное контактное дактилоскопирование трупа предусматривает предварительный осмотр рук трупа с целью изъя-

тия определенной следовой информации с возможной фотофиксацией наслоений и повреждений по правилам криминалистической и идентификационной фотосъемки. Его можно организовать лично, производящее осмотр самостоятельно или по рекомендации одного из специалистов, привлекаемых к проведению осмотра. Перед началом дактилоскопирования целесообразно провести предварительные мероприятия по фиксации и изъятию предметов, микрообъектов, веществ, других следов и объектов с кистей рук трупа, а также объектов подногтевого содержимого верхней фаланги пальцев рук трупа. После этого можно проводить дактилоскопирование всех пальцев и ладоней рук трупа с использованием различных способов по отработанной методике.

Полное контактное дактилоскопирование трупа предусматривает предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия возможно визуальной следовой информации с возможной фотофиксацией наслоений и повреждений по правилам криминалистической и идентификационной фотосъемки. По рекомендации следователя или специалиста, перед началом дактилоскопирования провести мероприятие по фиксации и изъятию видимых микрообъектов подногтевого содержимого и кистей рук. После этого можно проводить дактилоскопирование всех пальцев и ладоней рук трупа с использованием различных способов по отработанной методике.

Неполное контактное дактилоскопирование трупа, предусматривает предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия возможно визуальной следовой информации с возможной фотофиксацией наслоений и повреждений по правилам криминалистической идентификационной съемки. По рекомендации следователя или специалиста, перед началом дактилоскопирования провести мероприятие по фиксации и изъятию видимых микрообъектов подногтевого содержимого и кистей рук. После этого можно проводить дактилоскопирование верхних фаланг всех пальцев или ладоней рук трупа с использованием различных способов по отработанной методике.

Ограниченное контактное дактилоскопирование трупа предусматривает предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия возможно визуальной следовой информации с возможной фотофиксацией наслоений и повреждений по правилам криминалистической и идентификационной фотосъемки. По рекомендации следователя или специалиста, перед началом дактилоскопирования провести мероприятие по фиксации и изъятию видимых микрообъектов подногтевого содержимого и кистей рук. После этого можно проводить дактилоскопирование верхних фаланг 2-4 пальцев или ладони рук трупа с использованием различных способов по отработанной методике. Ограничено контактное дактилоскопирование трупа предусматривает три разновидности.

Первая разновидность ограничено контактного дактилоскопирования производится с использованием чистого стекла размером 10х10 см, кото-

рое прижимается к 4 пальцам одной или обеих рук трупа, после чего оттиски обрабатываются дактилоскопическим порошком или фотографируются.

Вторая разновидность – дактилоскопирование от 2 до 4 пальцев рук трупа с предыдущим проведением подготовительных мероприятий по фиксации и изъятия видимых предметов, микрообъектов, веществ и объектов или без такового. Результаты дактилоскопирования (в случае получения двух-четырех оттисков или отпечатков пальцев рук трупа) заносятся в АДИС в двух параллельных режимах: в виде следов и в виде дактилоскопической карты.

Третья разновидность – это цифровое контактное дактилоскопирование минимум верхней фаланги одного пальца с помощью специального переносного сканера для пальцев. Например, «мобильные станции регистрации и оперативных проверок ПАПИЛОН МКДС 30, ПАПИЛОН МКДС 40. Мобильный комплекс эксперта с пальцевым сканером ПАПИЛОН ДС-30Н» [3]. Более 30 лет назад благодаря использованию автоматизированных дактилоскопических информационных систем (далее – АДИС) появились новые возможности в дактилоскопической идентификации, которые позволяют даже по следу одного пальца идентифицировать личность. При этом собственная дактилоскопическая информация должна желательнее содержать интегральную особенность папиллярного узора и не менее определенного количества его признаков, делающих его пригодным для идентификации на соответствующем уровне научно-технического прогресса и соответствующей аппаратуры АДИС своего времени.

Локальное контактное дактилоскопирование трупа предусматривает предварительный осмотр рук трупа с целью изъятия возможно визуальной следовой информации и с возможной фотофиксацией наслоений и повреждений по правилам криминалистической и идентификационной фотосъемки. По рекомендации следователя или специалиста или начальника криминалистического подразделения, перед началом дактилоскопирования провести мероприятие по фиксации и изъятию видимых микрообъектов подногтевого содержимого одного «хорошего» пальца руки или без этого. После этого можно проводить дактилоскопирование верхней фаланги одного «хорошего» этого пальца.

Определения разновидностей бесконтактного дактилоскопирования трупов по объему дактилоскопируемой поверхности (полное, неполное, ограниченное и локальное) отличается соответственно от определений разновидностей контактного дактилоскопирования трупов (полное, неполное, ограниченное и локальное) характером отсутствия или наличия контакта дактилоскопических средств с поверхностью кожи человека.

Бесконтактное дактилоскопирование трупа предусматривает три способа дактилоскопирования.

Первая разновидность бесконтактного дактилоскопирования – «оптико-электронная» заключается в использование масштабного фотографи-

рования каждого пальца руки трупа цифровым фотоаппаратом (в определенных можно проводить без предварительного осмотра рук трупа с целью изъятия всей возможной информации). Фотографирование осуществляется в порядке от большого пальца правой руки к мизинец пальца левой руки. После этого проводится занесения фотоизображений ногтевых фаланг в АДИС (предварительно или во время этого процесса фотоизображения переводятся в зеркальный состояние) и проверка по базе дактилокарт, что есть в АДИС.

Вторая разновидность бесконтактного дактилоскопирование – визуальная заключается в определении непосредственно на месте происшествия с использованием криминалистической лупы и соответствующей таблицы расчета (как можно точнее) дактилоскопических основной и дополнительной формул трупа.

Третья разновидность бесконтактного дактилоскопирование – это дактилоскопирование с помощью рентгеновских лучей (носит ограниченный характер) минимум верхней фаланги одного пальца с помощью специального переносного (или стационарного) рентгеновского аппарата.

Дактилоскопирование трупа по месту производства в передвижной лаборатории в специальном криминалистическом автомобиле с возможным привлечением судебно-медицинского эксперта можно условно приравнять к стационарно-лабораторным условиям.

Дактилоскопирование трупа по месту производства в полевых условиях с возможным привлечением судебно-медицинского эксперта имеет эффективность и значимость от технологической организации процедуры дактилоскопирования и количество объектов.

Дактилоскопирование трупа в стационарно-лабораторных условиях (в помещении морга) проводится, как правило, в полном объеме особенно, если имеется криминал или его нельзя исключить, при этом получение оттисков и отпечатков рук (ног) значительно удобней, чем на месте происшествия, при благоприятных условиях состояния папиллярной поверхности кожи руки (ноги).

Качественное и полное дактилоскопирование трупа является гарантией успешности идентификации личности с использованием возможностей дактилоскопии. Дактилоскопирование проводится с целью получения образцов-отображений для сравнительного исследования и получения фактических данных, имеющих значение в рамках проводимого мероприятия. Правильный выбор места производства дактилоскопирования трупа даст возможность оперативно и объективно установить личность и быстрее раскрыть и расследовать преступление. В случае затруднения и невозможности изъятия определенного объема дактилоскопической информации с рук или ног со следственного осмотра, необходимо зафиксировать и изъять один четкий оттиск или отпечаток пальца руки любым доступным способом, особенно когда имеется труп неизвестного лица для оперативного

идентификации личности при помощи АДИС, а затем при благоприятных условиях провести полное комплексное изъятие следов с рук (ног) и полное контактное дактилоскопирование трупа.

1. Разумов Э. А., Молибог Н. П. Осмотр места происшествия. М.: РИО МВД Украины, 1994. 672 с.

2. Кожакарь И. Ю. Теоретические основы дактилоскопирование трупов с неповрежденным кожным покровом рук [Электронный ресурс]. URL: <http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/5807-teoretichni-zasadi-daktiloskopijuvannja-trupiv-z-neushkodzhenimi-shkirimimi-pokrivami-ruk.html> (дата обращения: 2 сентября 2016 г.).

3. Система бескраскового дактилоскопирования Папилон «Живой сканер» [Электронный ресурс]. URL: <http://kriminalisty.ru/stati/technics/programmy/sistema-beskraskovogo-daktiloskopirovani.html> (дата обращения: 21 декабря 2016 г.).

Ключевые слова: дактилоскопирование трупов, классификация дактилоскопирования, место производства дактилоскопирования, условия дактилоскопирования, приемы дактилоскопирования.

УДК 343.98

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Булыжкин Александр Викторович,

*кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Чаплыгина Виктория Николаевна,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Статья посвящена освещению проблем реализации прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых на стадии возбуждения уголовного дела.

Стадия возбуждения уголовного дела – самостоятельная, первоначальная стадия уголовного процесса, которая направлена на решение целого комплекса задач, обеспечивающих достижение целей правосудия, в том числе и в случаях, когда уголовное судопроизводство ведется в отношении несовершеннолетних. Как верно отмечает В. Ф. Васюков, речь идет о тех случаях, когда в заявлении, сообщении о преступлении есть указание на конкретного несовершеннолетнего правонарушителя [1].

В свою очередь, реализация прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, в том числе их соблюдение на досудебной стадии уголовного процесса представляет интерес как для самого несовершеннолетнего, так и для лиц, выступающих гарантом его защиты.

Опираясь на перечень прав и законных интересов несовершеннолетних, указанных в УПК РФ, необходимо отметить, что их соблюдение должно осуществляться с первого контакта следователя с несовершеннолетним правонарушителем. В частности, право несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, представлять свои законные интересы через законных представителей и адвоката-защитника рассматривается с правовой точки зрения, как особенность двойной защиты несовершеннолетних. В связи с этим в п. 12 ст. 5 УПК РФ закреплено, что законными представителями признаются родители, усыновители, опекуны, попечители подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего, представители учреждений и организаций, на попечении которых находится подозреваемый, обвиняемый или потерпевший.

Кроме того, УПК РФ четко определяет лицо, которое возможно признать защитником, коим может быть лицо, осуществляющее защиту интересов обвиняемого или подозреваемого в ходе предварительного расследования и/или судебного разбирательства.

Целесообразно отметить, что УПК РФ также определяет момент, с которого защитник допускается к участию в уголовном деле. Адвокат – защитник подозреваемого или обвиняемого к участию в уголовном процессе допускается с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого либо с момента возбуждения в отношении него уголовного дела частного обвинения [2]. По нашему мнению, данное лицо необходимо привлекать с момента первоначальных действий, касающихся несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, так как их правовой статус подвержен нарушению правового статуса [3].

На наш взгляд, по делам, связанным с привлечением несовершеннолетних участников уголовного процесса, необходимо тщательно подходить к выбору защитника, что обусловлено, прежде всего, необходимостью обращать внимание на подростковую психологическую составляющую несовершеннолетнего, что непосредственно будет способствовать выбору тактических особенностей проведения отдельных следственных действий с

целью предотвращения наступления психотравмирующих ситуаций для подростка.

Как известно, УПК РФ в качестве одной из важных процессуальных гарантий декларирует обеспечение объективного расследования, что указывает на то, что в случаях, когда интересы одного подозреваемого или обвиняемого противоречат интересам другого, то обеспечение защиты одним защитником недопустимо. Данное правило распространяется и на уголовное судопроизводство с участием несовершеннолетних. Полагаем все же, что невозможным осуществление защиты одним лицом несовершеннолетнего и взрослого подозреваемого или обвиняемого [4]. В связи с этим, опираясь на вышесказанное, считаем целесообразным, чтобы защиту несовершеннолетнего правонарушителя на предварительном следствии и в суде осуществлял один и тот же адвокат. При замене адвоката, как правило, нарушается психологический контакт с несовершеннолетним, ослабляется воспитательное воздействие на него.

Д. В. Сопов и Д. Ф. Флоря, опираясь на то, что защита прав и законных интересов несовершеннолетних осуществляется с двух сторон, следовательно, и защита от возможных злоупотреблений со стороны правоохранительных органов выступает двойным гарантом, положительно отзываясь об институте защиты несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых: «Современный вариант расследования уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних отражает общую специфику «классического» расследования с обеспечением обязательной защиты и двойного представительства (защитник и законный представитель) несовершеннолетнего обвиняемого» [5].

Очевидно, что стоит согласиться с А. Н. Сretenцевым в том, что «... в результате нечеткого и двусмысленного закрепления в нормах УПК РФ положений, касающихся осуществления прав и обязанностей теми или иными лицами, может появиться злоупотребление со стороны лиц, осуществляющих расследование по уголовным делам, что должно быть устранено путем законодательных изменений. Так, на наш взгляд, представляется неоднозначно регламентированным момент вступления в уголовный процесс законных представителей несовершеннолетних, подозреваемых и обвиняемых» [6].

С целью изучения вопроса о законных представителях несовершеннолетних лиц, необходимо обратиться к нормам Семейного кодекса РФ (п. 1 ст. 64), определяющим, что родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий [7]. Заметим, что формулирование сочетания «без специальных полномочий» подчеркивает, что представительство возлагается на родителей ребенка, чьи права и законные интересы подлежат защите в любых органах государственной власти, в том числе и в

судах. Представительство осуществляется без доверенности или иных уполномочивающих документов, однако родителю необходимо предъявить документ, подтверждающий происхождение защищаемого ребенка именно от этого родителя, то есть свидетельство о рождении.

Необходимо отметить, что Конституцией РФ также предусматривается защита интересов семьи и детей. Данное положение обеспечивается защитой семьи государством, а так же правом и обязанностью родителей заботиться о своих детях, обозначенные в ст. 38, 45 гл. 2 [8].

Рассматривая роль родителей через призму педагогического подхода к воспитанию своих детей, следует обратиться к высказыванию выдающегося педагога и писателя А. Макаренко, отметившего что «... умение воспитывать – это все-таки искусство, такое же искусство, как хорошо играть на скрипке или рояле, хорошо писать картины, а воспитывая детей, нынешние родители воспитывают будущую историю нашей страны, значит, и историю мира» [9]. Опираясь на данное высказывание следует подчеркнуть взаимную роль представительства и воспитания, выражающуюся, прежде всего, в том, что участие в уголовном судопроизводстве несовершеннолетнего без законных представителей может стать причиной будущего правового нигилизма, неприятия права, мнимого чувства необоснованности притязаний следственных органов. Поэтому роль законных представителей сводится к совместному участию и разъяснению несовершеннолетнему не только его правового положения, но и раскрытию перед ним целей расследования уголовного дела, как действий направленных на защиту законных интересов.

Следует отметить, что при применении уголовно-правовых мер к несовершеннолетним необходимо помнить о большой доле моральной ответственности взрослых за преступления несовершеннолетних. Следовательно, как верно отмечает Н. В. Морозова, «...обязанностью взрослых выступает защита и реализация правовых гарантий своих или представляемых ими детей в уголовном судопроизводстве вне зависимости от процессуального статуса несовершеннолетних [10].

Таким образом, подводя итог вышесказанному и обратившись к ранее изданным трудам авторов данной статьи, констатируем, что участие законных представителей в законодательстве четко не сформулировано, что дает нам основание для предложения дополнить УПК РФ нормой следующего содержания: «Законные представители – лица, участвующие в уголовном судопроизводстве с момента приема сообщения о преступлении, а также на всех стадиях уголовного судопроизводства родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего лица, в том числе подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного, свидетеля либо потерпевшего, органы опеки и попечительства, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний, в том числе подозреваемый, обвиняемый, подсуди-

мый, осужденный, оправданный, свидетель либо потерпевший» [11]. В отношении участия адвоката-защитника, считаем целесообразным расширить его полномочия в отношении того момента, с которого защитник имеет право осуществлять свои функции. Полагаем, данное положение расширит полномочия законных представителей и адвокатов как гаранта защиты прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса.

1. Васюков В. Ф. Некоторые особенности изъятия электронных носителей при производстве обыска и выемки по уголовному делу // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 2 (25). С. 35–42.

2. Калюжный А. Н., Чаплыгина В. Н. Участие адвоката на стадии возбуждения уголовного дела: вымысел или реальность? // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2016. № 19-4. С. 54–58.

3. Чаплыгина В. Н. Неразрешенные проблемы реализации права на защиту на стадии возбуждения уголовного дела // Научный портал МВД России. 2016. № 3 (35). С. 21–26.

4. Адигамова Г. З., Кудрявцева О. Г. Особенности участия несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве России: учебное пособие. Уфа, 2008. 178 с.

5. Сопов Д. В., Флоря Д. Ф. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты борьбы с преступлениями несовершеннолетних: монография. Орел, 2008. 134 с.

6. Сretenцев А. Н. Некоторые особенности допроса несовершеннолетних потерпевших по делам о сексуальных преступлениях // Наука и практика. 2014. № 4. С. 81–83.

7. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ: в ред. от 13 июля 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: с изм. от 21 февраля 2017 г. М., 2017.

9. Макаренко А. С. Семья и воспитание детей: учебное пособие. М.: Педагогика, 2014. С. 121.

10. Морозова Н. В. Вопросы обеспечения защиты участников уголовного судопроизводства в ходе расследования преступлений // Наука и практика. 2014. № 2 (59). С. 108–109.

11. Щербакова Л. Ю., Чаплыгина В. Н. Реализация законным представителем защиты прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших (в порядке постановки проблемы) // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Орел, 2015. С. 380–385.

Ключевые слова: несовершеннолетний, подозреваемый, обвиняемый, возбуждение уголовного дела, законный представитель.

УДК 343.1

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРИОБРЕТЕНИЯ, ХРАНЕНИЯ, ПЕРЕВОЗКИ ЗАВЕДОМО НЕЗАКОННО ЗАГОТОВЛЕННОЙ ДРЕВЕСИНЫ

Грибунов Сергей Павлович,

адъюнкт,

Восточно-Сибирский институт МВД России,

664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110

Данная статья посвящена вопросу, связанному с тактическими особенностями проведения осмотра места происшествия по факту обнаружения признаков состава преступления, связанных с приобретением, хранением, перевозкой, переработкой в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины.

Вопросы тактико-криминалистического обеспечения расследования преступлений имеют важное, а порой определяющее значение [1]. Именно от тактики проведения отдельных следственных действий зависит успех раскрытия и расследования большинства совершаемых преступлений. В данной статье следует обратиться к понятию осмотра места происшествия как основного мероприятия, направленного на сбор доказательного материала при любом преступлении. Как указано во многих источниках, осмотр места происшествия это прежде всего неотложное следственное действие, которое направлено на установление, фиксацию и исследование обстановки происшествия, следов преступления и преступника, а так же иных фактических данных, которые позволят в совокупности с другим доказательствами сделать вывод о механизме происшествия и других обстоятельствах расследуемого факта происшествия. Также известно, что осмотр места происшествия является важным следственным действием особенно при сборе первоначального материала проверки по преступлению связанных с незаконным приобретением, хранением, перевозкой, переработкой в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины. Именно от качественного осмотра места происшествия во многом зависит дальнейший ход расследования данного уголовного дела. Сам осмотр напрямую носит доказательный характер, так как те фактические данные, которые были полученные в ходе осмотра места происшествия нельзя и не представляется возможным получить от других источников получения до-

казательного материала. Именно осмотр дает право следователю, дознавателю построить свой позитивный алгоритм, который будет направлен на достижение одной цели, раскрыть преступление и привлечь лицо к ответственности, предусмотренной законодательством РФ. Еще Л. А. Суворов писал, что «часть информации осознается следователем как след преступления лишь тогда, когда он воспринимает ее именно в этом качестве, а наука, криминалистика, имеет методики обнаружения, фиксации, извлечения и использования возникающей информации (части отражения) в уголовно-процессуальном доказывании» [2, с. 22].

В практической деятельности по преступлениям, связанным с приобретением, хранением, перевозкой, переработкой в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины, а так же по преступлениям связанных с незаконными рубкам лесных насаждений первоочередной задачей стоит качественный, тщательный осмотр места происшествия с обязательным изъятием вещественных доказательств которые будут иметь неопровержимые доказательства при расследовании уголовного дела.

Если обратиться к практике осмотра места происшествия в лесном массиве, то лица, совершившие преступление, предусмотренное ст. 260 УК РФ, могут оставлять на месте самые многочисленные и разнообразные следы, которые могут быть изъяты в качестве доказательств. В частности на их одежде либо обуви, особенно это характерно для летнего периода, могут остаться остатки почвы либо части растений, характерны для той или иной местности, где была совершена незаконная рубка деревьев. Так же многие уносят с собой те предметы, которые произрастали в лесном массиве (спиленное либо срубленное небольшое дерево, которое может понадобиться дома, в виде черенка или материала для печи). В дальнейшем при сопоставлении вещественных доказательств, полученных при осмотре места происшествия с доказательствами, которые могут быть обнаружены по месту жительства лица представляющего оперативный и следственный интерес, можно получить изобличающую улику, которая может подтвердить тот факт нахождения лица в лесном массиве, где была совершена незаконная рубка деревьев [3].

Также не стоит забывать о том, что осмотр места происшествия является неотложным следственным действием, которое также является познавательным и удостоверительным действием, которое может сделать определенные выводы по механизму произошедшего события и установить обстоятельства, спроецировать всю картину произошедшего которые будут иметь важное значение для расследования уголовного дела [4, с. 201–209]. Немаловажным элементом осмотра места происшествия является присутствие на месте эксперта и специалиста, которые могут на месте более точно указать следы, которые были оставлены лицами совершившими данное преступление.

При сборе первоначального материала по преступлению предусмотренного ст. 191.1 УК РФ «приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины» осмотр места происшествия следует начинать с транспорта перевозящий незаконную древесину, если таковы имеются, либо с территории на которой осуществляется хранение незаконно добытой древесины и пиломатериалов. В данном случае так же необходимо участие в осмотре эксперта и специалиста лесного хозяйства, который с точностью укажет на породу деревьев, а так же с каких пород и сорта переработан интересующий пиломатериал. Помимо общих задач, которые предстоит решить при осмотре места происшествия (событие, предмет, лица), необходимо решить и частные, которые подразумевают установление свидетелей и очевидцев данного происшествия, а именно установление водителей которые привезли древесину, трактористов, которые осуществляют разгрузку данного автомобиля, контролера осуществляющего вход выход транспорта на территорию, разнорабочих, которые могут находиться на территории хранения и переработки древесины и пиломатериалов.

Также не стоит забывать о лицах, которые осуществляют оперативное взаимодействие на местах происшествия. Именно при присутствии оперативных служб на месте происшествия позволяет добиться качественного и эффективного осмотра места происшествия, если осмотр проводится в комплексе с оперативно розыскными мероприятиями или осмотр проводится в форме тактической операции.

В свою очередь А. В. Дулов определил тактическую операцию, как совокупность следственных, оперативных, ревизионных и иных действий, разрабатываемых и производимых в процессе расследования по единому плану под руководством следователя с целью реализации такой тактической задачи, которая не может быть решена производством по делу отдельных следственных действий [5, с. 40–46].

Как показывает практическая деятельность, расследование уголовных дел по преступлениям связанных с приобретением, хранением, перевозкой, переработкой в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины, а также незаконной рубкой лесных насаждений, полностью в большинстве случаев основываются на результаты, полученные в ходе осмотра места происшествия. Поэтому различного рода тактические и процессуальные ошибки напрямую влияют на результаты судебного рассмотрения уголовного дела. Как верно отмечено А. В. Варданяном, «Описывая обстановку места происшествия, следователи (дознаватели, оперативные уполномоченные и т. д.) порой допускают определенные процессуальные и тактические нарушения. Это проявляется в неточном, а в ряде случаев поверхностном описании местонахождения объектов, их взаиморасположения, а также ряда значимых признаков».

Кроме того, следует констатировать, что порой доказательства, полученные при осмотре места происшествия, являются единственными данными в ходе расследования уголовного дела.

1. Варданян А. В. Криминалистическая тактика в контексте современной парадигмы уголовного судопроизводства: некоторые теоретико-методологические проблемы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 4 (22). С. 62–66.

2. Суворова Л. А. Идеальные следы в криминалистике. М., 2006.

3. Горшунов А. Е., Серебряная Т. В. Значение осмотра места происшествия при расследовании уголовного дела // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 2. С. 215–219.

4. Руководство для следователей / под общ. ред. В. В. Мозякова. М., 2005.

5. Варданян А. В., Мельникова О. В. Особенности производства осмотра места происшествия при расследовании преступлений в сфере производства и оборота фальсифицированной алкогольной продукции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 18–19.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, незаконная перевозка, незаконная рубка лесных насаждений, оперативно-розыскные мероприятия.

УДК 343.98

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Гришин Андрей Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент,

начальник кафедры уголовного процесса,

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Статья посвящена рассмотрению правовой сущности уголовно-процессуальной политики по противодействию преступности в сфере экономической деятельности, использованию в уголовно-процессуальном законодательстве категорий гражданского права, особенностям уголовного преследования и его прекращения по преступлениям в сфере экономи-

ки, а также определению отдельных направлений уголовно-процессуальной политики по противодействию преступности в сфере экономической деятельности.

Современные исследователи сходятся во мнении, что основой российской уголовно-процессуальной политики является Концепция судебной реформы от 24 октября 1991 г., в которой были определены основные направления развития уголовно-процессуального законодательства. В результате был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), вступивший в законную силу с 1 июля 2002 г.

Состоявшиеся обсуждения и практика применения нового уголовно-процессуального законодательства показали, что юридическая общественность России неоднозначно отнеслась к содержанию данного документа. Юридическое сообщество разделилось на его сторонников, которые в целом одобряли УПК РФ, выступали за «американизацию» российского уголовного процесса, и противников многих новелл, призывающих сохранить сложившийся отечественный уголовный процесс в русле континентальной традиции, характерной не только для нашей страны, но и для ряда государств Европы [1].

С момента введения УПК РФ в действие и до настоящего времени в его адрес высказано довольно много обоснованных критических замечаний со стороны ученых и практических работников. Действительно, новый закон далек от совершенства, так как в нём имеются неточности, а порой и весьма сомнительные нормативные положения. Не случайно в незначительный период времени, как до введения в действие УПК РФ, так и в ходе его применения, на законодательном уровне было внесено свыше 1500 различных дополнений и изменений.

За последние десятилетия уголовно-процессуальная политика претерпела серьезные изменения, выражающиеся в модернизации судебной системы и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Существенному реформированию подверглись уголовно-процессуальные институты, касающиеся реорганизации дознания, создания Следственного комитета, изменения полномочий прокурора, применения мер пресечения, возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, прекращения уголовного дела (преследования) о преступлениях в сфере экономической деятельности, изменения контрольно-проверочных производств, развития согласительных процедур и др. [2]

Вместе с тем, «недостаточная правовая регламентация взаимодействия ОВД с налоговыми органами приводит к использованию не всех возможностей этого механизма. Возбуждение уголовных дел непосредственно по материалам налоговых органов, направляемых в подразделения СК РФ, затруднительно в связи с тем, что они не содержат необходимой

доказательственной базы по преступлениям, предусмотренным ст. 198–199.2 УК РФ. Такие признаки состава преступления, как субъективная сторона (умысел), налоговые органы вообще не рассматривают в ходе налоговых проверок, ссылаясь на отсутствие законодательно установленной обязанности осуществлять юридическую квалификацию по признакам составов налоговых преступлений» [3].

Среди основных направлений современной уголовно-процессуальной политики Российской Федерации могут быть названы следующие:

- устранение имеющейся разбалансированности уголовно-процессуальных функций и полномочий участников уголовного судопроизводства, выступающих на стороне обвинения и защиты;
- закрепление дополнительных процессуальных гарантий защиты прав и законных интересов всех лиц, вовлеченных в производство по уголовным делам;
- совершенствование механизмов предоставления квалифицированной юридической помощи по уголовным делам потерпевшим и свидетелям;
- более широкое применение упрощенных процедур предварительного расследования;
- создание условий для расширенного применения мер пресечения, альтернативных аресту (в том числе залога);
- развитие согласительных процедур в уголовном судопроизводстве;
- введение новых институтов восстановительного правосудия, основанных на примирении сторон и возмещении причиненного вреда;
- расширение категорий уголовных дел, по которым уголовное преследование и обвинение в суде может осуществляться в частном и частно-публичном порядке;
- совершенствование уголовно-процессуального порядка рассмотрения уголовных дел судом присяжных заседателей и др.

Таким образом, актуальность исследуемой проблематики определяется:

- несовершенством действующего материального и уголовно-процессуального законодательства в части регламентации защиты прав и законных интересов граждан, потерпевших от преступлений и правонарушений в сфере предпринимательской деятельности;
- необходимостью дальнейшего научного обеспечения процесса совершенствования правового регулирования производства по этой категории дел;
- потребностями практики в совершенствовании действующего законодательства с позиций комплексного применения институтов гражданского материального и уголовного процессуального права в отношениях с участием предпринимателей и иных участников гражданских правоотношений.

В настоящее время наиболее остро стоит проблема расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности [4] (это касается как отношений с участием самих предпринимателей, так и всех остальных участников гражданских правоотношений, которые, так или иначе, вступают с предпринимателями в различные правоотношения гражданско-правового характера). В теории, практике уголовного судопроизводства и в российском обществе в целом неоднократно отмечалось, что обеспечение прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, в уголовном судопроизводстве находится не на должном уровне [5].

Нередко преступления в сфере экономики «маскируются» под «гражданско-правовые отношения». Следовательно, необходимо раскрыть механизмы противодействия экономическим преступлениям в исследуемой сфере, а также проанализировать нормативные правовые акты, отражающие особенности их совершения и юридическую ответственность, регламентирующие, деятельность правоохранительных органов в механизме противодействия экономическим преступлениям, напрямую связанным с осуществлением предпринимательской деятельности, компетенцию правоохранительных органов в борьбе с рассматриваемыми преступлениями.

В УПК РФ имеется ряд статей, посвящённых специфике уголовного преследования с участием профессиональных участников гражданского оборота, которыми, как правило, выступают предприниматели (статья 23 УПК РФ «Привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации»; статья 28.1 УПК РФ «Прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности»). Как говорится в ч. 3 ст. 28.1 УПК РФ, «...суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного статьями 170.2, 171 частью первой, 171.1 частями первой и первой.1, 172 частью первой, 176, 177, 178 частью первой, 180 частями первой–третьей, 185 частями первой и второй, 185.1, 185.2 частью первой, 185.3 частью первой, 185.4 частью первой, 185.6 частью первой, 191 частью первой, 192, 193 частями первой и первой.1, 194 частями первой и второй, 195–197 и 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, при наличии оснований, предусмотренных статьями 24 и 27 УПК РФ, и в случаях, предусмотренных частью второй статьи 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (часть третья в ред. Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ). Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного статьей 193, частями первой и второй статьи 194, статьями 198–199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, при наличии оснований, предусмотренных частью третьей статьи 76.1 Уголовного ко-

декса Российской Федерации (часть 3.1 введена Федеральным законом от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ). Отметим, что введенная уже после вступления в силу УПК РФ ст. 28.1 за достаточно короткий промежуток своего существования претерпела кардинальные изменения, касающиеся как редакционного названия, так и самой сути статьи.

Предыстория обозначенной проблемы такова, что ещё в 2008 г. Д. А. Медведев, будучи на тот момент президентом нашей страны, заявил: «Надо, чтобы правоохранительные органы и органы власти перестали «кошмарить» бизнес» [6]. С этого момента было принято несколько законов, направленных, в том числе, на либерализацию «экономических» статей Уголовного кодекса. Это, в частности, Закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Закон от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Положениями названных Законов был повышен размер крупного и особо крупного ущерба, наличие которого является основанием для привлечения к уголовной ответственности. Плюс ко всему у впервые совершивших налоговое преступление появилась возможность получить освобождение от уголовной ответственности. С этой целью просто необходимо полностью погасить свой долг перед бюджетом (налоговую недоимку, пени, штрафные санкции). Для этого в УПК РФ была введена новая статья – ст. 28.1, в которой на сей случай установлен специальный порядок прекращения уголовного преследования по налоговому преступлению. Кроме того, Законом № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» закреплялось, что обязательным условием для отправки материалов налоговой проверки в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела является наличие вступившего в силу решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения (п. 3 ст. 32 НК РФ). Причем основанием для привлечения к налоговой ответственности является установление факта нарушения решением налогового органа, вступившим в силу (п. 3 ст. 108 НК РФ).

Дальнейшая либерализация уголовной политики государства в сфере налогообложения проявилась в Законе от 6 декабря 2011 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В нем конкретизировалось, что поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.2 Уголовного кодекса, могут служить только те материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Но уже в октябре 2013 г. Президент нашей страны Владимир Владимирович Путин внес в Госдуму законопроект о возврате правоохранитель-

ным органам права возбуждать уголовные дела по налоговым преступлениям. В пояснительной записке к законопроекту отмечалось, что действующий «либеральный» порядок является «одной из основных причин низкой эффективности раскрытия налоговых преступлений, в связи с чем существенно затруднено использование в уголовном процессе имеющихся результатов оперативно-розыскных мероприятий, проводимых органами внутренних дел РФ в рамках борьбы с налоговой преступностью». В пояснительной записке отмечалось, что переход на общий порядок «обеспечит комплексный подход к противодействию экономическим преступлениям, реализации возможностей правоохранительных органов и использованию поискового потенциала оперативно-розыскной деятельности для документирования налоговых преступлений и установления умысла на их совершение».

В итоге ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ утратила силу (Федеральный закон от 22 октября 2014 г. № 308-ФЗ). Практически одновременно, ещё до отмены ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ появилась и ныне действующая часть 1.2 (введена Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 218-ФЗ), согласно которой ещё одним «... поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьей 172.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, служат только те материалы, которые направлены Центральным банком Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», а также конкурсным управляющим (ликвидатором) финансовой организации для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

Всё вышеизложенное, а также анализ практики рассмотрения органами предварительного расследования и судами материалов о совершении преступлений в сфере экономики, свидетельствуют о том, что нет однозначного понимания в разграничении преступного деяния и гражданско-правовых отношений. Значительное количество дел продолжает прекращаться за отсутствием в действиях лица состава преступления, так как по мнению лица, производящего расследование, либо (что теперь чаще встречается) по решению суда «в действиях лица имели место гражданско-правовые отношения». Об этом свидетельствует и судебная практика нашего региона, а также большинство диссертационных исследований, упоминавшихся в работах автора [7].

К сожалению, в настоящее время в действующем уголовно-процессуальном законодательстве имеет место смещение акцентов в сторону усиления процессуальных полномочий и гарантий прав обвиняемого в ущерб правам жертв преступления. Такая тенденция в современной уголовной и уголовно-процессуальной политике представляется крайне неверной. На наш взгляд, во главу угла необходимо всё же поставить защиту прав лиц, пострадавших от преступных посягательств.

В настоящее время особенно остро стоит проблема назначения выездных налоговых проверок на основании материалов, направляемых органами внутренних дел (далее – ОВД). В настоящее время предусмотрено лишь право полиции направлять в налоговый орган сведения о налогоплательщике, уклоняющемся от уплаты налогов. В свою очередь, руководителем налогового органа единолично принимается решение о включении его в план проверок. При этом в случае положительного решения сроки назначения проверки законодательно не определены.

Ввиду вышеизложенного, а также учитывая сложившуюся в нашей стране общественно-политическую, экономическую и правовую ситуацию, в настоящее время назрела необходимость не просто корректировки действующих механизмов правового регулирования правосудия по уголовным делам, но и существенной их модернизации с учётом усиления процессуальных полномочий и гарантий прав лиц, пострадавших от преступлений.

Используя сопоставительный анализ ст. 21 и 27 и ряда других положений ГК РФ, из которых следует возможность занятия предпринимательской деятельностью с 14 лет, предлагается проанализировать положения действующего законодательства (материального и уголовно-процессуального) на предмет обоснования снижения возраста уголовной ответственности за все преступления, связанные с занятием предпринимательской деятельностью, а равно – за преступления, которые возможно совершить, используя статус предпринимателя с 16 до 14 лет. Нереализованными до настоящего времени являются предложения о создании механизма привлечения к уголовной ответственности юридических лиц (с позиции теории коллектива, а не одного генерального директора или иного руководителя), равно как и о признании юридических лиц субъектами уголовной ответственности (достаточно эффективно для борьбы с «мошенническими схемами» в сфере ЖКХ!).

В соответствии со ст. 52 Конституции Российской Федерации государство обязано обеспечить потерпевшим компенсацию причиненного преступлением ущерба. Определяя назначение российского уголовного судопроизводства, законодатель не случайно в ст. 6 УПК РФ на первый план поставил защиту прав и законный интересов потерпевших от преступлений, поскольку и ст. 52 Конституции РФ гарантирует всем лицам, потерпевшим от преступлений защиту: не только доступ к правосудию, но и компенсацию причиненного вреда. Поэтому «нельзя признать обоснованной позицию законодателя о сокращении публичного начала уголовного преследования в случае причинения вреда интересам собственной организации, поскольку получение согласия на возбуждение уголовного дела будет во многом зависеть от лиц, совершивших преступление. Поэтому целесообразно предоставить возможность государственным органам в исключительных случаях возбуждать уголовное преследование даже при отсутствии заявления или согласия организации» [8, с. 41].

Добавим сюда и несистемный подход законодателя к реформированию действующего законодательства, что хорошо прослеживается на последних изменениях кодифицированного законодательства РФ в целом. Так, в федеральных законах появляется всё больше «бланкетных», то есть отсылочных норм, вместо того, чтобы на уровне кодифицированного нормативного акта, максимально обобщать и систематизировать действующие положения.

Проблема актуальна и для действующих УК РФ и УПК РФ. На протяжении ряда лет законодатель делал разовые попытки (не всегда удачные) исправить их, но принципиальных изменений и дополнений в поименованные акты в этой до сих пор не внесены.

1. Александров А. С. Критика концепции объективной истины в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. № 6. С. 66–73; Головки Л. В. Принцип установления объективной истины в уголовном процессе // Законодательство. 2012. № 8. С. 5–9.

2. Зайцев О. А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления // Вестник ТвГУ. Серия «Право». Выпуск 35. Москва: Московская академия экономики и права, 2013. С. 92–99.

3. Гришин А. В. Некоторые аспекты повышения эффективности борьбы с налоговыми преступлениями // Наука и практика. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2016. № 3 (68). С. 44.

4. Обзор деятельности районных судов Орловской области по рассмотрению судебных дел за 12 месяцев 2015 года (в сравнении с аналогичным периодом 2014 года) // Материалы к совещанию по подведению итогов работы районных судов и мировых судей судебных участков Орловской области за 2015 год. Орел, 2016.

5. Винокуров С. В. Приоритетная роль потерпевшего в новой парадигме права // Рос. юстиция. 2013. № 12. С. 49–53.

6. URL: <http://www.rg.ru/gazeta/subbota/2008/08/07.html>.

7. Гришин А. В., Гришина М. В. Коммерческое (торговое) представительство: состояние, защита от противоправных посягательств и применение правовых презумпций: монография. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2015. 437 с.

8. Гришин А. В., Гришина М. В. Актуальные проблемы, связанные с осуществлением расследования преступлений, совершённых коммерческими (торговыми) представителями либо контрагентами в случае злоупотреблений правом // Наука и практика. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2016. № 3 (68). С. 40–41.

Ключевые слова: Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, уголовный процесс, уголовное преследование,

уголовно-процессуальная политика, уголовная политика, преступность, преступления в сфере экономической деятельности, причинение вреда, ответственность за причинение вреда.

УДК 347.1+343.1

СОДЕРЖАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРОВОДИМЫХ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Ермаков Сергей Вячеславович,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
предварительного расследования,*

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Макаренко Мадина Муссаевна,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предварительного расследования,*

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

В статье раскрыто содержание отдельных следственных и процессуальных действий, проводимых при проверке сообщения о преступлении экономической направленности.

Доказательственная база по большинству преступлений экономической направленности формируется в процессе их выявления оперативными сотрудниками, а также на этапе проверки сообщения о преступлении.

Из комплекса правомочий по производству следственных и процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, в числе прочих наиболее востребованными при проверке сообщения о преступлении экономической направленности являются: истребование и (или) изъятие документов и предметов; направление запросов в кредитные организации, финансовые и иные органы о предоставлении сведений об участниках финансово-хозяйственных операций. Ниже мы рассмотрим их содержание более подробно.

Без документов невозможна правовая оценка совершенного деяния в экономической сфере отношений, а так же предметное общение с лицами, вовлеченными в проверку. Изъятие и истребование документов необходимо для назначения в последующем документальных проверок, ревизий, исследований, а также судебных экономических, строительно-технических, компьютерно-технических и других видов экспертиз. Следовательно нужно

иметь целый комплекс документов и сведений, необходимых для исследования и принятия решения о возбуждении уголовного дела.

В качестве аксиомы можно утверждать, что все предметы и документы, находящиеся в материалах проверки сообщения о преступлении экономической направленности, а в последующем и возможном уголовном деле, должны быть получены в установленном законом порядке, т.е. путем производства соответствующих следственных действий (например, изъятие документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность организации при осмотре места происшествия), а также иных процессуальных действий (например, истребование информации о хозяйствующем субъекте, его имущественном положении, доходах, путем направления запросов в Федеральную налоговую службу). Способы их получения различаются в зависимости от особенностей предметов и документов, их содержания, местонахождения, добровольности выдачи со стороны их обладателя и прочих обстоятельств.

В уголовно-процессуальном законе процедура истребования (изъятия) предметов, документов в рамках проведения проверки по сообщению о совершении преступления, порядок фиксации результатов ее проведения не нашли своего отражения. Вольное толкование положений ч. 1 ст. 144 УПК РФ «...вправе ... истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом...» привело к формированию негативной практики производства выемки до возбуждения уголовного дела. При этом выемка предметов и документов, содержащих сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну до возбуждения уголовного дела, как правило, не производится, в виду того, что суды не берут на себя ответственность и отклоняют ходатайства о производстве выемки.

Позиции ученых по поводу правомерности выемки до возбуждения уголовного дела разделились. Большая часть специалистов выступают против возможности производства выемки до возбуждения уголовного дела [1]. Вместе с тем, есть и те, кто поддерживают сложившуюся практику [2].

Конституционный Суд РФ также не сформулировал однозначную правовую позицию по вопросу правомерности производства выемки до возбуждения уголовного дела в соответствии со ст. 144 УПК РФ [3]. Таким образом, законодатель заложил в текст закона не только повод для научных споров, но и возможность признания недопустимыми полученных доказательств.

Считаем, что в условиях действующего уголовно-процессуального законодательства при проверке сообщения до возбуждения уголовного дела следует производить изъятие предметов и документов, оформляя протокол изъятия с соблюдением требований формы и содержания, установленных УПК РФ к протоколам следственных действий (ст. 166–167 УПК РФ).

При этом стоит заметить, что практика производства выемки до возбуждения уголовного дела объективно необходима, оправдывает себя, поддерживается следователями, дознавателями и требует недвусмысленного закрепления в тексте уголовно-процессуального закона. Данное положение, несомненно, будет способствовать экономии сил и средств как оперативных подразделений, так и следственных органов, исключит необходимость дублирования проверочных действий следственными действиями в ходе дальнейшего расследования.

При проверке сообщений о преступлениях рассматриваемой категории изъятие предметов и документов возможно также при производстве осмотре места происшествия. Однако вопрос о понимании места происшествия по преступлениям экономической направленности не всегда однозначен. Поэтому недопустимо произвольно осуществлять изъятия предметов и документов с «мест происшествия», которые по существу таковыми не являются, подменяя этим следственным действием иные законные способы истребования и изъятия документов [5].

Например, следователь в рамках проверки сообщения о незаконном выделении земельного участка изучил реестр договоров на приобретение указанных объектов. Обратив внимание на то, что в реестре имеются сведения о приобретении земельных участков также иными руководителями, следователь письменно затребовал в администрации муниципального округа подлинники названных договоров. Получив отказ в предоставлении документов, следователь провел осмотр места происшествия – служебного кабинета председателя комитета по управлению имуществом [4].

В ходе проверки сообщения о преступлении экономической направленности возникает необходимость получения не только документов, но и сведений, в том числе составляющих охраняемую законом тайну. Вместо изъятия документов может быть истребована справка, которую соответствующие организации обязаны выдать при условии выполнения требований специального законодательства, например, Налогового кодекса Российской Федерации (ст. 102), Федерального закона «О банках и банковской деятельности» (ст. 26).

В соответствии со ст. 102 Налогового кодекса Российской Федерации, налоговую тайну составляют любые полученные налоговым органом, органами внутренних дел, следственными органами, органом государственного внебюджетного фонда и таможенным органом сведения о налогоплательщике, за исключением сведений: 1) являющихся общедоступными, в том числе ставших таковыми с согласия их обладателя – налогоплательщика; 2) об идентификационном номере налогоплательщика; 3) о нарушениях законодательства о налогах и сборах и мерах ответственности за эти нарушения; и некоторых других.

Так, лицо производящее проверку сообщения, согласно выписке из ЕГРЮЛ, может получить сведения о местонахождении юридического ли-

ца, номер телефона, размер уставного капитала, сведения об учредителях и руководителе юридического лица, их паспортные данные и ряд других сведений.

Согласно ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-І «О банках и банковской деятельности» банковская тайна – это тайна об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов. Согласно ч. 5 ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», справки по операциям и счетам юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, по операциям, счетам и вкладам физических лиц до возбуждения уголовного дела выдаются на основании судебного решения кредитной организацией должностным лицам органов, уполномоченных осуществлять оперативно-разыскную деятельность.

Проверяя сообщение о преступлении экономической направленности, следователи сталкиваются с трудностями при получении документов из банков, так как в качестве основания их выдачи является возбужденное уголовное дело. Между тем, для более полного анализа обстоятельств совершенного преступления требуются выписки о движении денежных средств по расчетным счетам обществ. При этом сотрудники подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБ и ПК) в данном случае получают разрешение суда об истребовании указанных документов, оформляя это проведением ОРМ, в то время как следователи не имеют данных полномочий и вынуждены действовать только путем направления соответствующих поручений органу дознания, что сказывается на сроках проведения проверки. В связи с этим следователь (дознатель) вправе дать поручение органу дознания о получении указанных сведений.

1. Абдул-Кадыров Ш. Доказательства, полученные при производстве доследственной проверки // Уголовное право. 2014. № 2. С. 96– 99; Белкин А. Р. Новеллы уголовно-процессуального законодательства – шаги вперед или возврат на проверенные позиции? // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3. С. 4–13; Чиннова М. В., Сучков А. В. К вопросу о законности и обоснованности принятия процессуальных решений и проведения проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России // Рос. судья. 2013. № 6. С. 14–18.

2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / О. Н. Ведерникова, С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов и др. отв. ред. В. М. Лебедев; рук. авт. кол. В. А. Давыдов. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Абрамовой Эрики Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской

Федерации: Определение Конституционного Суда Ро. Федерации от 22 декабря 2015 г. № 2885-О.

4. Решение Березовского городского суда Свердловской области от 15 марта 2010 г. по жалобе председателя комитета по управлению имуществом Березовского городского округа. Цит. по: Карагодин В. Н. Осмотр места происшествия, обыск или выемка? // Рос. юридический журнал. 2012. № 5. С. 128–132.

5. Есина А. С., Макаренко М. М., Ермаков С. В., Пушкарев В. В., Галкина У. В. Организация деятельности дознавателя по расследованию незаконного использования товарного знака: учебное пособие. Ачинск, 2017.

Ключевые слова: преступления экономической направленности; требование документов, предметов; запросы в кредитные организации, финансовые и иные органы о предоставлении сведений об участниках финансово-хозяйственных операций.

УДК 343.98

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ КАК МЕХАНИЗМ РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Ефременко Дарья Олеговна,

адъюнкт,

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,

117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

В статье автор рассматривает состязательность как один из базовых механизмов разрешения конфликтов, возникающих в социальной среде, раскрывает его основные элементы, специфические черты, роль в социально-правовом пространстве.

Социальное взаимодействие состоит из совокупности конфликтных отношений, пронизывающих всю жизнедеятельность людей. Конфликты охватывают все социально-правовое пространство. По мнению Е. В. Змановской, конфликт представляет собой неотъемлемый способ социального взаимодействия, субъектами и участниками которого выступают отдельные индивиды, различные социальные группы [1]. Представляется, что конфликт является не только способом взаимодействия субъектов, но и по сути выступает вариативным выходом из сложившегося противоречия, т.е. в результате является источником прецедентов, итогом любого взаимодействия. Стоит отметить, что конфликт всегда выступает как взаимодействие активно действующих систем, в свою очередь каждая из которых направ-

лена на самосохранение. Если бы не было конфликтов, системы не имели бы стимула и ресурса для взаимодействия, а, следовательно и для своего развития. Разрешение конфликта всегда запускает новый процесс самоорганизации системы и создает предпосылки для возникновения нового явления, процесса или системы в целом. Если бы не было конфликтов, все системы развивались бы односторонне, следовательно, можно утверждать, что конфликты запускают процессы самоорганизации ради поддержания общего баланса, дают стимул к разностороннему развитию [2].

Социально-правовая среда также конфликтна по своей сути. Разрешение противоречий в социальной сфере может осуществляться различными способами: уступкой, компромиссом, силой, революционным путем, правовым. При этом право может рассматриваться как выработанная социальной практикой форма, универсальное средство разрешения конфликта. Потенциальная конфликтность или конкурентность общественных отношений для регулирования которых предназначено право, придают его природе свойства игровых правил, устанавливающих порядок состязания [3].

Исходя из этого состязания (состязательность) выступает как механизм разрешения конфликтов в социальной сфере правовым путем. Таким образом, переходя к рассмотрению непосредственно правового механизма состязания для разрешения конфликтов стоит отметить, что состязательность (в широком понимании данного термина) присутствует в большом количестве явлений человеческой жизни, но правовая состязательность присуща лишь ограниченному кругу процессов. Для реализации механизма правовой состязательности необходимо наличие конфликтного отношения, возникшего в социально-правовом пространстве как основания для его возникновения.

Рассматривая варианты проявления механизма состязательности следует отметить, что ряд правоведов, в частности Р. А. Якупова усматривает проявление данного механизма в большинстве сфер общественной жизни человека (образования, науки, культуры, спорта). Мы считаем, что состязательный механизм реализуется в указанных сферах лишь в случае возникновения противоречий, спора в данных отношениях [4]. До этого момента правовой механизм не требуется, все процессы протекают на основе правил, установок, путем применения определенного алгоритма действий.

Представляется, что к основным формам выражения состязательности в правовой сфере можно отнести механизмы избирательного процесса, судопроизводственные механизмы состязательности, а также механизмы в экономико-правовом процессе. Данные формы имеют ряд общих черт и особенностей, которые позволяют утверждать именно о правовом характере механизма состязательности. Это связано с тем, что характеризуя данный механизм состязательности в каждой из указанных форм его основными элементами будут выступать такие как сторона (индивиды, группы,

организации, государственные и иные органы), предмет правового спора (объекты материального мира, интеллектуальной сферы, права граждан), арбитр (как независимый участник контролирующий процесс и определяющий исход состязания; представлены юрисдикционными органами и должностными лицами), равноправие (как основание и условие возможности существования механизма) [5].

Также рассматривая состязательность как базовый механизм разрешения социальных конфликтов, стоит отметить, что он представляет собой систему, включающую ряд факультативных элементов, например, интерес; стороны должны иметь заинтересованность в получении предмета спора, но степень значимости предмета может быть для них различной.

Как отмечалось выше, для возникновения механизма необходимо наличие спорного отношения. Кроме того, стоит согласиться с утверждением С. В. Бобровника, что также необходимым условием возникновения выступает идентичность интересов участников конфликта с тем общим для них, что впоследствии становится предметом спора, противоборства. Роль данного механизма выражена в деятельности по устранению конфликтов. В данном механизме конфликт разрешается с помощью состязания, в котором существуют заранее установленные правила, определенные добровольные ограничения сторон и лицо, наделенное определенными юрисдикционными полномочиями, не являющееся одним из участников конфликта. Механизм может реализовываться только через выполнение правил (норм) данного состязания, которые подлежат установлению заранее. Так как рассматриваемый механизм носит правовой характер, то данные правила, в большинстве своем, выражены в нормах права. Таким образом, механизм состязательности выражен в системе элементов и обладает рядом специфических черт:

- во-первых, конфликты, на разрешение которых он направлен, всегда связаны с правом, возникают, протекают в рамках правовых явлений, а также разрешаются на основе норм права; в отличие от всего многообразия социальных конфликтов вообще;

- данный механизм выражается в форме открытого противоборства;
- он существует только в правовом пространстве, при этом разрешаемые конфликты носят осознанный характер [6];

- итогом «работы» данного механизма выступают правовые нормы и юридически значимые последствия.

Подводя итог вышеизложенному стоит отметить, что рассматриваемый механизм состязательности, по нашему мнению, является наиболее эффективным, целесообразным и оправданным способом разрешения конфликтов в социальной сфере. Он имеет ряд преимуществ над другими способами, основными из которых являются установление истины, неприменение насилия, возможность оспаривания и др. Для реализации данного механизма в настоящее время функционирует целая система юрисдикци-

онных органов. Проблемные вопросы в их деятельности по реализации состязательности требует отдельного, детального рассмотрения.

1. Профилактика и разрешение социальных конфликтов. Самостоятельное научное неперiodическое однотоmное элeктронное издание / под ред. Е. В. Змановской. СПб., 2011. С. 8.

2. Мамонтов А. Г. О состязательной природе права / Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя. М., 2016. С. 7.

3. Мирхусеева С. Д. Спор о праве как разновидность социального конфликта // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 1 (17). С. 251.

4. Пархоменко И. Т., Цуркан А. А. Теоретические основания изучения феномена состязательности // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2016. № 1 (9). С. 55.

5. Светлов В. А. Конфликт и эволюция: монография. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2012. С. 10.

6. Якупова Р. А. Состязательность в праве: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 10.

Ключевые слова: состязательность, конфликт, социальный конфликт, социально-правовая среда, теория права, теория государства и права.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОРУЖИЯ

Жуков Владислав Геннадьевич,

слушатель,

*Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Клевцов Вадим Владимирович,

*кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,*

*Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

В данной статье рассматриваются особенности экспертного исследования травматического оружия, проблемы, возникающие в процессе

исследования перед следователем (дознавателем), а также вопросы, которые могут быть поставлены на разрешение экспертизы при расследовании преступлений, связанных с использованием оружия.

Распространенность, которую в последнее время получило использование травматического оружия, заставляет говорить не только о необходимости правового урегулирования отношений в данной сфере и выработки позиции по оценке правомерности его использования, но и о видах возможных экспертиз в рамках расследования преступлений, при совершении которых оно становится орудием преступления.

Назначение судебно-баллистической экспертизы травматического оружия предполагает ряд процессуальных действий, содержание и порядок которых вытекают из смысла ст. 195, 196 и 198 УПК РФ [1]:

- принятие решения о проведении экспертизы по делу;
- подготовка материалов, подлежащих исследованию;
- выбор эксперта или экспертного учреждения, включая специализацию эксперта, выявление отсутствия оснований для отвода эксперта;
- выполнение требований, установленных в ст. 198 УПК РФ, по ознакомлению подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего с постановлением о назначении экспертизы, по разрешению ходатайств, заявляемых ими в связи с проведением экспертизы;
- направление постановления и материалов в экспертное учреждение или эксперту, который будет проводить исследование [2].

Проблемой для следователя (дознавателя) является формулировка вопросов перед экспертом, исходя из следственных ситуаций, складывающихся в процессе расследования дел, связанных с использованием травматического оружия. Вопросы должны вытекать из обстоятельств события и соответствовать специальным познаниям специалиста [3].

Как правило, при исследовании оружия никаких образцов для сравнения не требуется. На исследование направляется орудие в состоянии, в котором оно было обнаружено. Очистить и смазать его, чтобы сделать некоторые эксперименты, невозможно. Единственными исключениями являются случаи, когда было изъято заряженное орудие. Такое орудие должно быть разряжено, необходимо упомянуть об этом в протоколе следственного действия.

На экспертизу при исследовании боеприпасов и следов выстрела вместе с постановлением о ее назначении необходимо направлять все объекты, относящиеся к обстоятельствам использования на месте происшествия травматического оружия, и материалы дела, содержащие сведения об этом (протоколы осмотров, фототаблицы, схемы и т. п.). С орудием, боеприпасами и подобными вещественными доказательствами нельзя производить эксперименты и подвергать их опасности изменения состояния. Они должны быть упакованы таким образом, чтобы исключать возмож-

ность их повреждения при транспортировке. В каждом конкретном случае назначения экспертизы боеприпасов и следов выстрела должностному лицу необходимо предоставить эксперту соответствующие образцы для сравнения (пули, гильзы, патроны, оружие и т. д.), которые могут быть изъяты у подозреваемых при задержании, обыске, выемке. Правильно подобранные образцы обеспечивают успех экспертного исследования. Если при подборе образцов возникнут затруднения, то лицо, назначающее экспертизу, может получить соответствующую консультацию у специалиста, занимающегося вопросами судебной баллистики [4].

У эксперта образцы для сравнения должны быть процессуально оформлены и описаны в постановлении о назначении экспертизы, когда, где и при каких обстоятельствах они получены.

Результаты, получаемые в ходе проведения баллистических экспертиз, играют важную роль в раскрытии, расследовании любого преступления. При расследовании преступлений, совершаемых с использованием травматического оружия, заключение эксперта часто имеет решающее доказательственное значение при определении характера и степени вины подозреваемого (обвиняемого). К сожалению, отсутствие единого подхода к исследованию травматического оружия и следов его использования значительно осложняет расследование и судебное разбирательство дел данной категории [5].

Когда оружие еще не найдено, для следственных и оперативных подразделений определение его системы и модели играет почти самую важную роль.

Для того чтобы облегчить оперативным подразделениям работу по розыску оружия, нужно определить по изъятым с мест происхождения гильзам и снарядам его тип, систему и модель. Это позволит вести поиск оружия более конкретно.

Для определения по стреляным снарядам и гильзам системы и модели оружия необходимо хорошо знать материальную часть, взаимодействие частей и механизмов оружия, особенности каждой системы оружия, процесс слеодообразования на гильзах и снарядах, справочные данные и прочее [6].

Оружие можно классифицировать по такому основанию, как страна-изготовитель: 1) отечественного производства (ИЖ-78-9Т «Кольчуга», револьвер Р-1 «Наганыч»); 2) зарубежного производства (пистолет «SAPL GO54» (Франция), «STEEL NICKEL» (Турция)) [7].

Однако следует обратить внимание на то, что в Законе Российской Федерации «Об оружии» определения травматического оружия нет, хотя подобные образцы встречаются в практике, что может осложнить отнесение этих образцов к разряду травматического или иного оружия. В настоящее время ввоз иностранного травматического оружия на территорию

Российской Федерации запрещен, но образцы, которые ранее импортировались, остаются в пользовании населения на законных основаниях.

Боеприпасы, используемые для стрельбы из травматического оружия, в свою очередь, можно подразделить, исходя из целевого назначения, на следующие типы: ударные (содержащие резиновые, пластиковые и другие снаряды); светозвуковые; сигнальные; осветительные [8].

Следует отметить, что при создании травматических патронов конструкторы учитывают, что удельная энергия пули, превышение предела которой приводит к проникающей ране, сводится к минимуму. Поэтому для изготовления оболочек используются специальные материалы (пластик, эластичная резина и т. д.), что также способствует уменьшению проникающей способности снаряда.

Вместе все вышеперечисленные обстоятельства порождают ряд проблем, возникающих в результате изучения травматического оружия.

Проблема заключается в недостаточно высокой степени готовности отдельных методов экспертного исследования. Например, при решении диагностических вопросов (о повреждениях, направлении и расстоянии, образовавшихся при выстреле, вид оружия и т. д.) при проведении медико-криминалистических экспертиз, как показывает экспертная практика, часто возникают ситуации, когда эксперт не может ответить на вопрос или отвечает в вероятной форме. Из-за разной кинетической энергии заряда (патрона) из травматического оружия (50–70 Дж и более), содержащиеся в одной коробке (упаковке), ответить на некоторые вопросы однозначно просто невозможно. В этом случае выводы могут быть сделаны только на основе знания общих закономерностей процессов слеодообразования. Это позволяет решать вопросы диагностического характера, которые в нашем случае явно недостаточно [9].

Выход из сложившейся ситуации видится в создании криминалистических рекомендаций, которые включали бы в себя не только вопросы, связанные с организацией процесса расследования неправомерного использования травматического оружия, тактику производства отдельных следственных действий, но и определяли бы алгоритм назначения и проведения специальных исследований и экспертиз а также внедрение обязательной маркировки слеодообразующих частей огнестрельного оружия различными способами, которая позволила бы легко, даже без использования сложного лабораторного оборудования, осуществлять индивидуализацию конкретного образца огнестрельного оружия по следам на пулях и гильзах даже на местах производства осмотров.

1. Криминалистика. Углубленный курс: учебник / под общ. ред. А. Г. Филиппова. М.: ДГСК МВД России, 2012. С. 638.

2. Муленков Д. В. Назначение баллистической экспертизы травматического оружия // Законодательство и практика. 2013. № 1 (30).

3. Шолохов С. В., Коргин А. В., Васюков В. Ф. К вопросу о роли использования технико-криминалистических средств в доказывании по уголовным делам // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Всероссийской конференции, 2015. С. 343–348.

4. Клевцов В. В. Особенности производства следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела по различным преступлениям // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования: сборник статей межведомственного круглого стола и всероссийского круглого стола / редколлегия: А. В. Булыжкин [и др.], 2017. С. 109–112.

5. Бадиков Д. А., Власов В. В. Некоторые вопросы назначения и производства судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве // Наука и практика. 2014. № 2 (59). С. 19–22.

6. Васюков В. Ф. О назначении судебной компьютерной экспертизы при расследовании уголовных дел // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: материалы международной научно-практической конференции, 2016. С. 21–27.

7. Об оружии [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ: с изменениями от 6 июля 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Каныгина А. С. Практики использования методов математического моделирования и математической статистики в гуманитарных науках. Челябинск, 2013. С. 72–73.

Ключевые слова: состязательность, конфликт, социальный конфликт, социально-правовая среда, теория права, теория государства и права.

УДК 343.98

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ
ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ,
ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ФОРМЫ ОКОНЧАНИЯ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Иванов Дмитрий Александрович,
*кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры предварительного расследования,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

В статье освещаются вопросы, связанные с деятельностью следователя, дознавателя по обеспечению возмещения вреда, причинённого уголовно наказуемым деянием при определении формы окончания предварительного расследования (прекращении уголовного дела, направление уголовного дела прокурору для последующей передачи в суд). Автор обосновывает положение о том, что при выборе определенной формы окончания предварительного расследования, следователь, дознаватель должен быть убежден в том, что он не только доказал характер и размер причиненного преступлением вреда, но и принял исчерпывающий комплекс мер, направленных на обеспечение возмещения вреда жертвам преступных деяний.

Обращаясь к классическому пониманию окончания предварительного расследования, отметим, что в уголовно-процессуальной науке традиционно выделяют две его формы: прекращение уголовного дела и окончание предварительного расследования составлением обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления и направление уголовного дела прокурору для последующей передачи в суд.

Оканчивая расследование, следователь, дознаватель, должен оценить всю совокупность доказательств, собранных в ходе досудебного производства, и на основе результатов такой оценки принять решение о конкретной форме его окончания.

Данное решение, как рассуждает В. Г. Даев, представляя собой итог всему предшествующему расследованию, должно приниматься лишь в результате тщательной и всесторонней оценки всех обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [1]. Последователен в своих доводах и Ю. Н. Белозеров, который акцентирует внимание на необходимости строгого соблюдения закона на заключительном этапе досудебного производства [2]. Эти требования, по утверждению Г. П. Химичевой, О. В. Мичуриной и О. В. Химичевой, являются универсальными независимо от того, в какой форме грянет окончание предварительного расследования [3].

При окончании предварительного следствия следователь, дознаватель подводит итоги, анализирует и оценивает всю совокупность материалов дела. По мнению П. С. Ефимичева и С. П. Ефимичева, «придя к убеждению, что в процессе расследования использованы все необходимые для установления истины средства доказывания, предусмотренные законом, и обстоятельства дела выяснены, следователь прекращает дальнейшее собирание доказательств, систематизирует материалы, формулирует и обосновывает выводы по существу» [4].

Этап окончания предварительного расследования включает в себя определённую совокупность процессуальных действий и решений, которые по своей сути имеют единую константу, а именно – проверка полноты, всесторонности, объективности собранных в ходе производства предвари-

тельного расследования доказательств, на восполнение пробелов проведенного следствия, окончательное в соответствии с требованиями закона оформление следственного производства.

Абсолютно закономерным представляется рассуждение о том, что окончание предварительного расследования в любой из его форм имеет место лишь после того, как следователь, дознаватель оценил все собранные по уголовному делу материалы и пришел к единственно верному решению о том, что:

- все обстоятельства, подлежащие доказыванию, достоверно установлены и их совокупность достаточна для того, чтобы суд при рассмотрении уголовного дела по существу смог принять законное и обоснованное итоговое решение (вынести обвинительный приговор);

- дальнейшее расследование представляется нецелесообразным, так как достоверно установлены обстоятельств, которые повлекут за собой прекращение уголовного дела (уголовного преследования). В нашем случае, отталкиваясь от рассматриваемой темы диссертационного исследования таким обстоятельствами могут быть прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ); прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25. 1 УПК РФ); прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ); прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 28.1 УПК РФ).

В связи с чем, можно говорить о том, что после оценки всех собранных доказательств проявляется так называемое усмотрение следователя, дознавателя, которое требует, чтобы существовала сфера законных возможностей, в которой правомочное лицо могло бы выбирать целесообразный способ поведения [5]. В данном случае проявлением таких способов поведения является факт принятия одного из рассматриваемых нами решений. Причем особо подчеркнем, что решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), и решение направлении уголовного дела с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением) прокурору для последующей передачи в суд, мы связываем с параллельным исчерпывающе проведенным комплексом организационных и процессуальных мероприятий, направленных на возмещение вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием.

Разрешение данных вопросов должны занимать поистине центральное место в досудебном производстве по уголовным делам, так как даже факт прекращения уголовного дела (уголовного преследования) не лишает прав жертв преступных посягательств на возмещение причиненного им вреда. Сделаем ремарку, уточнив, что в указанных случаях в действие включаются другие правовые механизмы достижения обозначенной нами первостепенной цели – возмещение причиненного преступлением вреда, а

именно такие как: обжалование незаконных решений следователя, дознавателя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования); подготовка искового заявления для защиты своих прав и возмещение вреда в порядке гражданского судопроизводства.

В связи с чем, полагаем возможным и востребованным остановиться на вопросе прямого или косвенного влияния фактов возмещения преступно причинённого вреда на выбор конкретной формы окончания предварительного расследования.

Достоверно установленный и доказанный материалами уголовного дела факт реального и полного возмещения вреда, причинённого преступлением, естественно, не может однозначно повлиять на окончательное решение вопроса об окончании предварительного расследования в той или иной рассматриваемой нами форме. Однако следует акцентировать внимание на том аспекте, что данное обстоятельство учитывается следователем, дознавателем, так как в силу положений уголовного законодательства, факт возмещения и заглаживания преступно причинённого вреда либо полностью освобождает либо от уголовной ответственности (ст. 25, 25.1, 28, 28.1 УК РФ) либо существенно смягчает наказание (ст. 61 УК РФ).

При этом отметим, что факты активного содействия розыску имущества, добытого преступным путем, а также добровольного возмещения имущественного вреда и компенсации морального вреда, должны найти свое достоверное подтверждение в материалах уголовного дела. Данные сведения, подтвержденные материалами уголовного дела, являются не только обстоятельствами, смягчающими наказание (ст. 61 УК РФ) [6], но и при соблюдении иных указанных в уголовно-процессуальном законе условий влекут освобождение от уголовной ответственности. Высказанный аргумент представляет собой особую ценность еще и для нормального функционирования пенитенциарной системы нашего государства, которая, как известно, испытывает трудности в связи с загруженностью исправительных учреждений и постоянным поступлением нового «преступного элемента» для отбывания наказания связанного с лишением свободы.

Важен и тот фундаментальный аспект, что добровольное возмещение причинённого преступлением вреда в свою очередь создает для подозреваемого (обвиняемого) уголовно-правовые «привилегии», выраженные в позитивных последствиях отсутствия судимости.

Рассуждая о применении положений ст. 61 УК РФ и возможности смягчения наказания за совершенное уголовно наказуемое деяние, в случае возмещения причиненного вреда, считаем уместным обосновать свою позицию и реальными примерами следственно-судебной практики расследования преступлений. *В частности, следственной частью СУ при УВД ЮВАО ГУВД по г. Москве было направлено в суд уголовное дело по обвинению руководителей Московского металлургического завода «Серп и молот», которые собранными по делу доказательствами изобличены в со-*

вершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ. После ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемыми возмещен государству имущественный вред на общую сумму более 84 миллионов рублей. В дальнейшем, по уголовному делу вынесен обвинительный приговор и с учетом положений п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ данный факт судья учел как обстоятельство смягчающее наказание.

Говоря о значении разрешения рассматриваемых автором вопросов, отметим, что должностные лица, осуществляющие досудебное производство, принимают скоропалительные и зачастую необоснованные решения при определении формы окончания предварительного расследования.

Однако уточним, что предварительное расследование заканчивается лишь тогда, когда следователем, дознавателем полностью выяснены и исследованы все обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу [7]. Отметим, что среди данных обстоятельств в силу действия положений п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ входят и исследуемые нами характер, а также размер вреда, причинённого преступлением.

Таким образом, автором обоснован вывод, доказывающий постулат о том, что деятельность следователя по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, носит крайне разноплановый и комплексный характер в течение всего досудебного производства. При этом на этапе окончания предварительного расследования, вне зависимости от принятого процессуального решения, следователь, дознаватель должен принять все меры, направленные на восстановления прав жертв преступных деяний, и в первую очередь полноценное возмещение причинённого вреда.

1. Советский уголовный процесс / Н. С. Алексеев, А. И. Бастрыкин, В. Г. Даев и др.; под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. 472 с.

2. Уголовный процесс / под редакцией канд. юрид. наук. Б. А. Викторова. М.: Юридическая литература, 1970. 488 с.

3. Химичева Г. П., Мичурина О. В., Химичева О. В. Окончание предварительного расследования прекращением уголовного дела: монография. Рязань: Узорочье, 2001. 210 с.

4. Ефимичев П. С., Ефимичев С. П. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. М.: Юстицинформ, 2009. 504 с.

5. Марфицин П. Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 418 с.

6. Бондарева М. В., Бондарева Е. В. Алгоритм действий следователя по возмещению имущественного ущерба, причиненного преступлением // Уголовный процесс. 2015. № 1 (121). С. 48–55.

7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А. М. Рекунова и А. К. Орлова. М.: Юрид. лит., 1981. 536 с.

Ключевые слова: следователь, дознаватель, потерпевший, обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление, добровольное возмещение вреда.

УДК 343.1

ТАКТИКА ОБНАРУЖЕНИЯ, ИЗЪЯТИЯ И ОСМОТРА ДОКУМЕНТОВ ПО ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ

Калюжный Александр Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации,
302034, г. Орел, ул. Приборостроительная, д. 35

В статье анализируются документы, изобличающие противоправную деятельность, направленную на свободу личности, приводится классификация исследуемых документов, рассматриваются тактические особенности их изъятия и фиксации, анализируется правоприменительная практика доказывания указанных составов, делаются выводы.

Совершение преступлений, посягающих на свободу личности, затруднительно или же невозможно без использования документов. Подготавливаясь к совершению торговли людьми, использования рабского труда, преступники вынуждены позаботиться о подделке заграничных паспортов, виз, договоров и контрактов, и других документов, которые могут быть найдены при производстве осмотров [1, с. 87–88]. Состав незаконного помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях основан на подделке медицинских документов, содержащих основания для помещения лица в соответствующее учреждение: историй болезней, амбулаторных карт, справок с наркологического и психоневрологического диспансеров, заключений судебно-психиатрических экспертиз, информированных согласий на оказание психиатрической помощи и помещение в психиатрический стационар, журналов поступления больных и других документов. Тактические особенности изъятия и осмотра документов по посягательствам на свободу личности мы и рассмотрим в данной статье.

Анализ судебной и следственной практики по посягательствам на свободу личности позволяет документацию, отражающую элементы преступной деятельности, классифицировать на следующие виды:

а) рекламная документация (тексты рекламных объявлений, периодические издания средств массовой информации и т. п.) по обеспечению свободного времяпрепровождения;

б) документация для выезда и работы за рубежом (билеты, трудовые договора, документы, удостоверяющие личность потерпевших, визы и т. п.);

в) финансовая и медицинская документация (истории болезни, долговые расписки, частично или полностью заполненные бланки, медицинские справки, медицинские карты и др.);

г) документация повседневной преступной деятельности (детализация телефонных переговоров, ежедневники, сообщения электронной почты, письма, телеграммы, факсы и другие материалы, полученные от будущих «покупателей живого товара» или «работодателей» и т. п.).

В качестве одного из способов изъятия таких документов выступает осмотр места происшествия, тем более, что в соответствии с ч. 2 ст. 176 УПК РФ осмотр следов преступления и иных обнаруженных предметов производится на месте производства следственного действия, за исключением случаев, когда их осмотр затруднен или требует продолжительного времени.

Например, С. И. Николаев и А. В. Эшкинин, являясь организаторами фирмы интим-досуга, для привлечения в свою фирму новых девушек стали активно подавать объявления в газеты. Для занятия проституцией С. И. Николаев и А. В. Эшкинин купили у неустановленного следствием лица потерпевших Б. и Т. В материалах уголовного дела местом происшествия явился дом, где удерживались потерпевшие Б. и Т., а газеты с объявлением, поданным С. И. Николаевым и А. В. Эшкининым, были осмотрены протоколом осмотра предметов, документов [6].

По общему правилу осмотр предметов и документов проводится в рамках того следственного действия, в котором они изымаются [3]. Вместе с тем, действующее уголовно-процессуальное законодательство допускает производство осмотра документов, как самостоятельного следственного действия, до возбуждения уголовного дела. Поэтому при обнаружении в ходе осмотра места происшествия документов в протоколе соответствующего следственного действия указывается: наименование, назначение и содержание документа; размеры, вид и цвет бумаги, на которой он выполнен; кем он подписан и кому адресован; изготовлен ли он на бланке; имеет ли он реквизиты (штампы, печати, подписи); вид и цвет красителя, которым выполнен основной текст; наличие пятен, складок, отверстий, разрывов; нет ли признаков интеллектуального или материального подлога [8, с. 55–56].

При описании документов, обнаруженных в ходе проведения осмотра, необходимо указывать не только родовые, но и индивидуальные признаки, выделяющие его из числа однородных. В противном случае отсут-

ствуется тождественность объектов, приобщаемых к материалам уголовных дел, что влечет в дальнейшем прекращение дел за недоказанностью вины преступников.

Если в ходе производства осмотра места происшествия отсутствует возможность комплексного осмотра документов, требуется продолжительное время для их осмотра или их описание затруднено, обнаруженное и изъятое подлежит осмотру в рамках самостоятельного следственного действия – осмотра документов, оформляемого отдельным протоколом. Последующий осмотр документов должен сопровождаться описанием в протоколе внешних признаков упаковки, включая печать и подписи [7, с. 177].

При производстве осмотра документов участие понятых не является обязательным, но в этом случае уголовно-процессуальное законодательство обязывает следователя применять технические средства фиксации хода и результатов следственного действия (ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ).

Для посягательств, связанных с похищением людей и незаконным лишением свободы характерно наличие документации, указывающей на корыстные цели преступной деятельности и совершение данных посягательств в совокупности с другими преступлениями.

Например, в период с августа 2011 г. по октябрь 2013 г. Магомедова, Малеева и Краснова, в составе организованной группы, согласно разработанному плану, вербовали и перевозили через государственную границу Российской Федерации на территорию Королевства Бахрейн ОАЭ и республики Турции девушек, которых в дальнейшем продавали в целях последующей эксплуатации в занятии проституцией. Осуществление подбора и вербовки девушек осуществлялось путем их убеждения в возможности быстрого заработка без материальных и интеллектуальных затрат за пределами Российской Федерации [5]. Наладив сотрудничество с несколькими туристическими фирмами, фигуранты дела, предоставляя поддельные справки с вымышленных мест работы потерпевших об их уровне дохода, получали визы и организовывали выезд за рубеж. Доказывание преступной деятельности Магомедовой, Малеевой и Красновой основывалось на изъятии документальных данных, подтверждающих пересечение границы Российской Федерации преступников совместно с потерпевшими, изъятия документации на выезд потерпевших в туристических фирмах и обнаруженных при проведении других следственных действий.

Изобличение преступной деятельности, связанной с незаконной госпитализацией в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, немислимо без получения документации о нахождении потерпевшего на диспансерном учете у врачей нарколога и психиатра, а также изъятия и осмотра заключений амбулаторных и стационарных обследований и медицинских карт больного.

Например, заведующая отделением психиатрического стационара Джафарова из корыстных побуждений, с целью незаконного помещения в

психиатрический стационар психически здорового Волкова, внесла записи в историю болезни Волкова о наличии у последнего психического расстройства, дающего основания для помещения в психиатрический стационар. В ходе последующих осмотров Волкова Джафарова вносила в историю болезни пациента заведомо недостоверные сведения с целью скрыть незаконность его помещения в психиатрический стационар [4]. История болезни, заполненная заведующей отделением психиатрического стационара Джафаровой, свидетельствует о наличии у последней умысла на незаконное помещение здорового человека в психиатрический стационар.

Подводя итоги изложенному, отметим, что доказывание посягательств на свободу личности крайне затруднено без обнаружения документов, изобличающих преступную деятельность виновных. Изъятие и осмотр указанных документов позволяет зафиксировать первоначальные следы рассматриваемой преступности, выявить лиц, причастных к посягательствам на свободу личности, закрепить данные о сплоченности и организованности участников, доказать элементы состава совершения указанных преступлений.

1. Дворкин А. И., Торбин Ю. Г. и др. Торговля людьми в Российской Федерации: квалификация, предупреждение, расследование. М.: Юрист, 2007. 294 с.

2. Еникеев М. И., Образцов В. А., Эминов В. Е. Следственные действия: понятия, тактика, технология: учеб. пособ. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.

3. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 21 марта 2006 г. №14-О06-6.

4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 16 мая 2006 г. № 5-О06-38 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2007. № 3.

5. Приговор Ленинского районного суда г. Астрахани. Уголовное дело № 1-35/2015, по обвинению Малеевой Н.А., Магомедовой К.М., Красновой Н.Г. в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст.127.1, ч.3 ст.30, п. «в» ч.3 ст.127.1 УК РФ [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/1Bzu4RIIm3XUJ/> (дата обращения: 08.05.2017).

6. Приговор Яранского районного суда Кировской области по уголовному делу № 1-74/2015 по обвинению Николаева С. И. и Эшкинина А. В. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 127.1, ч. 3 ст. 240, п. «б» ч. 2 ст. 241 УК РФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=p> (дата обращения: 07.05.2017).

7. Ситдикова Г. З., Чаплыгина В. Н. Тенденции совершенствования регламентации следственных действий // Актуальные проблемы государства и права в XXI веке. 2016. № 4. С. 176–179.

8. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004.

Ключевые слова: преступление, свобода личности, документ, изъятие, осмотр, фиксация.

УДК 343.98

ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА – ПРИНУДИТЕЛЬНОГО НАБЛЮДЕНИЯ И ЛЕЧЕНИЯ У ВРАЧА-ПСИХИАТРА В АМБУЛАТОРНЫХ УСЛОВИЯХ

Кориунов Артем Викторович,

*кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110*

В статье рассматриваются актуальные проблемы производства о применении принудительной меры медицинского характера – принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях.

Принудительные меры медицинского характера применяются к лицам, совершившим запрещенные уголовным законом деяния в состоянии невменяемости, а также к лицам, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение (ст. 433 УПК РФ). При этом требования главы 51 УПК РФ не распространяются на лиц, указанных в ч. 2 ст. 99 УК РФ, то есть нуждающихся в лечении психических расстройств, которые не исключают вменяемости. В таких случаях рассматриваемые меры применяются одновременно с исполнением приговора в порядке, определенном уголовно-исполнительным законодательством России.

Цели применения принудительных мер медицинского характера отличаются от целей применения наказания и в силу статьи 98 УК РФ заключаются в излечении или улучшении психического состояния указанных лиц, а также предупреждении совершения ими новых предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний [1].

Подавляющее большинство судебных решений по применению принудительных мер медицинского характера к невменяемым лицам в 2016 г.

в России было вынесено федеральными судами, включая военные суды различных уровней – 6530. 2592 решения о применении рассматриваемых мер было принято мировыми судьями [2]. Таким образом, значительное большинство совершенных невменяемыми лицами уголовно наказуемых деяний предусматривало наказание свыше трех лет лишения свободы, то есть относилось к категории преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких.

При этом, несмотря на пятнадцатилетний срок действия Уголовно-процессуального кодекса, до сих пор в нем имеются недостатки правового регулирования применения принудительных мер медицинского характера как на досудебных, так и в судебных стадиях уголовного процесса. Сделаем акцент на таком вопросе досудебного производства по рассматриваемым делам, как формальное основание для начала производства по применению принудительных мер медицинского характера.

Итак, в соответствии с ч. 1 ст. 433 УПК РФ производство о применении принудительных мер медицинского характера, указанных в пунктах «б»–«г» ч. 1 ст. 99 УК РФ, осуществляется в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение. К таким мерам ст. 99 УК РФ относит:

- принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа (п. «б»);
- принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа (п. «в»);
- принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с интенсивным наблюдением (п. «г»).

Таким образом, п. «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ (принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях) не предусмотрен как основание для производства по применению принудительных мер медицинского характера. Такое наблюдение и лечение в соответствии со ст. 100 УК РФ может быть назначено при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УК РФ, если лицо по своему психическому состоянию не нуждается в помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Возникает резонный вопрос – в каком порядке осуществлять производство о применении принудительной меры медицинского характера, указанной в пункте «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ? Часть 4 ст. 434 указывает, что «требования настоящей главы не распространяются на лиц, указанных в части второй статьи 99 Уголовного кодекса Российской Федерации и нуж-

дающихся в лечении психических расстройств, не исключających вменяемости. В этом случае принудительные меры медицинского характера применяются при постановлении приговора и исполняются в порядке, установленном Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации». Но что делать с лицами, страдающими душевными расстройствами, исключаящими вменяемость и при этом не требующие по степени своей опасности для себя и окружающих помещения их в медицинскую организацию (любого типа)? Можно ли при решении вопроса о возбуждении уголовного дела сделать относительно точный вывод о том, что лицо в результате расследования уголовного дела и разрешения его судом будет помещено в медицинскую организацию или будет принудительно лечиться амбулаторно? Ведь от данного вопроса, если следовать букве закона, будет зависеть сам порядок производства.

Пункт 5 ч. 1 ст. 434 УПК РФ предусматривает такое обстоятельство, подлежащее доказыванию, как связь психического расстройства лица с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда. Однако этот вопрос может быть разрешен лишь в процессе предварительного расследования, а именно — путем назначения судебно-психиатрической экспертизы (далее по тексту — СПЭ).

В соответствии с п. 3 ст. 196 УПК РФ обязательным является назначение и производство экспертизы, если необходимо установить психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве. Именно в результате проведения СПЭ определяется необходимость применения конкретной принудительной меры медицинского характера. Кроме того, такие меры могут вообще не применяться, ведь в соответствии с ч. 2 ст. 433 УПК принудительные меры медицинского характера назначаются в случае, когда психическое расстройство лица связано с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда.

В случае же, когда характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда, уголовное дело в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 439 УПК РФ должно быть следователем прекращено [3]. Аналогичное решение принимает суд в порядке ч. 1 ст. 443 УПК РФ.

Помимо этого, заключение СПЭ о конкретной рекомендуемой принудительной мере медицинского характера носит для суда, рассматривающего уголовное дело, ориентирующий характер и такая мера может быть скорректирована при принятии судом итогового решения. Верховный Суд предписывает судам мотивировать принятое решение на основе оценки за-

ключения эксперта (экспертов) о психическом состоянии лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, и других собранных по делу доказательств [4]. Таким образом, на момент возбуждения уголовного дела решить вопрос о том, какая именно принудительная мера медицинского характера будет впоследствии применена, как правило, невозможно.

В связи с этим можно сказать о несостоятельности положений ч. 1 ст. 433 УПК РФ, определяющих невозможность осуществлять в порядке главы 51 УПК производство по применению принудительной меры медицинского характера в виде принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях. В связи с этим часть 1 статьи 433 УПК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Производство о применении принудительных мер медицинского характера, указанных в пунктах «а»–«г» части первой статьи 99 Уголовного кодекса Российской Федерации, осуществляется в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение».

1. О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6: в ред. Постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 3 марта 2015 г. № 9 // Рос. газ. 2011. 20 апр. № 84.

2. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 12 апреля 2017 г).

3. Сальников А. В. Доказательственное значение следственных действий с участием лиц, страдающих психическими заболеваниями // Вестник ВСИ МВД России. 2016. № 3. С. 9–14.

4. О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6: в ред. Постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 3 марта 2015 г. № 9 // Рос. газ. 2011. 20 апр. № 84.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера; состояние невменяемости; принудительное лечение; уголовное судопроизводство.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН НА СТАДИЯХ ПРИЕМА, РЕГИСТРАЦИИ И ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Костенко Константин Анатольевич,
заведующий кафедрой уголовного процесса,
Пятый факультет повышения квалификации
Института повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровске),
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
680006, г. Хабаровск, ул. Ангарская, д. 11

В статье обсуждаются актуальные вопросы соблюдения конституционных прав граждан на стадиях приема, регистрации и проверки сообщения о преступлении. Автором выделяются и рассматриваются восемнадцать статей Главы второй Конституции Российской Федерации, которые, по его мнению, составляют неотъемлемую часть правового регулирования процессуальной деятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела.

Существующий в настоящее время объем процессуальных полномочий у лиц, производящих расследование, на стадии проверки сообщения о преступлении, позволяет утверждать о том, что сбор основных доказательств, которые могут быть положены в основу обвинительного приговора суда, может осуществляться до возбуждения уголовного дела. Этот фактор предопределяет важность функции соблюдения прав и свобод граждан на данной стадии.

Прописанная в статье 2 Конституции РФ обязанность государства соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина реализуется через соответствующие нормы Конституции, регламентирующие права и свободы человека и гражданина. Соблюдение и защита этих прав должны осуществляется государством, в том числе, на стадии приема, регистрации и проверки сообщения о преступлении.

Соблюдение конституционных прав и свобод на стадиях приема регистрации и проверки сообщения о преступлении осуществляется на основании критериев, которые определяют сущность каждого предусмотренного Конституцией РФ права гражданина. В связи с этим, следует рассмотреть и раскрыть их сущность.

1. Охрана достоинства личности (ст. 21 Конституции РФ). Указанное конституционное положение подразумевает конкретную правовую культуру поведения должностного лица правоохранительного органа при совершении действий, связанных: с приемом сообщения о преступлении; выдачей заявителю талона-уведомления о его регистрации; с проведением процессуальных действий с участниками проверки и др. Поэтому основным

критерием соблюдения рассматриваемой конституционной нормы, является применение в ходе проверки сообщения о преступлении только дозволенных методов ведения следствия. При этом необходимо отметить, что «Право на достоинство – право любой личности, ничем не ограниченное. «Ничем» – т. е. нет никаких обстоятельств для умаления достоинства» [2].

2. Право на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренное ст. 22 Конституции РФ является неотъемлемым от рождения человека. Стадия проверки сообщения о преступлении не предусматривает ограничения рассматриваемых прав. В связи с этим, на данной стадии лицо не может быть задержано, либо заключено под стражу. Ограничить право на свободу и личную неприкосновенность можно лишь по возбужденному уголовному делу и на основании судебного решения в соответствии с УПК РФ.

3. Соблюдение, в ходе проверки сообщения о преступлении, права неприкосновенности частной жизни (ст. 23 Конституции РФ) обязывает следователя использовать личные и семейные тайны граждан сугубо в служебных целях. При необходимости в соответствии с ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ следователь предупреждает участников проверки о неразглашении данных досудебного производства в порядке, предусмотренном ст. 161 УПК РФ.

4. Предусмотренное ст. 24 Конституции РФ право на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы человека, в полной мере распространяется и на стадию, так называемой доследственной проверки. Реализация данного права, в соответствии с ч. 2 ст. 24 Конституции РФ, возлагается на лицо, производящее расследование. Это осуществляется, например, путем предоставления заявителю и лицу, в отношении которого проводилась проверка копий соответствующих постановлений или для ознакомления материалов проверки по их окончании, в объеме, определяемом следователем.

5. Вопрос соблюдения, предусмотренного ст. 25 Конституции РФ права на неприкосновенность жилища в ходе проверки сообщения о преступлении, является одним из актуальных, т.к. именно на этой стадии наиболее часто проводится осмотр места происшествия (далее ОМП), нередко являющийся жилищем.

Конституционное толкование рассмотренной нормы Конституции РФ дано в Определении КС РФ от 16 декабря 2010 г. № 1658-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ядрищенского Р. В. на нарушение его конституционных прав статьей 176 УПК РФ», где в вопросе производства ОМП в жилище до возбуждения уголовного дела установлен критерий – согласие проживающих в нем лиц, либо судебное решение.

Между тем, при осмотре места происшествия неприкосновенность жилища в исключительных случаях может быть ограничена на основании

ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Исключительность такого проникновения определяется обстоятельствами происшествия, а его законность может быть позже проверена судом. Наряду с этим, следует учитывать, что «ограничение некоторых прав граждан на стадии рассмотрения сообщения о преступлении, является необходимым условием установления наличия, либо отсутствия состава преступления» [4].

6. Предусмотренное ст. 26 Конституции РФ право пользования родным языком является личным (гражданским) субъективным правом каждого. В связи с этим, на стадии проверки сообщения о преступлении Конституция РФ требует обеспечить реализацию права, на родном языке (или другом языке, которым они владеют): делать заявления, давать объяснения, заявлять ходатайства и приносить жалобы. Для этого у участников процесса выясняется способность владения, как языком судопроизводства так и родным языком.

7. Право каждого на свободное передвижение в Российской Федерации, предусмотренное ст. 27 Конституции РФ определяет возможность свободы передвижения и поселения (выбор места пребывания и места жительства).

Стадия проверки сообщения о преступлении, не являясь стадией в которой осуществляется уголовное преследование, не предоставляет оснований для применения мер пресечения и иных мер процессуального принуждения. В связи с этим, следователь в рассматриваемой стадии вправе только рекомендовать участникам проверки, не менять (не покидать) место жительства на время ее проведения.

Между тем, следователь, для проведения отдельных следственных или процессуальных действий (осмотр места происшествия, опознание, получение образцов для сравнительного исследования) вправе на время их проведения в некоторых случаях ограничить лицо в свободном передвижении. Данная правовая позиция вытекает из Определения Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2004 г. № 448-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституционности п. 2 ч. 4 ст. 46 и п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ».

8. Предусмотренное ст. 33 Конституции РФ право на личное и коллективное обращение в государственные органы является способом укрепления связей государственного аппарата с населением и важным средством защиты прав, свобод граждан. Отказ в приеме заявлений и обращений граждан недопустим.

Функция следственных органов в таких случаях заключается: в правильной правовой оценке заявлений или обращений; определении наличия признаков преступления, либо его отсутствие; установлении подведомственности.

9. Статья 35 Конституции РФ охраняет право частной собственности. Конституция РФ рассматривает собственность, как основу независимости человека и его уверенности в завтрашнем дне.

Часть 1 ст. 144 УПК РФ предусматривает в ходе проверки сообщения о преступлении возможность изъятия предметов и документов в порядке установленном УПК РФ. Между тем, право изъятия, не предоставляет возможность его проведения до возбуждения уголовного дела в рамках обыска, или выемки. Производство изъятия предметов и документов возможно только в ходе производства процессуальных действий, проведение которых разрешается УПК РФ до возбуждения дела (например, в ходе следственного осмотра или при получении образцов для сравнительного исследования).

10. Право на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, предусмотренное ст. 45 Конституции РФ закрепляет положения, отмечающие общие принципы и нормы защиты различных категорий людей.

Участники проверки сообщения о преступлении, опрашиваемые в связи с обстоятельствами исследуемого события, вправе не свидетельствовать против себя и близких родственников. Кроме того, к законным способам защиты на данной стадии можно отнести: обжалование действий или бездействия следователя в суд; обращение к общественности; размещение информации в средствах массовой информации; проведение пикетирования и др.

Являются недопустимыми действия лиц, граничащие с подлогом, подкупом, инсценировкой, оказанием давления на других участников уголовного судопроизводства и т. д.

11. Предусмотренное ст. 46 Конституции РФ право каждого гражданина на судебную защиту своих прав и свобод предоставляет возможность обжаловать в суд действия и решения, нарушающие права и свободы граждан на стадии рассмотрения сообщения о преступлении.

Основным принципом реализации рассматриваемого права является разъяснение участникам процессуальных действий возможности и порядка обжалования действий или бездействия следователя.

12. Право на получение квалифицированной юридической помощи, предусмотренное ст. 48 Конституции РФ подразумевает оказание такой помощи адвокатурой на основании Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

Лицо, заподозренное в совершении преступления на стадии проверки сообщения о преступлении вправе пользоваться помощью защитника. Это также вытекает из части 1.1 ст. 144 УПК РФ. Проблемным вопросом здесь остается то, что «...законодатель не разделил участников проверки на группы в зависимости от их процессуальных интересов и наделил общим правом пользоваться услугами адвоката, а не помощью защитника» [1], а

также законодатель не определил полномочия адвоката, оказывающего юридическую помощь «иным участникам» на стадии проверки сообщения о преступлении и способы оплаты его услуг по назначению.

В связи с этим, следует согласиться с мнением авторов, исследующих проблемы реализации конституционных норм в уголовно-процессуальном законодательстве, о необходимости достаточного уголовно-процессуального обеспечения ряда конституционных прав граждан [3].

13. Как и право на защиту, право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников (ст. 51 Конституции РФ) на стадии проверки сообщения о преступлении предусмотрено частью 1.1 ст. 144 УПК РФ.

Разъясняя данное конституционное право, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 25 апреля 2001 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 УК РФ в связи с жалобой гражданина А. А. Шевякова» указал, что оно предполагает возможность реализации права лица отказаться не только от дачи объяснений, показаний, но и от предоставления иных доказательств по поводу произошедшего происшествия.

14. Право потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ) предоставляет потерпевшему право рассмотрения его заявления в разумные сроки и предопределяет стадию проверки сообщения о преступлении, как один из этапов сбора доказательственной информации на пути к принятию обоснованного и законного процессуального решения. В числе критериев реализации рассматриваемого права: отсутствие волокиты при проверке, соблюдение сроков ее проведения, разъяснение прав на обжалование действий и решений следователя, принятие законного процессуального решения.

Об этом также говорит и Конституционный суд РФ в Определении от 17 октября 2006 г. № 425-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Запорожец Ларисы Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью 6 ст. 148 УПК РФ», в соответствии с решением которого, длительное затягивание решения вопроса о возбуждении уголовного дела, а также неоднократное прерывание и возобновление проверки по заявлению о преступлении, приводит к нарушению разумного срока рассмотрения дела и ограничению доступа потерпевших к правосудию.

15. Норма, содержащаяся в статье 53 Конституции РФ, предоставляющая право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями, обращена на защиту граждан, пострадавших от таких незаконных действий, допущенных органами государственной власти и их должностными лицами.

На стадии проверки сообщения о преступлении незаконные действия должностных лиц органов власти могут выражаться в: незаконном задержании или удержании в помещениях органов власти; применении недозволённых методов следствия (в т. ч. угроз, нанесения телесных поврежде-

ний); проведении обысков под видом осмотров помещений и др. Именно в этих случаях у государства возникает обязанность не только на возмещение вреда, причиненного рассматриваемыми незаконными действиями, но и на уголовное преследование лиц, совершивших такие незаконные действия.

16. Право на возможность ограничения основных прав и свобод только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, предусмотренное в части 3 ст. 55 Конституции РФ, устанавливает исключение из правила, закрепленного в части 2 ст. 55 Конституции РФ (запрет на принятие законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина).

На стадии проверки сообщения о преступлении, такое «законное» ограничение прав, может являться необходимым условием защиты прав и законных интересов других лиц. Например, задержание на месте преступления заподозренного в совершении преступления лица и ограничение его права на свободу передвижения в целях защиты от преступного воздействия на потерпевшего, либо проникновение в жилище против воли проживающих там лиц в целях осмотра места происшествия и находящегося там трупа человека с признаками насильственной смерти.

17. Установленное ст. 60 Конституции РФ право полной дееспособности с 18 лет полностью согласуется со статьей 21 Гражданского кодекса РФ и свидетельствует о способности лица своими действиями приобретать гражданские права и создавать для себя гражданские обязанности.

При проведении проверок в порядке ст. 144 УПК РФ, где участниками являются несовершеннолетние необходимо учитывать, что ГК РФ установил ряд исключений из этого правила. До достижения 18 лет дееспособность в полном объеме наступает в случаях вступления несовершеннолетнего гражданина в брак, эмансипации (со времени вынесения решения органа опеки или попечительства, либо вступления в законную силу решения суда). Несмотря на это, наступление полной дееспособности до 18 лет, не предоставляет право указанным лицам быть участниками ряда процессуальных действий, например в качестве понятого. В то же время, несовершеннолетние участники проверки, могут давать пояснения в присутствии законного представителя, а в ряде случаев, установленных УПК, в присутствии педагога, психолога и даже адвоката.

18. Право иностранных граждан на территории РФ пользоваться правами граждан РФ и нести обязанности наравне с гражданами РФ, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором (ч. 3 ст. 62 Конституции РФ) определяет правовое положение в России иностранных граждан и лиц без гражданства.

В полном соответствии с общепризнанными нормами международного права Конституция закрепляет приравнивание иностранных граждан

и лиц без гражданства в отношении их прав и обязанностей к российским гражданам, т. е. устанавливает для этих лиц национальный режим. При этом, учитывая статус участника процессуальной проверки следователь, основываясь на нормах УПК РФ применяет определенный алгоритм действий: обеспечивает возможность участия защитника, переводчика; в случае с заподозренным лицом, прорабатывает вопрос об информировании дипломатического ведомства соответствующего государства, гражданином которого является задержанный; выясняет, обладает ли иностранный гражданин иммунитетом от уголовной юрисдикции РФ и правом на личную неприкосновенность.

В заключение необходимо отметить, что все рассмотренные нами конституционные права и свободы граждан, составляют неотъемлемую часть правового регулирования стадии проверки сообщения о преступлении. При этом важным моментом является определение критериев соблюдения таких прав в процессуальной деятельности следователя до возбуждения уголовного дела.

1. Амасьянц А.Э. Некоторые проблемы обеспечения права на защиту на стадии рассмотрения сообщения о преступлении // Современное право. 2014. № 1. С. 92.

2. Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. С. 34.

3. Бычков В. В. Соблюдение прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений при проверке сообщений о преступлениях и в ходе их расследования // Рос. следователь. 2013. № 24. С. 11.

4. Ким Е. П., Костенко К. А., Осипова Т. В. К вопросу о правовых последствиях отказа в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям // Рос. следователь. 2015. № 11. С. 26.

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении, Конституция РФ, конституционные права граждан.

УДК 343.13

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОБИРАНИЯ И УПАКОВКИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СЛОЖНЫХ ПОГОДНЫХ УСЛОВИЯХ И В УСЛОВИЯХ НИЗКИХ ТЕМПЕРАТУР

Кубышкин Михаил Владимирович,
курсант факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Бадиков Дмитрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассматриваются отдельные способы обнаружения, фиксации и изъятия вещественных доказательств (биологического происхождения) в сложных погодных условиях.

Проведение следственных действий является неотъемлемой частью предварительного расследования. Практически по всем делам, находящимся в подследственности следователей ОВД, необходимо проведение такого основополагающего следственного действия, как осмотр места происшествия, итогом которого является изъятие вещественных доказательств [1]. Вопрос изъятия, упаковки и обеспечения сохранности при транспортировке собранных доказательств стоит особенно остро в неблагоприятных погодных условиях – дожде, снегопаде или критически низких температурах (-20°C и ниже).

Изъятие крови. По общим правилам изъятия материальных объектов с места происшествия изымать их целесообразно с предметом-носителем, на котором они расположены, при предоставлении такой возможности – если кровь на футболке или бутылке, то необходимо изъять, упаковать и опечатать бутылку или футболку со следами крови отдельно в коробку. В случае, если пятна вещества бурого цвета образовались на предмете, из которого нельзя сделать выемку следа, его соскабливают или делают смыв с помощью марли, которую затем высушивают при комнатной температуре. Марлю не следует обильно смачивать водой, так как при этом может заметно снизиться концентрация компонентов крови. Часть той же марли отправляют в лабораторию в чистом виде для контрольного исследования.

Пятна крови, обнаруженные на снегу, с возможно меньшим количеством снега помешают на марлю, а марлю – на стеклянную или фарфоровую поверхность и оставляют при комнатной температуре [2]. При таянии снега кровь пропитывает марлю, которую затем высушивают при той же

температуре и направляют в лабораторию с чистым куском марли. Не следует помещать снег с кровью в закрытую посуду (склянку), так как в этом случае кровь будет растворена в воде. При собирании следов крови с окружающей поверхности также не рекомендуется использование липких материалов – скотча, дактилоскопических плёнок, изоленты и т. д.

Необходимо обратить внимание на то, что если кровь была изъята при низкой температуре (независимо от того было ли это -5°C или -25°C), то её химический состав незначительно изменяется в сторону разрушения её различных составляющих, однако определить кому принадлежит данная кровь представляется возможным т.к. полное разрушение ДНК в естественных условиях недостижимо [3].

Следы крови необходимо тщательно оберегать от внешних воздействий, таких, как погодные условия в виде снега или дождя, тумана и материалов, способствующих изменению химического состава изъятых следов (например, не рекомендуется обводить следы крови на изъятых объектах маркерами или чернилами, т. к. это может изменить её химический состав и в дальнейшем кардинально повлиять на ход расследования). В целях защиты предметов-носителей от перечисленных факторов их необходимо накрыть чистой бумагой или материей. В идеальных условиях необходимо обернуть изъятый предмет стерильным бинтом и поверх бинта пищевой плёнкой, потом упакованный предмет положить в полиэтиленовый файл, а при наличии достаточного размера пакетов типа zip-lock, можно использовать их вместо файлов.

В дальнейшем необходимо поместить и опечатать изъятый предмет в твёрдокаркасную оболочку – например, коробку из плотного картона или фанеры. Все эти меры предосторожности направлены на создание достаточных условий сохранности изъятых следов при возможном воздействии окружающей среды. Пересылать вещественные доказательства в мягкой упаковке не рекомендуется, так как это не исключает попадания на них различных веществ извне, а также умышленного или неосторожного постороннего силового воздействия на упакованные предметы, что, несомненно, повлечёт дальнейшее их уничтожение и невозможность исследования и использования в качестве доказательств по уголовному делу.

Вместе с тем, для пересылки изъятых вещественных доказательств необходимо использовать отдельную упаковку для каждого изъятых следоносителя, которая должна быть опечатана и упакована так, чтобы была уверенность, что во время пересылки или перевозки предметы не были подменены или утеряны [4]. Использовать перевязочный материал для упаковки так же следует исходя из температуры окружающей среды – не будет смысла в качественной и надёжной перевязке упакованных предметов, если, например, в ходе перевозки материал станет хрупким и порвётся или растянется под воздействием низкой или высокой температуры окружающей среды.

Следует отметить, что при нагревании (или охлаждении), материалы начинают менять свое агрегатное состояние. Для большинства синтетических материалов с увеличением температуры характерно: кристаллизация – (нормальное состояние) – размягчение – плавление – испарение (деструкция).

Как это отразится на готовой веревке:

- *кристаллическое состояние*. При достаточно низких температурах веревка будет хрупкой и жесткой, пользоваться ей по назначению не получится;

- *нормальное состояние*. Интервал температур, в которых веревка может нормально эксплуатироваться;

- *размягчение*. При дальнейшем нагревании веревка начинает вытягиваться под нагрузкой. Если веревка была при такой температуре под нагрузкой, она растянется и потеряет (частично или полностью) свои свойства;

- *плавление*. Если температура продолжает расти, вещество начнет плавиться и потом испаряться (либо разрушаться, тогда это будет тепловая деструкция) [5].

Ниже предлагаем таблицу температур некоторых химических материалов, из которых производят веревки и канаты, и выбрать наиболее необходимый под температуру окружающей среды.

Материал	t хрупкости (морозостойкость)	t рабочая* (не более)	t размягчения	t плавления
Полиамид	-30	100	170	215
Полиэстер	-60	120	225	260
Полипропилен	-15	80	140	170
Полиэтилен	-70	70	120	140
Дайнима	-70	70	120	150
Арамид		250		450-500 (разрушение)

Пользоваться данной таблицей стоит так же в тех случаях, когда необходимо прибегнуть к транспортировке габаритных объектов, например холодильник, дверь или телевизор, которые необходимо надёжно закрепить во избежание их падения и повреждения. Если главным вопросом выбора связочного материала является температура окружающей среды, то выбор должен пасть именно на полиэтиленовые веревки и канаты.

Безусловно, этот вопрос должен подниматься на соответствующем уровне с целью процессуального закрепления введения новых материалов в криминалистические чемоданы и чемоданы следователя т.к. данные материалы не всегда могут оказаться под рукой у проводящего осмотр места происшествия, однако при наличии данных предметов в криминалистическом чемодане изначально, некоторые вопросы, касаемые упаковки и пе-

ревозки предметов, не будут стоять так остро, как это может быть в настоящий момент [6].

Следует согласиться с утверждением А. Н. Калюжного и В. Н. Чаплыгиной о том, что данные меры предосторожности могут показаться слишком перегруженными и не столь необходимыми, однако, если подходить к делу ответственно, при заданных условиях окружающей среды, они не могут быть лишними [7]. В случаях отсутствия достаточного количества материалов для доказательной базы в деле, данные меры обеспечат достаточно надёжное сохранение изъятых материалов для их дальнейшей транспортировки.

Сперма, слюна, пот, моча. Обнаружить следы выделений значительно труднее, чем следы крови, так как они не имеют заметного цвета и, зачастую, запаха. Кроме тщательного осмотра предметов их можно выявить, с помощью лупы при достаточно ярком освещении, можно использовать ультрафиолетовые лучи. Выделения, как правило, дают голубоватую макролюминесценцию различных оттенков и яркости.

Для расследования изнасилования большое значение имеет правильное изъятие содержимого влагиалища потерпевшей. Его необходимо изымать марлевым тампоном, а не в виде мазков на предметных стеклах, так как в мазках, как правило, невозможно определить групповую принадлежность спермы из-за малого количества объекта исследования. Описание и изъятие вещественных доказательств со следами выделений, их упаковку и направление в судебно-медицинскую лабораторию производят так же, как и при изъятии и упаковке следов крови.

Волосы обнаруживают путем тщательного осмотра, при помощи лупы. Их снимают пальцами или пинцетом и помещают в бумажный пакет, а затем в конверт, который заклеивают и прошивают ниткой. Концы нитки пропускают через бирку и припечатывают к ней сургучной печатью. На пакете или конверте делают надпись с указанием количества волос и места их обнаружения. Для разрешения вопроса о происхождении волос от потерпевшего или подозреваемого представляют в судебно-медицинскую лабораторию образцы волос того и другого, взятые с головы или иных областей тела. Для исследования волос с головы выстригают образцы из лобной, теменной, затылочной и обеих височных областей. Берут также волосы усов, бороды, волосы с груди, из подмышечных впадин, с конечностей, лобка, помещают их в отдельные пакеты, а затем в общий конверт с соответствующими надписями. Все конверты складывают в один пакет, а затем в коробку и пересылают в судебно-медицинскую лабораторию. Волосы животных вырывают с загривка, крестца, боков, брюха, ног, хвоста и упаковывают тем же способом. В данном случае нет необходимости твёрдой упаковки из-за специфики содержимого бумажных конвертов.

В целом, проблема качественной упаковки изъятых с места происшествия материалов стоит достаточно остро, ведь состав криминалистиче-

ских чемоданов и чемоданов следователя, зачастую, просто не подходит для возможных плохих погодных условий в виде дождя, тумана или снегопада и не содержит в себе средств защиты от внешних воздействий при, например, собирании вещественных доказательств с места происшествия, контактирующего с окружающей средой [8]. Тем более состав данных чемоданов не предназначен для проведения подобных специфических следственных действий при температуре ниже среднего минуса средней полосы России – при тех же -25°C и ниже дактилоскопическая плёнка старых образцов, коими снабжены чемоданы, становится твёрдой, как пластик, и достаточно ломкой, что не позволяет не только эффективно упаковать и транспортировать следы, но и изъять их с места происшествия. Упаковочный материал не всегда обеспечивает необходимую степень защиты от внешних факторов воздействия.

1. Калюжный А. Н., Чаплыгина В. Н. Проверка сообщений о преступлениях: пути совершенствования // Lex Russica. 2015. № 7. С. 37–42.

2. Сретенцев А. Н., Ломов К. С. К вопросу о совершенствовании деятельности осмотров мест ДТП // Наука и практика. 2015. № 4 (65). С. 165–167.

3. Бадиков Д. А., Власов В. В. Некоторые вопросы назначения и производства судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве // Наука и практика. 2014. № 2 (60). С. 58–61.

4. Сретенцев Д. Н. Судебная экспертиза: учебное пособие. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2009. С. 67.

5. Морозова Н. В. Отдельные аспекты осмотра места происшествия при расследовании краж и угонов автотранспорта // Наука и практика. 2016. № 2 (67). С. 84–87.

6. Карпушкин О. С., Чаплыгина В. Н. Назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы реализации и пути развития // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 71–73.

7. Калюжный А. Н., Чаплыгина В. Н. Новеллы реформирования проверки сообщений о преступлениях: проблемы реализации и пути совершенствования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17). С. 24–31.

8. Шолохов С. В., Васюков В. Ф. Некоторые вопросы производства проверки показаний на месте при расследовании тяжких преступлений // Предварительное следствие. 2015. Выпуск 2 (28). С. 171–179.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, след, вещественное доказательство.

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ И УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ, ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА

*Лазаренко Ольга Николаевна,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры криминалистики,
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
143100, Московская область, Рузский район, пос. Старотеряево*

В данной статье автор рассматривает и анализирует особенности организации работы следователя по расследованию преступлений, совершенных организованной группой, преступным сообществом.

Основу организованной преступности составляет групповая преступность, обладающая элементами организации.

Осуществление уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершённых организованными группами, является наиболее сложным.

Большое значение для расследования уголовных дел данной категории имеет правильная организация работы на всех этапах расследования.

Сложность доказывания состава преступления, совершенного организованной группой либо преступным сообществом, обусловлена:

- слабыми оперативными позициями в криминальной среде, что не позволяет в достаточной степени еще до возбуждения уголовного дела собрать сведения о действиях организаторов и участниках организованной группы, распределении между ними ролей, планировании преступлений, признаках устойчивости и структурированности организованной группы;
- не соблюдением требований ст. 171 УПК Российской Федерации в части конкретизации действий организатора и участников организованной группы (построение обвинения на предположениях);
- недостаточным ведомственным процессуальным контролем со стороны руководства ГСУ, СУ ГУ УМВД России по субъектам Российской Федерации за расследованием данной категории преступлений;
- различием в оценке собранных доказательств следователем, прокурором и судом при квалификации действий обвиняемых в составе организованной группы;
- недостатком опыта работы следователей и оперативных сотрудников в расследовании данной категории преступлений;
- не соблюдением специализации (поручение расследования уголовных дел молодым следователям, не имеющим опыта их расследования).

Производство предварительного следствия по уголовным делам данной категории преступлений необходимо поручать наиболее подготовленным следователям, руководителем следственного органа для их расследования создавать следственные группы, к работе которых привлекать должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [1].

Организованную группу отличают от группы лиц по предварительному сговору признак устойчивости, который носит оценочный характер, поэтому квалификация действий участников организованной группы зависит от опыта работы, знаний, оценки доказательств следователем, прокурором и судом.

Организация работы следователя по расследованию преступлений, совершенных организованной группой, также зависит от того, было ли уголовное дело возбуждено в ходе реализации оперативных материалов или действия участников организованной группы квалифицированы следователем в ходе расследования групповых и многоэпизодных преступлений.

При проведении оперативно-розыскных мероприятий необходимо уделять внимание установлению участников организованной группы, ее руководителя, распределению ролей и других фактов, которые свидетельствуют об устойчивых связях и организованности ее членов, а также вооруженности и иерархическом строении, поддержании дисциплины и других признаках, необходимых для признания организованной группы бандой, преступным сообществом (преступной организацией) или иным преступным формированием.

Закон направлен на противодействие организованным формам преступности путем привлечения правоохранительными органами к сотрудничеству лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, на условиях сокращения им уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты.[2]

Одной из форм организованной преступности является создание преступного сообщества (преступной организации). В части 4 статьи 35 УК РФ дано понятие преступного сообщества. Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды [3].

При расследовании уголовных дел указанной категории следователь обязан изложить отдельным эпизодом обстоятельства создания, руководства организованной группой в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении.

Перед опросом подозреваемых (обвиняемых):

- в обязательном порядке разъяснить указанным лицам порядок и последствия заключения с прокурором досудебного соглашения о сотрудничестве;

- проводить обыска по месту жительства подозреваемых и обвиняемых;

При опросе подозреваемых (обвиняемых) выяснять обстоятельства создания организованной группы:

- время и место создания преступной группы;

- кто являлся инициатором ее создания;

- состав ее участников;

- кто, когда, по какой причине и с какой целью вступил в организованную группу;

- материально-техническое обеспечение группы (наличие и принадлежность денежных средств, использованных на приобретение оружия, технических средств, средств маскировки, а также оказание помощи членам группы, задержанным или арестованным правоохранительными органами, или членам их семей);

- наличие оружия и обстоятельства его приобретения, отличительные признаки, где и у кого хранилось, в каких преступлениях использовалось и т. п.;

- планирование занятия преступной деятельностью участников организованной группы на длительный срок, в виде промысла, тщательная подготовка к совершению преступлений, организованность участников при исполнении преступлений;

- обсуждение результатов преступления, распределение похищенного имущества между членами организованной группы, разбор причин несогласованности действий участников при совершении преступлений (обучение и воспитание членов преступного формирования, поддержание дисциплины и порядка, подчинение её участников руководителю (организатору));

- период, длительность существования организованного формирования, стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между членами группы, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности; количество совершенных преступлений [4].

С этой целью выясняются:

- время существования организованной группы или иного преступного формирования; количество нападения, ею совершенных, и на какие объекты; технические средства, используемые при совершении этих нападений; способ обезвреживания жертвы и другие действия ее членов, которые характеризуют постоянство форм и методов преступной деятельности;

- время вступления каждого участника в организованную группу и продолжительность участия в ее преступной деятельности;

- иерархическое строение преступного формирования (наличие руководителя, отдельных звеньев, подразделений, наличие в них старших и т. п.);

- распределение ролей ее участников;

- наличие и поддержание дисциплины;

- психологический микроклимат (наличие соперничества, иных конфликтных ситуаций; если таковые имели место, как они разрешались; кто из участников группы находился между собой в родственных, дружеских или иных отношениях);

- имелись ли случаи добровольного выхода из организованной группы, каким образом разрешались внутренние конфликтные ситуации;

- какие меры принимали участники организованной группы от разоблачения; имелся ли подобный план, кем он был разработан и в чем состоял; обучение его членов тактике поведения в случае задержания правоохранительными органами.

- наличие связей с работниками правоохранительных органов и иных органов власти, обеспечивающих длительное существование преступного формирования.

При сопровождении расследования конкретных видов преступлений, как правило, выясняются следующие обстоятельства:

- наличие прямого умысла на совершение конкретного преступления и корыстного мотива;

- место, время совершения преступления;

- подготовка к совершению преступления (выбор объекта, подготовка предметов, технических средств, для облегчения его совершения и т. п.);

- способы совершения преступления;

- использовалось ли при его совершении оружие и иные предметы, имели ли место насилие или угрозы в отношении потерпевшего, в чем они выражались;

- способы сокрытия следов преступления;

- данные о потерпевшем (пол, возраст, образование, социальное положение, место работы и др.);

- последствия для здоровья и жизни потерпевшего, явившиеся результатом нападения (был ли ранен, тяжесть причиненного для здоровья вреда, иные последствия нападения);

- вид и количество похищенного, его стоимость, принадлежность определенному владельцу, характерные примеры, место нахождения и способы сбыта);

- участники преступления (какие действия каждый совершил на месте преступления; данные, характеризующие личность каждого из них: пол, возраст, социальное положение, наличие судимости, отношение к потерпевшему и др.);

- наличие прямого умысла и мотива на совершение преступления;
- наличие смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств;
- наличие обстоятельств, способствующих совершению данного преступления.

Учитывая отмеченные недостатки в организации расследования по уголовным делам рассматриваемой категории необходимо:

- вопросы квалификации участников организованной группы либо преступного сообщества рассматривать с участием руководства ГСУ, СУ ГУ УМВД России по субъектам Российской Федерации или следственной части с учетом всех обстоятельств преступной деятельности участников организованной группы и тщательного анализа имеющихся в деле доказательств [5];
- организация расследования данной категории уголовных дел должна находиться на постоянном контроле руководства ГСУ, СУ ГУ УМВД России по субъектам Российской Федерации.
- своевременно и в полном объеме предоставлять в Следственный департамент МВД России информацию по данной категории преступлений.

1. Усманова И. И., Морозова Н. В. Условия эффективности взаимодействия следователя с органами дознания при расследовании преступлений // Наука и практика. 2015. № 3 (64). С. 178–181.

2. Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики (посвящается Н. В. Радутной) // Материалы 2-й международной научно-практической конференции (Москва, 11–12 апреля 2012 г.). М.: ИД «Юриспруденция», 2012.

3. Виденькина Ж. В. Ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем: научно-практическое пособие / отв. ред. Н. Г. Кадников. М.: Юриспруденция, 2014. 136 с.

4. Белеков Б. С. Методика расследования бандитизма (по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 200 с.

5. Башилов В. В. Борьба с организованными формами преступного оборота огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: Уголовно-правовой и криминалогический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 207 с.

6. Агапов П. В. Организация преступного сообщества (преступной организации): уголовно-правовой анализ и проблемы квалификации: учебное пособие. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2005. 114 с.

Ключевые слова: организованная преступность, преступное сообщество, бандитизм, оперативно-разыскные мероприятия.

УДК 343.2

ОСОБЕННОСТИ ОБНАРУЖЕНИЯ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О КРАЖАХ В ЖИЛИЩЕ

Леоненко Роман Михайлович,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики,
Московский областной филиал*

*Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
143100, Московская область, Рузский район, пос. Старотеряево*

В статье рассматриваются особенности обнаружения различных следов преступления в ходе осмотра места происшествия по делам о кражах в жилище.

Укрепление законности и правопорядка, обеспечение гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина являются безусловными приоритетами внутриполитической деятельности современного Российского государства. В связи с этим особое значение приобретает работа по преодолению проблем в сфере борьбы с преступностью, включающей, в том числе, деятельность по раскрытию и расследованию преступлений.

Эффективность предварительного расследования преступлений на его первоначальном этапе, в частности краж в жилище, во многом зависит от оперативности реагирования на факты совершенного преступления, а так же от качественного осмотра места происшествия. При организации и проведении осмотра места происшествия по делам о кражах в жилище усилия следователя и участников следственно-оперативной группы должны быть направлены на решение основной цели – отыскание следов преступника и его действий. Результаты осмотра места происшествия по таким преступлениям зачастую имеют решающее значение в их раскрытии и расследовании. Любое преступление влечет в определенной степени те или иные материальные последствия, которые характеризуются различными изменениями в предмете преступного посягательства и окружающей обстановке на месте его совершения. В понятие «изменений» включают следы преступных действий, отсутствующие предметы, несоответствие окружающей обстановки первоначальному состоянию и т. п.

Раскрытие и расследование краж, совершенных с проникновением в жилище, так или иначе, связаны с собиранием и исследованием разнообразных материальных носителей розыскной и доказательственной инфор-

мации. Алгоритм данной деятельности в большинстве случаев зависит от результатов осмотра места происшествия [1]. Часто добытые в ходе осмотра вещественные доказательства являются основными на первоначальном этапе расследования, позволяющие выработать правильную версию об обстоятельствах преступления и лицах его совершивших. Следует отметить, как закономерность, что образование следов на месте совершения кражи в жилище сосредотачивается в местах наиболее активных поисковых действий преступника. Обнаружив одни следы, которые могут иметь значение для расследования преступлений, следователь должен оценить их, с точки зрения происхождения и механизма образования, в связи с другими следами, возможно образовавшимися и которые необходимо искать.

Специфика места совершения кражи, каким является жилище, определяет наличие на нем значительного объема различных материальных следов преступления, основными и наиболее часто встречаемыми при данном виде преступлений являются - следы рук, следы ног и следы применения орудий взлома.

Наиболее часто следами на месте совершения кражи рассматриваемого вида, обнаруживаются и изымаются следы рук. Следы рук являются наиболее значимым для расследования преступлений объектом дактилоскопической диагностики [2]. Местами наиболее вероятного их нахождения являются:

- предметы, расположенные на пути подхода и ухода преступника (кнопка звонка, расположенная около входной двери), его проникновения в жилище (наличник двери, дверные ручки, дверная коробка, рама окна, оконное стекло, осколки разбитого стекла, чердак, забор и т. д.);
- поверхность предметов, к которой мог прикасаться преступник в поисках ценностей (шкафы, тумбочки, столы, стеклянные, металлические и иные предметы с гладкой поверхностью, лампы, изделия из пластмассы, клеенка и т. д.);
- поверхность предметов, которые преступник мог держать в руках с целью отыскания ценностей (бытовая техника, сейф, шкатулки, ящики шкафов, находящиеся в местах изъятия похищенного, упаковка от ценностей и т. д.).

Важное доказательственное значение имеют обнаруженные на месте кражи оставленные преступником следы ног, в том числе поверхностные. Поиск следов ног при осмотре жилища и прилегающей к нему территории осуществляется на основании изучения механизма преступления, с учетом места обнаружения иных следов преступления, например, пальцев рук [3].

Обнаружение следов ног при краже совершенной с незаконным проникновением в жилище рекомендуется проводить путем осмотра:

- мест возможного подхода к месту происшествия и ухода с него (на лестничной клетке, у входа на чердак, на полу возле входной двери);

- предметов обстановки жилища, которыми мог воспользоваться преступник в целях отыскания ценностей (стол, стулья, табуреты, прикроватные тумбы и т. д.);

- предметов и поверхностей по пути следования преступника (забор, который преодолевал преступник, подоконники, гладкие резиновые коврики перед входной дверью, на полу балкона).

В случаях, когда совершении краже с незаконным проникновением в жилище, совершалось путем взлома двери, либо преодолением иных преград необходимо искать предметы, используемые в качестве орудий взлома и образуемые ими следы. Поиск и обнаружение таких, как правило, начинается с входной двери в жилище, при этом тщательно изучается замок (запирающее устройство), полотно двери, участок пола, прилегающий к входной двери, прилегающие к двери участки стены.

Если на входной двери, какие либо следы отсутствуют, замок функционирует, то осмотр следует перенести на окна жилища (осколки выбитого, выдавленного, выставленного стекла; частицы металла на подоконнике, следы рук на оконной решетке и т. д.) осмотр оконной решетки).

Основными следами взлома являются:

- отверстия в полотне двери;
- следы от орудия, частицы, отделившиеся от входной двери либо рамы окна (куски кирпича, стружки, отщепы древесины и т. д.);
- частицы веществ, отделившиеся от орудия взлома и оставшиеся на полотне двери либо раме окна (частицы ржавчины, окарины, краска);
- мелкие частицы полотна двери и дверного проема (краски, лака, кирпичной пыли, штукатурки и т. д.).

Такие следы отображаются в результате удара (давления), скольжения (трения), разреза (разруба, сверления, распила), термического воздействия. Обнаружение следов данной группы осуществляется, как правило осуществляется визуально.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что обнаруженные в результате проведения осмотра места происшествия материальные следы по делам о совершенных кражах в жилище, позволяют в дальнейшем идентифицировать преступника.

1. Леоненко Р. М. Особенности производства осмотра места пожара // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт: сборник научных статей. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2015. С. 123.

2. Морозова Н. В. Следы человека как объект диагностического исследования // Наука и практика. 2015. № 2 (63). С. 159–161.

3. Бадиков Д. А., Калюжный А. Н., Флоря Д. Ф. Особенности расследования отдельных видов преступлений: курс лекций. Орел: ОрЮИ МВД России, 2008. 166 с.

Ключевые слова: следователь, осмотр места происшествия, следы преступления, вещественные доказательства, кража, жилище.

УДК 343.98

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ЛИТЫХ ДЕТАЛЕЙ ТЕЛЕЖЕК ВАГОНОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Малыхина Екатерина Анатольевна,

адъюнкт,

Восточно-Сибирский институт МВД России,

664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110

В статье рассмотрены особенности предмета преступления при расследовании уголовных дел связанных с хищениями комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта. Определена значимость элементов подвижного состава – колесных пар, боковых рам, надрессорных балок.

Железнодорожный транспорт является особым, сложносочиненным элементом транспортной инфраструктуры, имеющим высокий потенциал в сфере совершения перевозочных процессов. Так же, как справедливо отметил О. П. Грибунов, железнодорожный транспорт является специфичной отраслью экономики страны, при этом имеет свои характерные особенности, которые обуславливают специфику и особенности преступности [1, с. 59]. Данное обстоятельство определяет особую значимость оптимальной организации деятельности железнодорожного комплекса, одним из непосредственных составляющих которой является соответствующее развитие и слаженность всех структурных элементов. Так, немаловажным критерием такой эффективной и организованной работы принято считать обеспечение безопасности движения непосредственной конструкции подвижного состава, в устройство которой входят литые детали тележек железнодорожных вагонов (такие как колесные пары, надрессорные балки, боковые рамы и другие). Указанные элементы составляют единую систему, в которой они взаимодействуют, при этом находясь в некоторой зависимости друг от друга.

Таким образом, комплектующие детали объектов железнодорожного транспорта являются важным звеном железнодорожной инфраструктуры, от качества данных деталей, их технического состояния и основных характеристик зависит безопасная эксплуатация всего подвижного состава и железнодорожного комплекса в целом. Однако, как показывает практика, указанные элементы в настоящее время являются объектом пристального внимания преступников, и на сегодняшний день хищения составных эле-

ментов литых деталей тележек железнодорожных вагонов представляют собой один из актуальных видов преступной деятельности на объектах железнодорожного транспорта. В этой связи считаем целесообразным уделить особое внимание рассмотрению вопроса, касающегося исследованию особенностей предмета преступного посягательства при расследовании хищений литых деталей тележек железнодорожных вагонов.

Отметим, что предмет преступления является структурным компонентом такого понятия как «криминалистическая характеристика преступлений», которое можно характеризовать в качестве важной информационной составляющей криминалистики, имеющей значение, как в теории, так и в практике [2, с. 5]. Сущность криминалистической характеристики сводится к возможности получения необходимых типичных сведений о различных существенных сторонах расследуемого события, которые в конечном итоге, и предопределяют восстановление всей картины преступления [3, с. 211].

Достаточно точно по данному факту высказались А. В. Варданян, И. Г. Гнетнев, отметив, что криминалистическая характеристика преступлений, отражает механизм преступной деятельности, при этом выступает информационной моделью соответствующей категории преступления, кроме того, криминалистическая характеристика преступлений служит источником для выдвижения и проверки криминалистических версий, а соответственно, анализ криминалистической характеристики преступлений является действенным подспорьем и для разработки тактических приемов и рекомендаций по производству различных следственных действий [4, с. 10]. Также достаточно справедливо А. Ю. Головин отмечал в своих работах, что рассматриваемое понятие следует характеризовать в качестве естественного закономерного результата длительного накопления, изучения и систематизации криминалистически значимых особенностей преступлений [5, с. 5]. Оно определяется как сложная система типовых сведений, раскрывающих закономерности и процессы совершения общественно-опасных деяний, поведения преступников, потерпевших и иных участников события, влияние на совершение преступления пространственно-временных и окружающих условий (обстановки), а также противодействие раскрытию и расследованию преступных деяний [6, с. 76].

Таким образом, не вызывает сомнений то обстоятельство, что знание особенностей криминалистической характеристики преступлений при расследовании противоправных деяний имеет немаловажное значение. В частности, при расследовании уголовных дел, связанных с хищениями составных элементов литых деталей железнодорожных вагонов особую роль следует уделять предмету преступного посягательства. Данный элемент криминалистической характеристики является неотъемлемой частью предмета доказывания, а в силу имеющихся познаний о нем он одновременно является средством, необходимым для определения личности пре-

ступника, его мотивов совершения деяния, а также иных обстоятельств, которые находятся в неразрывной связи между собой.

Как уже отмечалось ранее, в состав ходовых частей локомотива (тележек вагонов) входят такие элементы как колесные пары, боковые рамы, надрессорные балки и другие элементы. Они являются главным узлом вагона и обеспечивают безопасное его взаимодействие с железнодорожными путями. Так, принято считать, что к основным комплектующим деталям указанного вида транспорта относятся ходовые части вагона (колесные пары, буксы, подшипники, рессоры или пружины, рамы, кузова, ударно-тяговые приборы и тормоза). Однако, обращаясь к практике, следует отметить, что наибольшая часть преступлений указанного вида приходится на хищения колесных пар, боковых рам и надрессорных балок.

Отметим, что колесные пары представляют собой один из наиболее ответственных узлов вагона, исправная работа которых напрямую обеспечивает безопасность движения. Данный комплектующий элемент несет на себе массу всего вагона и направляет его по рельсовому пути. В этой связи исправность работы колесных пар требует тщательного исследования, наблюдения и контроля. Боковые рамы вагона, в свою очередь, представляют собой часть несущей конструкции кузова, при этом являются одной из основных частей вагона, на которой укрепляют кузов, автосцепное устройство, узлы автоматического и ручного тормозов. Так, можно сказать, что на раме монтируются все основные узлы вагона. Она опирается на ходовые части, воспринимает все статические и динамические нагрузки, действующие на вагон. Рама объединяет все элементы конструкции в единый узел – тележку и представляет этим элементам возможность реализовать свое функциональное назначение, обеспечивая безопасную эксплуатацию вагона. Надрессорные балки представляют собой одну из деталей конструкции тележки вагона, служащей соединительным элементом между двумя боковыми рамами. Как и иные литые детали тележек вагона, надрессорные балки имеют собственные знаки маркировки, в которые включены: код государства, номер изготовителя, две последние цифры года изготовления, порядковый номер, обозначение марки стали. Кроме перечисленного, каждая надрессорная балка должна обладать единым знаком ввода товара на рынке потребителей, клеймо службы технического контроля изготовителя, представителя потребителя.

Все элементы тележек вагона имеют особое значение для всего перевозочного процесса, использование и применение данных деталей в соответствии с установленными государственными стандартами позволяют обеспечить высокое качество их работы, а также безопасность движения. Для всестороннего расследования и раскрытия преступлений, связанных с хищениями литых деталей тележек вагона, правоохранительным органам необходимо в полной мере обладать общими сведениями о предмете хищения, а также их индивидуальных особенностях.

Знание о непосредственном назначении каждой детали в отдельности, условиях их безопасной эксплуатации, форме и содержании маркировочных обозначений, а также о существующих документах соответствия и паспортах деталей при правильном изучении и анализе способны направить ход расследования в необходимом направлении, сузить круг подозреваемых, определить место совершения деяния. Более того, при изучении перевозочных, сопроводительных и эксплуатационных документов похищенных деталей представляется возможным установить завод-изготовитель похищенного имущества, год и срок введения в эксплуатацию, плановые прохождения технического осмотра, а также отследить движение похищенной детали на протяжении всего срока эксплуатации. Благодаря существующей базе Главного вычислительного центра ОАО «РЖД» представляется возможным по маркировочным обозначениям, нанесенным на деталь, установить, на каком вагоне она должна была находиться и по какой станции в последний раз данная информация обновлялась.

Бесспорно, что изучение предмета хищения имеет непереоценимое значение как с теоретической, так и с практической точки зрения. Так, А. В. Варданян и О. В. Айвазова отмечали в своих трудах, что полученные знания являются значимым элементом при построении методики расследования преступлений [7, с. 21]. Исследование информации о данном элементе криминалистической характеристики хищений позволяет перейти к планомерному и истинному установлению всех обстоятельств произошедшего преступного события, выстроить определенные версии и определить ход расследования [8]. Более того, данное понятие необходимо для установления механизма преступления, а также квалификации деяния.

1. Грибунов О. П. Обстановка совершения преступлений как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 5-2. С. 59.

2. Головин А. Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 5.

3. Коновалов С. И., Бондаренко Ю. А. Соотношение криминалистической характеристики и механизма преступления по делам о преступных нарушениях требований пожарной безопасности // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 211.

4. Варданян А. В., Гнетнев И. Г. Понятие, значение и структура криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья, совершенных лицами, имеющими психические расстройства, не ис-

ключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 10.

5. Головин А. Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 5.

6. Головин А.Ю., Грибунов О. П., Бибииков А. А. Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений: монография. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2015. С. 76.

7. Варданян А. В., Айвазова О. В. Принципы формирования частных криминалистических методик: современное состояние и пути совершенствования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2. С. 21.

8. Грибунов О. П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте. Иркутск, 2016.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, литые детали тележек вагонов, колесные пары, боковые рамы, надрессорные балки, предмет преступления, криминалистическая характеристика преступлений.

УДК 343.98

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЛАМ ОБ УГРОЗЕ УБИЙСТВОМ

Малышева Наталия Александровна,
курсант факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Бадиков Дмитрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассматриваются тактические особенности производства допроса потерпевшего по делам об угрозе убийством, обусловленные спецификой совершения данного преступления и ограниченным кругом источников доказательств. Обосновывается тезис о том, что следователю нужно установить психологический контакт с потерпевшим, соблюдать

тактичность и сдержанность, так как допрашиваемое лицо было подвергнуто психотравмирующему воздействию.

В январе-марте 2017 года в 77 субъектах Российской Федерации всего было зарегистрировано около 500 тысяч преступлений, из которых 80112 относятся к преступлениям против личности. Из общего массива преступных деяний более 4 % выявлено сотрудниками органов внутренних дел на стадии приготовления и покушения. Так, 2694 преступлений являются убийством или покушением на убийство [1]. Жизнь человека, его права и свободы, согласно ст. 2 Конституции РФ, являются высшей ценностью нашего государства, поэтому преступления против личности относятся к числу наиболее общественно опасных и резонансных противоправных деяний.

Среди преступлений против личности особое место занимают убийство и угроза убийством, поскольку объектом их посягательства является жизнь человека. Анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что более трети совершаемых убийств, предшествуют случаи угрозы убийством [2, с. 158]. Именно поэтому важно пресекать подобную преступную деятельность на стадии угрозы.

Определяя термин «угроза» следует отметить, что это устрашение человека путем психического воздействия на него. При этом практическое выражение устрашения может быть разнообразно: в письменной или устной форме, адресовано лично потерпевшему или опосредованно; посредством телефонной связи, иными средствами коммуникации, например, через СМС-сообщение, через социальные сети и т. д. Конструктивным признаком угрозы выступает ее реальность. Иными словами, у потерпевшего имеются достаточные основания опасаться осуществления убийства, и он воспринимает устрашение как реальное намерение виновного его реализовать. Безусловно, делая вывод о реальности угрозы, необходимо учитывать совокупность факторов: конкретную ситуацию, место, время, обстановку, характеристику личности виновного, его поведение и др.

Анализ правоприменительной практики показывает, что одной из особенностей расследования рассматриваемого вида преступлений является немногочисленность источников доказательств, одним из которых являются показания потерпевших.

Исследование уголовных дел, возбужденных по ст. 119 УК РФ дает основания полагать, что наиболее часто поводом для совершения рассматриваемого преступления является ссора между виновным и потерпевшим. При этом лицо становится субъектом преступления в результате оскорбления потерпевшего, так как отрицательное поведение последнего вызывает стрессовую отрицательную реакцию лица. Издевательства, оскорбления, возможное насилие со стороны потерпевшего непосредственно влияет на решимость лица, совершившего в дальнейшем преступление, высказать

угрозу потерпевшему. Случаются ситуации, когда угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью совершаются в отношении близких знакомых лиц. Как правило, в таком случае угрозе предшествует ссора с высказанными обидными словами.

В складывающейся ситуации необходимо отметить, что успешность раскрытия и расследования преступлений данного вида во многом зависит от качественного обстоятельного, детального допроса потерпевшего. На основании изложенного целесообразно более детально рассмотреть некоторые тактические аспекты допроса потерпевшего по делам об угрозе убийством.

Следует обратить внимание на то, что потерпевший в силу исключительности своего статуса в уголовном судопроизводстве, обязан давать правдивые показания, потому и предупреждается об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний в соответствии со ст. 307, 308 УК РФ. Вместе с тем, если потерпевший не усматривал в действиях другого лица реальной угрозы, в полной мере осознавал, что лицо не намерено реализовывать высказанное устрашение либо потерпевший изначально знал, что угроза высказана в шуточной форме, но тем не менее заявил в правоохранительные органы о совершенном в отношении него преступлении, то он подлежит уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

Анализ специализированной литературы показывает, что многие авторы настоятельно рекомендуют на подготовительном этапе производстве допроса составить его план с указанием конкретных обстоятельств, подлежащих установлению и вопросов, с помощью которых можно установить данные обстоятельства. Среди исследователей существует и противоположная точка зрения, согласно которой составление плана – это лишняя работа для следователя, производить которую нет необходимости.

В обоснование такой позиции приводится довод о том, что в производстве одного следователя одновременно находятся десятки уголовных дел, поэтому составление планов допросов нецелесообразно с точки зрения распределения времени, так как следователь должен исходить в своей работе из принципа разумной экономичности времени.

Возможно, в этом присутствует рациональное зерно и при производстве допроса следователю достаточно пользоваться положениями статьи 73 УПК РФ, где указаны обстоятельства, подлежащие установлению, и придерживаться в ходе допроса именно этого примерного плана.

При этом не подлежит сомнению то обстоятельство, если дело имеет особую сложность, то в подготовительной части допроса необходимо составить план с указанием вопросов, не являющихся типичными для большинства расследуемых преступлений. В таком случае затраты времени обоснованы и «купаются» единовременным качественным допросом, несмотря на сложность и запутанность уголовного дела.

Итак, рассмотрим некоторые аспекты тактики допроса по делам об угрозе убийством. Особенность производства указанного следственного действия по исследуемой категории дел обусловлена следующими факторами:

- во-первых, информация, поступившая потерпевшему, воспринимается им субъективно. Безусловно, любые сведения, поступившие человеку, носят субъективную окраску, однако, в данном случае имеются в виду ситуации, когда потерпевший до полученной угрозы сам ведет себя неблагоприятно (так называемое виктимное поведение), нередко случаи, когда потерпевшие в момент угрозы находятся в состоянии опьянения;

- во-вторых, как уже было указано выше, возможен оговор со стороны потерпевшего, как способ удовлетворить свои неприязни или обиды;

- в-третьих, это субъективное восприятие угрозы, что влечет за собой «приукрашивание» действий виновного, так как потерпевший может несоотносительно оценить слова человека, тем самым неумышленно увидеть в его намерениях признаки преступления, где их в действительности нет либо, наоборот, потерпевший в силу своих психофизиологических особенностей, может уменьшить формулировку угрозы.

Приведенные обстоятельства свидетельствуют о необходимости в подготовительной части допроса провести с потерпевшим содержательную «нейтральную» беседу, в ходе которой следователь сможет сделать выводы о ценностных качествах потерпевшего, о силе его воображения, об образе жизни, уровне культурного воспитания и т. д. Знание этих данных позволит следователю выбрать правильную линию поведения в ходе производства допроса. Кроме того, перед допросом следователю стоит подробно ознакомиться с материалами предварительной проверки, а именно: с объяснениями заявителя и очевидцев.

Считаем правильным придерживаться вышеуказанной точки зрения, и допрашивать потерпевшего последовательно по ч. 1 ст. 73 УПК РФ, анализ которой совместно с особенностями расследования данных преступлений позволяют выделить специфику предмета доказывания. В связи с этим, необходимо обратить внимание на то, что при допросе потерпевшего по делам об угрозе убийством следователь должен выяснить следующие обстоятельства:

- 1) событие преступления: место, время и обстановку совершения угрозы; в чем непосредственно выражалась угроза (действия, поступки, слова угрожающего); использовались ли какие-либо орудия для реализации угрозы; способ прибытия и убытия с места преступления потерпевшего и угрожающего; оказывал ли потерпевший сопротивление, если да, то каким образом виновный его преодолевал; могли ли остаться следы на одежде угрожающего; имеются ли на теле потерпевшего следы насилия, если да, то какой степени тяжести;

2) обстоятельства, предшествующие преступлению: момент образования конфликтной ситуации, процесс ее развития; вызван ли был конфликт поступками потерпевшего (при этом следователю следует подойти к установлению данного обстоятельства очень осторожно, «завуалированно», так как в любом случае психика человека имеет оправдательную направленность); был ли потерпевший ранее знаком с виновным, какие общие интересы их объединяют;

3) психическое и физическое состояние потерпевшего в момент совершения угрозы: оказание воздействия на угрожающего; чувства, эмоции потерпевшего; осознание возможности оказания действенного сопротивления;

4) субъективное отражение действий угрожающего в сознании: отношение потерпевшего к действиям и словам виновного, степень реальности восприятия выдвинутой угрозы.

Несомненно, приведенный перечень является примерным, в связи с чем его можно дополнить или сократить, в зависимости от складывающейся на конкретный момент расследования ситуации. При производстве допроса потерпевшего по делам рассматриваемой категории главное – установить реальность угрозы. Следователю следует обратить внимание на тот факт, что потерпевший может быть знаком с виновным, поэтому с течением времени может быть заинтересован в сокрытии истинных фактов произошедшего. Еще одной причиной такой заинтересованности может являться присутствующий у потерпевшего страх мести со стороны подозреваемого в силу неэффективной деятельности правоохранительных органов. Поэтому важно провести допрос потерпевшего в максимально короткие сроки и с разъяснением всех прав и гарантий на защиту [3].

Анализ судебно-следственной практики показывает, что нередко угроза убийством совершается по совокупности с другими преступлениями, поэтому потерпевшие на допросе в указанной ситуации склонны преувеличивать: количество ударов, нанесенных им; размеры орудий преступления и т. п., что может быть вызвано стрессовым состоянием допрашиваемого, его возрастом, страхом, необычностью обстановки преступления, и т. д. [4]

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что показания потерпевшего являются одним из самых важных видов доказательств по делам об угрозе убийством, поскольку именно потерпевший вступает в непосредственный контакт с личностью виновного либо соприкасается с его действиями. В связи с этим допрос потерпевшего имеет свои тактические особенности. Во-первых, следователю стоит учитывать психическое состояние потерпевшего, поэтому важно установить с ним психологической контакт; во-вторых, необходимо брать во внимание субъективное восприятие угрозы потерпевшим, возможность неадекватной оценки произошедшего. По нашему мнению, следователь не обязан себя обременять состав-

лением плана производства данного следственного действия в силу своего опыта и профессионализма.

1. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/sb_1703_1.pdf.
2. Кунагалиева Г. А. К некоторым вопросам ограничения угрозы убийством от убийства // Известия вузов Кыргызстана. 2009. № 4. С. 157–160.
3. Абрамова Н. Г. Методика расследования побоев: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 117.

Ключевые слова: допрос, угроза убийством, тактические особенности, потерпевший
УДК 343.98

ПРОБЛЕМА ОГЛАШЕНИЯ В СУДЕ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО НА ЗАЩИТУ

Марковичева Елена Викторовна,
*доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник отдела проблем
уголовного судопроизводства,
Российский государственный университет правосудия,
117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69*

В статье анализируются проблемы оглашения показаний потерпевшего и свидетеля в современном российском уголовном судопроизводстве. Автором вносятся предложения по созданию компенсаторного механизма, обеспечивающего уголовно-преследуемому лицу право на защиту при оглашении показаний.

Центральное место в уголовном процессе занимает деятельность, связанная с доказыванием. Уголовно-процессуальное доказывание подразумевает не только собирание доказательств, но и их проверку и оценку. В этой связи важное значение приобретает проверка и оценка доказательств в суде первой инстанции. Суд проверяет и оценивает доказательства, собранные органами предварительного расследования. Исследование доказательств является важной частью ординарного судебного процесса, поскольку неисследованные судом доказательства не могут быть положены в основу законного и справедливого приговора. В соответствии с требованиями ч. 3 ст. 240 УПК РФ, приговор может быть основан только на исследованных судом доказательствах.

В рамках исследования судом доказательств в соответствии со ст. 281 УПК РФ допускается оглашение показаний потерпевшего и свидетеля. Данная норма призвана разрешить ситуацию, в которой потерпевший или свидетель не является в судебное заседание для дачи показаний. Однако решение данной задачи требует разрешения противоречия между необходимостью использования оглашаемых показаний в качестве доказательств и обеспечением права обвиняемого на защиту.

В нормах международного права получило закрепление право обвиняемого на допрос обвиняющих его лиц. Необходимость приведения российского уголовно-процессуального законодательства в соответствие с данными нормами, а также позиция Конституционного Суда РФ привели к тому, что в 2016 г. ст. 281 УПК РФ была скорректирована [1]. Новая редакция данной статьи закрепила обязательность реализации права обвиняемого (подсудимого) на оспаривание в досудебных стадиях оглашаемых в суде показаний потерпевшего или свидетеля. Таким образом, законодатель предпринял попытку обеспечения состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве.

Верховный Суд РФ высказал свою позицию к данной проблеме в Постановлении Пленума от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», указав, что «суд не вправе оглашать без согласия сторон показания неявившихся потерпевшего или свидетеля, воспроизводить в судебном заседании материалы видеозаписи или киносъемки следственных действий, проведенных с их участием, а также ссылаться в приговоре на эти доказательства, если подсудимому в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц предусмотренными законом способами (например, в ходе очных ставок с его участием задать вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним свои возражения)» [2]. Такая позиция Верховного Суда видится продуманной и направленной на обеспечение права на защиту уголовно-преследуемого лица в уголовном процессе. В целом, высшая судебная инстанция транслировала позицию Европейского Суда по правам человека по данному вопросу.

В правоприменительной практике данная норма сразу же породила целый ряд вопросов. В первую очередь, это касается выбора процедур, обеспечивающих обвиняемому реализацию права оспорить показания лиц, чьи показания оглашаются в суде. В силу предложенного законодателем алгоритма «в большинстве случаев сторона защиты имеет возможность ознакомиться с показаниями потерпевших и свидетелей, а значит, принять решение об их оспаривании лишь по окончании предварительного расследования» [3, с. 30]. Для разрешения данной ситуации и снижения риска утраты доказательства в суде, в связи с неявкой свидетелей, следственная практика стала широко использовать проведение очной ставки. Однако вряд ли можно признать нормальной ситуацию, в которой реализация пра-

ва обвиняемого на защиту при оглашении показаний обеспечивается только через производство одного следственного действия. Тем более, что в соответствии с ч. 1 ст. 192 УПК РФ, производство очной ставки – это не обязанность следователя, а его право, а условием производства данного следственного действия является наличие существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц.

Полагаем, что новая редакция ст. 281 УПК РФ ставит перед отечественным уголовным процессом важную задачу по созданию новых компенсаторных механизмов, обеспечивающих уголовно-преследуемому лицу реализацию его права на допрос лица, обвиняющего его. Однако данный процесс требует определенной осторожности, изучения опыта зарубежных государств. Параллельно следует принять меры к совершенствованию механизма обеспечения явки свидетелей в суд, чтобы ситуация оглашения их показаний была исключением из правила. Заслуживает внимания предложение, сформулированное М. Т. Аширбековой, предлагающей возложить на стороны обязанность по обеспечению явки свидетелей [4].

В любом случае, разработанный и закрепленный в уголовно-процессуальном законе механизм должен обеспечить разумный баланс между обеспечением полноценного доказывания и соблюдением права обвиняемого (подсудимого) на защиту.

1. О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 2 марта 2016 г. № 40-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 10, ст. 1314.

2. О судебном приговоре [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Сидоров А. С. К вопросу о новых основаниях для оглашения показаний потерпевших и свидетелей в суде // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2016. № 2. С. 27–33.

4. Аширбекова М. Т. Новое в порядке оглашения показаний потерпевшего и свидетеля // Мировой судья. 2016. № 7. С. 13–19.

Ключевые слова: потерпевший, свидетель, оглашение показаний, право на защиту.

УДК 343.1

ГЕЙМЕРСТВО КАК ПСИХИЧЕСКОЕ ОТКЛОНЕНИЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ДЕЛИНКВЕНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Москвичев Сергей Александрович,

*старший следователь отдела по расследованию преступлений,
совершенных на территории, обслуживаемой ОП № 7,
СУ УМВД России по г. Липецку,
398046, г. Липецк, ул. Стаханова, д. 13 «А»*

В статье рассматриваются проблемные вопросы игромании как психического отклонения и ее влияние на делинквентное поведение несовершеннолетнего.

Бурно развивающийся отечественный рынок компьютерных игр уже сегодня достиг уровня рынка кинопроката и даже обогнал его. Именно благодаря тому, что человек участвует в них активно (способен принимать решения, влиять на ход событий в игре, изменять игровой мир), видеоигры более опасны для образования социальных девиаций, чем фильмы (при просмотре фильма зритель пассивен и всего лишь «поглощает» заложенный в фильм агрессивный посыл автора). Несмотря на серьезные экономические сложности в стране: девальвацию рубля, стагнацию мелкого и среднего бизнеса, уменьшение расходов среднестатистического россиянина в России играют все больше и больше. Так, по статистике Google, слово «игра» в поисковых запросах вводится в 6 раз чаще, чем слово «любовь».

Проблема игромании в XXI веке является актуальной не только для России. Западные страны также столкнулись с беспрецедентным ростом потребления игровой продукции и в первую очередь детским населением. С одной стороны спрос диктует предложение, и нет ничего плохого в том, что общество стало больше играть. Вместе с тем на сцену выходит обратная сторона геймерства – психические расстройства, социопатия, которые могут спровоцировать делинквентное поведение.

Показателен в этом смысле случай, произошедший в США, где восьмилетний ребенок, наигравшись полтора суток кряду в GTA 4, идет в соседнюю комнату с пистолетом, вытасканным из отцовского шкафа, и несколько раз стреляет в голову пожилой женщине, присматривающей за ним. Следствию ребенок заявил: «Я не ее первую грохнул... Еще я пристрелил шлюху после того, как с ней переспал в GTA. Эта старуха была хуже шлюхи, вот я ее и уделал!». И это далеко не единственный случай из судебной практики указанной страны. Не зря бывший президент США Барак Обама назвал уникальным среди развитых стран уровень насилия в Штатах. Об этом он заявил на пресс-конференции по итогам саммита НАТО в Варшаве [1].

Подчас в ход идет не только и не столько огнестрельное оружие. Часто дети бьют друг друга ножами, совершают поджоги, ведут прицельную стрельбу по участникам дорожного движения из снайперских винтовок и автоматов и т. д. На суде выясняется, что все эти зверские преступления они совершили как продолжение сюжетных линий видеоигр – жестокость транслируется из мира игры в реальность. Так, один геймер потратил полгода на то, чтобы вычислить другого игрока, виртуальный герой которого убил виртуального персонажа первого геймера в игре. Найдя этого человека, геймер ворвался к нему в дом и убил выстрелом в грудь. На суде он утверждал, что мстит за убитого героя игры, с личностью которого геймер отождествил собственное «я».

Можно предположить, что все эти страшные эксцессы – не более чем издержки американского общества, в котором царит бесконтрольное хождение оружия. В России правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия регулирует Федеральный закон РФ «Об оружии» от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ [2]. Так, может у нас все далеко не так плохо? Оказывается, нет, и у нас налицо связь повышенной агрессивности подростка с его увлечением видеоиграми. В России также не редки случаи преступлений, совершенных под прямым влиянием или впечатлением от компьютерных игр.

Так, в поселке Тургояк Челябинской области, 15-летний подросток совершил убийство отца и матери после того, как они запретили ему играть в компьютерную игру World of Warcraft. По версии следствия, 4 октября 2015 г. Антон Ш. получив двойку по одному из предметов пришел из школы домой. Когда родители в воспитательных целях ограничили ему доступ к компьютеру, молодой человек взял в руки кухонный нож и отправился в спальню к родителям, где нанес матери множественные ножевые ранения, ставшие причиной ее смерти. Также подросток нанес ножевые ранения, несовместимые с жизнью, вернувшемуся позднее с работы отцу. После содеянного, подросток хотел покончить жизнь самоубийством [3]. Аналогичная ситуация произошла в Екатеринбурге где ученик 9-го класса английской гимназии № 144 убил свою мать за то, что та запретила ему играть в компьютерные игры [4]. Примечательно, что все семьи, где были совершены преступления, считались благополучными. Безусловно, подобные случаи неконтролируемой агрессии подростков требуют осмысления [5].

Социологические данные свидетельствуют о том, что 90 % учащихся средних школ в России (27 миллионов подростков 8–18 лет) проходят в том или ином возрасте через сильнейшую зависимость от видеоигр (подразумевается игра более четырех дней в неделю в течение хотя бы четырех часов каждый «игровой» день). Медицинская статистика утверждает, что

8,5 % игроманов, обладающих сильной патологической зависимостью, нуждаются в профессиональной психологической и медицинской помощи.

Жестокость, агрессия, вымещение накопившейся за день злобы, возможность в буквальном смысле разорвать виртуальных врагов в клочья – вот признаки серьезных отклонений в психике игромана. Убийство, поощрение убийства или лицемерие убийства не оставляют поклонника «стрелялок» ни на минуту. Игры, принесшие их создателям и дистрибьютерам мировую известность, – знаменитые Doom («Дум»), Quake («Квейк»), Duke Nukem («Дюк Ньюкем»), Heretic («Еретик»), Unreal («Нереальное») – уже в девяностые годы положили начало волне шутерного (стрелялка, от англ. Shooter – «стрелок») ажиотажа, в современности выродившегося в таких гигантов игровой индустрии, как F.E.A.R. («С.Т.Р.А.Х.»), Half-Life («Полураспад»), S.T.A.L.K.E.R. («С.Т.А.Л.К.Е.Р.»), Battlefield («Поле боя») и Call of Duty («Долг службы»). Как говорят миллионы фанатов по всему земному шару, если в игре не надо никого убивать, она просто скучна. Наряду с тем, что шутеры дают возможность геймерам выплескивать эмоции, они делают их крайне уязвимыми в преподносимых реальной жизнью ситуациях, когда эмоции нужно контролировать.

Зачастую, прообраз игрока, сидящего за консолью / монитором, – личность аморальная и асоциальная, вобравшая в себя различные пороки человечества. В лучшем случае он нейтрален с точки зрения морали, в умеренных вариантах может совершать всевозможные нехорошие поступки, а как крайний «героизм» – отпетый преступник, которому по американским законам грозит до тысячи лет тюрьмы или высшая мера наказания. Причем отрицательная «героизация» персонажа игры заключается не только в стрельбе и рубке ножами и мечами направо-налево.

В игровых мирах часто распространено воровство, когда по сюжету игры всегда требуется вспомогательная всячина наподобие бутылок с водой или кока-колой, тривиальной еды, боекомплектов к оружию, артефактов, амулетов, зелий и всего прочего в том же роде, чтобы герой «держался на плаву» – игры серии Fallout или Elder Scrolls («Свитки мудрецов») и др. Он может это купить, сварить, изготовить. Но к чему все сложности, когда можно просто взять то, что плохо лежит? При этом, если не пойман за воровство, ты – безнаказанный молодец, а если тебя «засекли», то «на всякий случай» можешь убить свидетеля и снова выйдешь сухими из воды. Вполне допустим вариант грабежа и разбоя, когда герой врывается в магазин, расстреливает продавцов, охрану и посетителей, а затем берет по праву все необходимое.

К воровству близко пиратство (игры студии Egosoft, воссоздающие Вселенную X: X3 Terran Conflict («Земной конфликт»), Reunion («Воссоединение») и Albion Prelude («Прелюдия Альбиона»). На примере данных игр дети учатся идее, что пиратство – самый легкий способ заработка. Отсюда вывод, что пираты, вооруженные, как правило, автоматическим ору-

жием и гранатомётами, захватывающие с целью выкупа морские суда (катера, моторные лодки, рыболовецкие суда) России, Индии, стран-членов НАТО и ряда других стран у берегов Сомали – зарабатывают таким образом себе на жизнь.

Далее герой игры – лихач и хулиган (мир Need for Speed («Жажда скорости»), Watch Dogs («Сторожевые псы»). Лихачество на максимальной скорости, стритрейтерство, «подрезание» машин облекаются в романтическую форму геройства и «крутости», равно как и полностью хулиганские действия, где персонаж на своем автомобиле всеми силами пытается скрыться от преследования полицейских машин. По мере увеличения беспардонности «водилы» растут его престиж, оружие, богатство и гаражи, в которые поступают все новые авто, на которых можно хулиганить и устраивать лобовые столкновения сколько душе угодно. При этом частью аудиального пространства в таких играх является ненормативная лексика и уже не улица, а компьютерная игра приучает детей к изощренному мату.

Ярким примером проекции подобной ситуации в реальность является уголовное дело «о гонках на Gelandewagen», возбужденное по ч. 1 ст. 318, ст. 319, ч. 2 ст. 35 УК РФ, фигурантами которого стали Шамсуаров, Маджидов и Усков, которые утром 22 мая, двигаясь на внедорожнике Mercedes G63 AMG по Ленинскому проспекту в сторону МКАД, грубо нарушали правила дорожного движения. Зная, что их действия пытаются пресечь сотрудники ДПС, преследовавшие их на служебной машине, они продолжали совершать опасные маневры. При этом указанные лица вели видеозапись происходящего и транслировали ее в интернете, сопровождая свои действия оскорбительными высказываниями в адрес сотрудников полиции. Это происшествие приобрело большой общественный резонанс. 17 октября 2016 г. Гагаринский районный суд г. Москвы признал подсудимых Шамсуарова, которому принадлежал автомобиль, и его товарища Ускова виновными по эпизоду преступной деятельности в части оскорбления представителя власти, назначив обоим по 300 часов обязательных работ. Маджидов, который находился за рулем внедорожника оправдан по всем эпизодам преступной деятельности [6].

Кроме того постоянными лейтмотивами компьютерных игр являются ложь, предательство, обман (игры Dragon Age, Oblivion («Обливион»), Watch Dogs и Mass Effect), где главная мораль заключается в дружбе из корыстной или иной личной заинтересованности, пока персонаж необходим тебе для достижения твоих тайных целей. Потом ты смело можешь его бессовестно подставить, оболгать, бросить, очернить, посадить за решетку или попросту «кинуть». Потребительское отношение к человеку – вот сильный этический посыл данных игр.

Следующий шаг на пути развращения героя – мафиози-разбойник, который с помощью подстав, подлога и мошенничества пробирается в крестные отцы американской мафии (игра Mafia II). Выполнение заданий

мафии по киднэппингу и перерезыванию глоток становится рядовым достаточно быстро и не идет ни в какое сравнение с интригой разрабатываемого плана по достижению вершин мафиозной организации и свержению ее лидеров.

Безусловным лидером по аморальности, является симулятор типа Grand Theft Auto – игра, заставившая восьмилетнего ребенка хладнокровно и с особым садизмом убить свою 90-летнюю няню. Пожалуй, это квинтэссенция всей грязи и пошлости, которую разработчикам удалось собрать, и одновременно самая популярная игра человечества на данное время, если принять во внимание статистические данные.

Таким образом, можно сделать вывод, что путь геймера в виртуальном мире – отнюдь не путь самурая, чести и доблести, спасения слабых и наказания беззаконников, а скорее путь Карлито – путь наркоманов и убийц, воров и насильников, гангстеров и мафиози [7]. С помощью мифологической составляющей сознания геймер переносит свои идеалы из цифрового мира компьютера в реальную жизнь, что зачастую приводит к социальным девиациям, психическим расстройствам и даже к совершению правонарушений и преступлений. Не вызывает сомнений, что игромания, равно как и алкоголизм, наркомания, токсикомания и табакокурение, требует медицинского лечения. В этой связи недостаточная статистика психических расстройств, девиантного и делинквентного поведения геймеров свидетельствуют о необходимости формирования продуманной законодательной базы, которая позволила бы анализировать ситуации с социальными последствиями распространения игр, с каждым годом захватывающих все больше детских умов.

1. Обама считает уникальным среди развитых стран уровень насилия в США [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/world/20160709/1462541641.html> (дата обращения: 23 мая 2017 г.).

2. Об оружии [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ: в ред. от 28 марта 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Подросток зарезал свою семью из-за запрета играть в компьютерные игры [Электронный ресурс]. URL: <https://life.ru> (дата обращения: 23 мая 2017 г.).

4. Екатеринбургский школьник убил мать из-за запрета играть в компьютерные игры [Электронный ресурс]. URL: <https://ruposters.ru/news/30-11-2016/ekaterinburgskij-shkolnik-ubil-mat> (дата обращения: 23 мая 2017 г.).

5. Щербакова Л. Ю., Чаплыгина В. Н. Реализация законным представителем прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших (в порядке постановки проблемы) // Уголовно-

процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Орел, 2015. С. 380–385.

6. Гелендваген опять ушел от решетки [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/10/17/reg-cfo/gelandewagen-shamsuarova-iziali-v-polzu-gosudarstva.html> (дата обращения: 24 мая 2017 г.).

7. Шаров К. С. Электронное геймерство: путь самурая или путь Карлито? [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24282298_49793527.pdf (дата обращения: 24. мая 2017 г.).

Ключевые слова: видеоигры, компьютерные игры, геймеры, социальные девиации, психические расстройства, делинквентное поведение, зависимость от игры.

УДК 351.745.7

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ), ЗАКЛЮЧИВШИХ ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Морозова Наталия Владимировна,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

В статье рассматриваются некоторые положения, касающиеся обеспечения мер безопасности жизни и здоровья в отношении подозреваемых (обвиняемых), заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве.

Во Всеобщей декларации прав человека, утвержденной Генеральной Ассамблеей ООН, а также в законодательствах развитых стран закреплено положение о том, что права и свободы человека и гражданина, его честь и достоинство являются высшей ценностью общества и государства. Во многих развитых странах накоплен опыт создания и функционирования системы институтов и механизмов, направленных на защиту прав и законных интересов личности, причем не, только потерпевших, свидетелей и иных лиц, в том числе подозреваемых, но и обвиняемых [1].

Статья 2 Конституции Российской Федерации провозглашает признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека, и гражданина обязанностью государства [2]. Одним из проявлений государственной защиты конституционных прав на жизнь, свободу и личную неприкосновенность

является обеспечение безопасности граждан в уголовном судопроизводстве. Решение задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, невозможно без активного участия в нем потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих правосудию.

Сделка с правосудием уже давно получила распространение во многих странах мира. В итоге сформировалось два типа сделок, которые более других повлияли на формирование российского досудебного соглашения о сотрудничестве. Одним из самых распространенных типов сделки является договор, заключенный с прокуратурой. В соответствии с данным договором в обмен на признание обвиняемым своей вины, прокуратура снимает с него часть обвинения и меняет квалификацию преступления с более тяжкого на менее. Сделка может быть предложена любой из сторон. Условия сделки обсуждаются между обвиняемым и представителем из прокуратуры. После этого все утверждается судьей, как правило, в открытом заседании суда. Судья может отказать в утверждении сделки. Однако если он дал согласие, то со своей стороны, судья обязан исполнить все ее условия.

Другим типом сделки с правосудием является договор, в соответствии с которым лицо получает прокурорский иммунитет в обмен на показания против сообщников; в США эту сделку с правосудием принято называть превращением в свидетеля обвинения. Как и в предыдущем случае, сделка также заключается между обвиняемым и прокурором, после чего должна быть одобрена судьей. После этого исполнение согласованных условий становится обязательным для всех ее участников. Вместе с тем, если у прокурора появляются новые улики, на основе которых он может добиться вынесения обвинительного приговора, уже состоявшаяся сделка может быть расторгнута. Однако в действительности такое происходит крайне редко. Главный недостаток сделок с правосудием юристам многих стран видится в том, что обвиняемый может оговорить кого угодно, чтобы избежать справедливого наказания. Вместе с тем они признают, что, заключая такие сделки, прокурор экономит свое время и бюджетные расходы на судебное разбирательство, а также достигает нужного результата: преступник несет заслуженное, пусть и относительно мягкое, наказание.

В настоящее время в России судебное производство по уголовным делам приобретает специфические особенности в следующих случаях:

- 1) при производстве у мирового судьи;
- 2) при производстве в суде с участием присяжных заседателей;
- 3) в случае особого порядка принятия судебного решения при соглашении обвиняемого с предъявленным ему обвинением;
- 4) при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Законное закрепление данного параграфа «гарантии защиты в отношении подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное согла-

шение о сотрудничестве» нашло своё отражение в главе 40.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) «Особый порядок принятия судебного соглашения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», статья 317.9 «Меры безопасности, применяемые в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве».

Так при необходимости обеспечить безопасность подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких родственников, родственников и близких лиц применяются меры безопасности, предусмотренные статьей 11 и пунктом 4 части второй статьи 241 настоящего Кодекса [3].

Наряду с нормами УПК РФ, где данному вопросу посвящены отдельные статьи, нельзя забывать про Федеральный закон Российской Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, в котором чётко сказано, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их защитники и законные представители, осужденный, оправданный, а также лицо, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено – подлежат государственной защите. Меры государственной защиты могут быть применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления [4].

Обеспечение права на защиту является проявлением демократических основ нашего общественного строя, необходимым условием соблюдения законности и правопорядка при расследовании преступлений и осуществления истинного правосудия. Принцип обеспечения подозреваемому (а затем обвиняемому, подсудимому) права на защиту пронизывает все уголовное судопроизводство [5].

В широком смысле, право на защиту (как на международном, так и на внутригосударственном уровне) является понятием собирательным, так как оно включает в себя следующие составляющие:

- право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе бесплатной;
- право на судебную защиту;
- право на защиту всеми способами, предусмотренными законом.

Таким образом, право подозреваемого на защиту включает в себя, по меньшей мере, три основных элемента.

Во-первых, положение о том, что подозреваемый должен быть наделен комплексом таких мер, реализация которых позволила бы ему самому эффективно защищать свои права и законные интересы.

Во-вторых, положение о праве на квалифицированную юридическую помощь, которой может в необходимых случаях воспользоваться каждый.

В-третьих, положение о возложении на лиц, ведущих дознание, следователей, прокуроров и судей обязанности осуществлять действия, направленные на содействие защите подозреваемых.

В заключении рассмотрим реализацию практической деятельности по обеспечению мер безопасности жизни и здоровья в отношении подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. На основе, выше изложенного, возможно применение следующих мер:

- если лицо, участвует в следственном действии, как проверка показаний на месте или следственный эксперимент, а при проведении данного следственного действия необходима видеофиксация. Данная видеозапись будет представлена для ознакомления суда без монтирования и изменения. Однако мы знаем, что потерпевший, его законные представители, иные участники процесса вправе ходатайствовать об ознакомлении со всеми материалами уголовного дела. Для того, чтобы не бояться вражды в отношении себя и близких людей по тяжким и особо тяжким делам, лицо обвиняемого может быть закрыто черным треугольником;

- для того чтобы исключить узнаваемость голоса обвиняемого при даче показаний, можно изменить голос или тип речи.

И ещё один не маловажный момент – это то, что в ст. 317.9 УПК РФ приведены меры безопасности, применяемые в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. При необходимости обеспечить безопасность подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких родственников, родственников и близких лиц применяются меры безопасности, предусмотренные ст. 11 и п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ. На подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, распространяются все меры государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

В случае возникновения угрозы безопасности подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких родственников, родственников и близких лиц следователь выносит постановление о хранении документов, указанных в ч. 2 ст. 317.4 УПК РФ, в опечатанном конверте. Представляется, что защита подозреваемого или обвиняемого, не в полной мере гарантируется при заключении досудебного соглашения. Ведь соглашение не освобождает от уголовной ответственности. Как быть, если лицо, сотрудничающее со следствием, окажется в одном исправительном учреждении вместе с соучастниками преступления? Такое случается в судебной практике.

К сожалению, гарантии, выдвигаемые следователем и прокурором при заключении соглашения, могут и не учитываться судом при вынесении приговора. При этом сторона обвинения должна договариваться с судом о

соблюдении выдвинутых гарантий или же в самом соглашении должны быть прописаны все предоставляемые гарантии защиты с возможностью последующего обжалования в случае их несоблюдения? Но в любом случае суд, рассматривающий дело, подобные вопросы ставит в зависимость от позиции стороны обвинения, а это незаконно.

На сегодняшнее время данные примеры ярко отображены при трансляции таких телепрограмм, как «Человек и закон», «Криминальная Россия», «Честный детектив». При применении такого вида мер безопасности помимо признания вины, необходима большая доказательственная база, что подтверждало бы причастность лица в совершении им преступления. Чтобы не оказалось в дальнейшем так, что за «решеткой» несёт наказание вовсе невинное лицо.

1. Всеобщая Декларация прав и свобод человека [Электронный ресурс]: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.

2. Конституция Российской Федерации. СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2014. С. 48.

3. Рыжаков А. П. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (постатейный) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федер. закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ: в ред. от 8 марта 2015 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 34, ст. 3534.

5. Морозова Н. В. Вопросы обеспечения защиты участников уголовного судопроизводства в ходе расследования преступлений // Наука и практика. 2014. № 2 (59). С. 108.

Ключевые слова: гарантии, подозреваемый (обвиняемый), досудебное соглашение о сотрудничестве, предварительное расследование.

УДК 343.1

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО НА СУДОПРОИЗВОДСТВО В РАЗУМНЫЙ СРОК

*Муллахметова Наталья Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Смоленский филиал Саратовской государственной юридической академии,
214012, г. Смоленск, ул. Ударников, д. 3*

В статье рассматривается понятие разумного срока уголовного судопроизводства, нормативная основа и правоприменительная практика по данному вопросу. Автор подчеркивает значение разумного срока как одной из гарантий доступа потерпевшего к правосудию.

Проблема волокиты при осуществлении судопроизводства всегда была актуальной для отечественной юриспруденции. Ведь своевременность – одно из важнейших условий обеспечения конституционного права граждан на доступ к правосудию и судебную защиту. Но компенсационный механизм защиты права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок был законодательно урегулирован в нашей стране относительно недавно. На необходимость его создания прямо указывалось в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2008 г. № 734-О-П «По жалобе гражданки В. на нарушение ее конституционных прав статьей 151 Гражданского кодекса Российской Федерации». Позже вышло Постановление Европейского Суда от 15 января 2009 г. по делу «Бурдов против Российской Федерации», что и обусловило принятие Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». В Уголовно-процессуальном кодексе появилась ст. 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства», которая заняла свое место в главе о принципах.

Проблеме соблюдения разумных сроков на протяжении последних лет уделялось достаточно внимания и высшими судебными инстанциями. Разумный срок как юридическая категория присутствует во многих постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ [1]. Соблюдение разумного срока уголовного судопроизводства рассматривается в качестве одной из гарантий реализации права на доступ к правосудию.

Анализ статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывает, что в 2016 году удовлетворено 306 заявлений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок по уголовным делам, а в 2015 году – только 148 [2].

В научной литературе разрабатывается понятие разумного срока судопроизводства. Так, И. С. Дикарев и П. С. Гордеев считают, что разумный срок – срок, продолжительность которого является оптимальной (достаточной и необходимой), для того чтобы принятие процессуального решения, выполнение процессуального действия, завершение отдельной стадии уголовного процесса или производства по уголовному делу в целом обеспечивали реализацию назначения уголовного судопроизводства [3]. Разумность срока не следует отождествлять с его краткостью, поскольку экономия времени не всегда положительно влияет на законность и обоснованность принимаемых процессуальных решений. М. Т. Аширбекова и С. Б. Некенова выделяют в правовом понятии «разумный срок судопроизводства» длительность производства по уголовному делу (временную, количественную составляющую), и эффективность действий, осуществляемых публичными субъектами уголовного процесса (качественную составляющую), а также соразмерность этих составляющих друг другу и в то же время каждой из них указанному виду нематериального блага, что должно обеспечивать баланс частных и публичных интересов [4].

Федеральный закон № 68-ФЗ к числу лиц, имеющих право требовать компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок относит не только подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного, но и потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика, а также в предусмотренных федеральным законом случаях других заинтересованных лиц. Однако на практике в первое время после принятия данного закона возникали вопросы, связанные с реализацией прав жертв преступлений на выплату компенсации в случае неоправданного затягивания досудебного производства, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела, когда заявитель еще не может официально быть признан потерпевшим, либо когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено. Эти проблемы широко обсуждались и в научной литературе [5]. Но после принятия Постановления Конституционного Суда РФ от 25 июня 2013 г. № 14-П, а затем Постановления Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2014 г. № 28-П ситуация изменилась. Во-первых, Конституционный Суд РФ в очередной раз подчеркнул, что с учетом положений статей 2, 18, 19 (части 1), 45, 46 (части 1) и 52 Конституции РФ лицо, которому запрещенным уголовным законом деянием причинен физический или материальный вред, но которое не имеет формального уголовно-процессуального статуса потерпевшего, не может быть лишено права на доступ к правосудию и права на судебную защиту.

Во-вторых, Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 273-ФЗ в статье 6.1 УПК РФ была включена часть 3.1, а позже, Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 331-ФЗ – часть 3.3, которые установили критерии оценки разумности срока досудебного производства по уголовному делу. Более того, в ч. 3.3 ст. 6.1 УПК РФ упоминается не только потерпевший, но и лицо, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред.

Допущение волокиты может приводить к нарушению права потерпевшего на доступ к правосудию вследствие прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. Так, Н. З. Г. обратилась в Смоленский областной суд с заявлением о присуждении компенсации в размере 50000 рублей за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок, ссылаясь на длительность досудебного и судебного производства по уголовному делу, по которому дело прекращено в отношении Н в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. При этом Н. З. Г. указала, что только спустя 1 год и 9 месяцев с момента совершения преступления было возбуждено уголовное дело в отношении Н. Общая продолжительность времени от начала уголовного преследования до принятия постановления о прекращении уголовного дела составила 2 года 1,5 месяца. В результате длительного рассмотрения дела превышен двухлетний срок давности привлечения к ответственности за совершение указанных преступлений. Задержка рассмотрения дела произошла уже на стадии принятия заявления Н. З. Г. к производству мирового судьи и возбуждении уголовного дела, поскольку апелляционным постановлением Промышленного районного суда г. Смоленска отменено как незаконное постановление мирового судьи об отказе в принятии к производству заявления Н. З. Г. о привлечении к уголовной ответственности Н. В результате этого задержка рассмотрения дела составила 1 месяц 19 дней. Кроме того, мировым судьей по ходатайству защитника назначена амбулаторная экспертиза, однако материалы уголовного дела для проведения экспертизы были направлены только спустя 21 день с момента назначения экспертизы, что является также неоправданной задержкой. Мировой судья был вынужден дважды назначать судебную экспертизу, поручая ее проведение разным экспертным учреждениям ввиду невозможности исполнения первоначальной экспертизы по причине нахождения подсудимой на лечении. Данное обстоятельство также свидетельствует о неэффективности действий судьи, поскольку при назначении экспертизы по ходатайству подсудимой и ее защитника у судьи имелась возможность установить обстоятельства, связанные с лечением Н, правильно определить экспертное учреждение и избежать задержки в назначении экспертизы, которая составила 3 месяца и 12 дней.

Также судом установлено, что в нарушение положений ч. 2 ст. 150 УПК РФ мировым судьей уголовное дело было ошибочно направлено в СО по г. Смоленску СУ СК России по Смоленской области для принятия ре-

шения в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, вместо направления дела в отдел дознания ОП УМВД России по г. Смоленску, что привело к затягиванию рассмотрения дела на 1 месяц 6 дней. В нарушение требований ч. 1 ст. 31 УПК РФ прокурор Промышленного района г. Смоленска ошибочно направил данное уголовное дело в Промышленный районный суд г. Смоленска для рассмотрения, а суд в отсутствие законных на то оснований принял его к своему производству. Однако в судебном заседании районным судом вынесено постановление о направлении дела по подсудности мировому судье. Изложенные действия прокурора и суда привели к затягиванию рассмотрения дела не менее чем на 1 месяц 19 дней. Требования Н. З. Г. о выплате компенсации были удовлетворены частично [6].

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» разъяснил, что, исходя из взаимосвязанных положений ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ, ч. 1 ст. 1, ч. 6 ст. 3 Федерального закона № 68, при наличии данных о своевременном обращении с заявлением, сообщением о преступлении потерпевшего или иного заинтересованного лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, данный Закон также распространяется на случаи длительности судопроизводства при принятии решений: 1) об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, если позиция органов дознания, следствия, прокуратуры относительно наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела неоднократно менялась и (или) если впоследствии установлено, что отказ в возбуждении уголовного дела в период до истечения сроков давности уголовного преследования был незаконным; 2) о прекращении производства по уголовному делу в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Таким образом, в последние годы произошли положительные перемены в части регламентации порядка определения разумного срока уголовного судопроизводства и выплаты компенсации в случае его нарушения жертвам преступлений. Однако при оценке разумности срока в соответствии с ч. 3.3 ст. 6.1 УПК РФ, помимо прочих обстоятельств, должно учитываться своевременность обращения лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, с заявлением о преступлении, а также поведение потерпевшего (включая факты злоупотребления процессуальными правами).

1. См., например: По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разум-

ный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. Е. Поповой: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 25 июня 2013 г. № 14-П; По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. В. Курочкина, А. Б. Михайлова и А. С. Русинова: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 11 ноября 2014 г. № 28-П; О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 декабря 2007 г. № 52: в ред. от 9 февраля 2012 г.; О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 и др.

2. Данные судебной статистики за 2015, 2016 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 30 апреля 2017 г.).

3. Дикарев И. С., Гордеев П. С. Разумность процессуальных сроков – принцип уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2012. № 1 (16). С. 115–117.

4. Аширбекова М. Т., Некенова С. Б. Разумный срок уголовного судопроизводства как правовое понятие // Администратор суда. 2014. № 1. С. 27–31.

5. Калиновский К. Б. Компенсация потерпевшему нарушения его права на разумный срок досудебного уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики: материалы 2-й международной научно-практической конференции (Москва, 11-12 апреля 2012 г.): посвящается Н. В. Радутной. М.: ИД «Юриспруденция», 2012. URL: <http://www.iuaj.net/node/2028> (дата обращения: 30 апреля 2017 г.).

6. Апелляционное определение Смоленского областного суда [Электронный ресурс]: от 23 июня 2015 г. по делу № 33-2298/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: потерпевший, разумный срок уголовного судопроизводства, доступ к правосудию.

УДК 343.1

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КОНЦА XIX ВЕКА

Новикова Екатерина Анатольевна,

*кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса,
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71*

Чаплыгина Виктория Николаевна,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

В статье уделено внимание рассмотрению генезису такого уголовно-процессуального института, как «предварительное следствие». За основу был взят временной промежуток конца XIX века, как «золотой» эпохи развития органов предварительного расследования.

Сегодня, как никогда, обращение к историческому опыту несет в себе огромные политические и нравственные импульсы. Чтобы не повторять былых ошибок, их надо знать. Но при этом надо не разрушать свое прошлое, а восстанавливать его во всей полноте и диалектической сложности.

Исторический опыт свидетельствует, что коренные изменения социально-политического устройства, как правило, влекут за собой реформирование судебно-правовой системы, а в частности следственного аппарата России.

Вся история российского предварительного следствия представляет собой борьбу сторонников и противников идей, положенных в свое время в основу судебной реформы второй половины XIX столетия, которая преследовала цель создать сильную и независимую судебную власть. На стадии предварительного досудебного производства эта идея тогда воплотилась в судебном следователе, который являлся представителем судебной власти и должен был быть независим от власти административной [1].

Во второй половине XIX века произошла реорганизация следствия на новых для России началах. Первые шаги в этом направлении были предприняты раньше других коренных преобразований в стране. Правительству Александра II было ясно, что после освобождения крестьян от крепостной зависимости обязанности полиции по охране порядка значительно расширились. Такая задача стала бы не под силу полицейскому аппарату итак перегруженному несвойственными ему функциями. Свою прямую функцию полиция могла бы выполнить при условии, что освободиться от производства предварительного следствия в полном объеме.

Так созрела идея о создании в России самостоятельной следственной части. Таким образом, 8 июня 1860 г. Александр II издал письменный указ Правительствующему Сенату об отделении от полиции производства следствий по преступлениям и проступкам, «подлежащим рассмотрению судебных мест» [2]. К указу прилагались 3 законодательных акта: «Учреждение судебных следователей»; «Наказ судебным следователям»; «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок».

Согласно перечисленным нормативным актам предварительное расследование подразделялось на две стадии. Первая стадия получила наименование дознания и включала установление самого факта преступления, закрепление улик, розыск преступника. Осуществление дознания возложили на полицию. Во вторую стадию – предварительное следствие – вошли сбор и оценка доказательств по делу, предварительное установление виновности лица [3].

Указом предписывалось «отделить следственную часть от полиции в 44 губерниях и назначить в сих губерниях особых, подведомственных министерству юстиции чиновников..., наименовав их судебными следователями» [4]. За полицией оставалось право расследования по маловажным преступлениям и проступкам, «которые предоставлялись разбору и суждению самих полицейских властей, а также первоначальное дознание в происшествиях, кои могут по связи с преступлением более важным подлежать рассмотрению судебных мест». Один из видных профессоров полицейского права того времени И. Е. Андреевский так оценивал этот Указ: «Изданное 8 июня 1860 года Учреждение судебных следователей явилось началом реформ полицейского управления» [5].

В «Учреждении судебных следователей» проявились: с одной стороны, наличие целого ряда провозглашенных гарантий независимости следователя от административной власти, а с другой, – неброские вкрапления в законодательную материю таких прав полиции и губернатора, которые в необходимых случаях могли нейтрализовать эту независимость. Согласно «Учреждению судебных следователей» для расследования уголовных дел, разрешаемых судами, в уездах и городах учреждались судебные следователи, что подчеркивало принадлежность их к судебному ведомству. Их назначали, как правило, из лиц, имеющих высшее или среднее образование, обладавших навыком в расследовании дел, отличающихся добросовестностью (ст. 3). Вводился также институт кандидатов в судебные следователи, которые являлись членами уездного суда и назначались на должность министром юстиции по представлению начальника губернии (ст. 2). Не загруженный расследованием дел следователь «участвовал в делах уездного суда наравне с прочими членами онога», однако ему запрещалось участвовать в рассмотрении тех дел, которые он расследовал.

Данным нормативным актом подробно регламентировалась компетенция судебного следователя. В соответствии со ст. 9 «Учреждения» «по преступлениям и проступкам, подлежащим рассмотрению судебных мест», к обязанности полицейских органов «относятся только первоначальные изыскания и раскрытие тех существенных обстоятельств», которые свидетельствовали о совершении преступления или проступка. К обязанности судебных следователей, говорилось далее в этой статье, относятся все дальнейшие следственные действия, необходимые для того, чтобы «изыскать, получить и сохранить все те сведения и доказательства, которые нужны суду для произнесения правильного приговора о преступлении или проступке и о лицах, обвиняемых в совершении преступления или проступка, подлежащего ведению судебных мест».

Закреплялись и основания «к производству следствия». Это были: письменные требования судебных мест, губернского прокурора, городской и земской полиции, исправника и станowych приставов уезда, в котором служит следователь. Следователь самостоятельно возбуждал дело в случае явки с повинной по заявлению лиц «или же когда преступление или проступок усмотрены им во время их совершения или обнаружены при производстве следствия по какому-либо другому преступлению или проступку» (ст. 11). Четкий перечень оснований возбуждения уголовного дела был своеобразной превентивной мерой от возможных злоупотреблений следствия. С этой же целью (и для обеспечения гарантий прав обвиняемого) сохранился институт депутатов от сословий на предварительном следствии.

Должность судебного следователя имела самостоятельный характер. Одной из гарантий этой самостоятельности служило положение о том, что «право делать судебным следователям указы и предписания, проверять их действия, назначать преследования, останавливать производство следствия, определять передачу дел от одного судебного следователя другому», прекращать производство дела, направлять расследование вверялось только суду, в котором разрешалось дело (ст. 24, 18). Жалобы на действия следователя рассматривал суд, при котором он числился. Гарантией независимости следователя являлось то, что от должности он мог «быть удален не иначе, как с преданием суду». Взыскания по службе кроме удаления от должности налагались на него «судами второй степени» (ст. 28). Ограничивалось и вмешательство в дела следствия со стороны суда, прокурора и стряпчих, которые вправе были требовать «от судебного следователя письменные сведения о положении производимого им следствия только в случае жалобы на неправильное задержание лица (ст. 25)» [6].

Выше перечисленные положения закона олицетворяют стремления разработчиков придать должности судебного следователя относительно самостоятельный и процессуально независимый от судебной власти характер.

Однако реформа не была последовательна в стремлении создать независимое положение судебному следователю. Так, следователи находились в зависимости от губернаторов, которые их назначали, перемещали, увольняли, распределяли по участкам. Начальники губерний давали судебным следователям предписания, получая от них рапорты. Таким образом, в организационном плане провозглашенные судебный характер, независимость от административной власти и самостоятельность следователя законодательно были в значительной степени ограничены. Порядок действия судебного следователя при расследовании преступлений определялся «Наказом судебным следователям». Процессуальный порядок производства следствия, устанавливавшийся Наказом, в своей принципиальной основе оставался прежним, т. к. данный закон был призван адаптировать новоучрежденных чиновников в неизменявшемся уголовно-процессуальном порядке.

Вместе с тем, разработчикам Наказа удалось реализовать некоторые идеи, призванные сгладить наиболее очевидные пережитки и противоречия старого законодательства. Была предпринята попытка точной и более логичной регламентации производства следственных действий и принимаемых следователем решений. Впервые следователь обязывался выносить мотивированные постановления по наиболее значимым процессуальным решениям. Причем, закон предусматривал вручение копий таких постановлений обвиняемому. Каждое следственное действие должно было быть протоколировано, т. к. протокол, составленный следователем без нарушения процессуальных норм, признавался законом достоверным судебным доказательством.

В отличие от прежнего законодательства, Наказом предусматривались две формы вызова свидетелей и подозреваемых для участия в производстве следственных действий: «призыв», который осуществлялся через милицию или местное сельское начальство путем вручения под расписку вызываемого повестки и «взятие и представление к следствию», которое приобретало меру процессуального принуждения в случае неявки без уважительной причины вызываемого. Оно должно было осуществляться на основании мотивированного постановления судебного следователя.

В Наказе прослеживались и попытки реформаторов улучшить положение обвиняемого на предварительном следствии. Предписывалось избегать «напрасного стеснения» и ограничиваться самыми необходимыми мерами (ст. 85). В случае задержания лица следователь был обязан в тот же день или не позднее следующего дня сообщить об этом судебному месту. Суд вправе отменить или изменить меру пресечения. В итоге, новый процессуальный порядок, оставаясь непоколебимым в своей основе, получил целый ряд новшеств, придававших ему более цивилизованное прочтение.

В «Наказе полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления или проступок» устанавливались

обязанности полиции при расследовании преступлений и проступков, подлежащих рассмотрению судебных мест.

Они ограничивались «собранием сведений, необходимых для удостоверения о том, что происшествие действительно было и что оно соединено с преступлением или проступком» (ст. 3). «Наказ» содержал перечень оснований для начала дознания, в чем можно усмотреть стремление ограничить произвол полиции. В ст. 15 «Наказа» регулировались основания для задержания подозреваемого полицией. К ним относились: задержание преступника на месте преступления; в случае очевидности преступления; если на подозреваемом найдены следы преступления; когда очевидцы преступления прямо укажут на лицо, совершившее преступление; если подозреваемый пытается скрыться. Этот перечень был исчерпывающим.

Таким образом, реформа предварительного расследования была безусловным шагом вперед по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Она была с энтузиазмом воспринята общественным мнением. В. Спасович констатировал в журнале «Век»: «В основании «Учреждения судебных следователей» лежит мысль глубокая, теоретическая, испробованная опытом и признанная за одну из коренных основ полицейского устройства западноевропейских государств, – мысль о необходимости отделения суда от администрации. «Учреждение судебных следователей» представляет шаг вперед в направлении к отделению администрации от суда..., оно изымает из полиции и вручает судам производство следствий» [7]. «Московские ведомости» (1860, 11 окт.) пророчили новому институту следствия «блестящую будущность».

Передача следствия в судебное ведомство, привлечение новых кадров на следственную работу принесла положительные результаты. Однако реорганизация все же не оправдала тех надежд, которые на нее возлагались. Построенный на новых, свойственных буржуазному правосудию принципах следственный аппарат, как выразился ведущий юрист того времени Б. Бразоль: «врезался клином в существующую систему юстиции, диссонируя ей» [8].

Спустя 10 лет после начала реформы А. А. Головачев также дал ей жесткую оценку: «...можно положительно сказать, что учреждение судебных следователей не принесло ровно никакой пользы. Это было не учреждение новых судебных должностей, а просто увеличение числа станových приставов, специально предназначенных для производства следствий. Так, по крайней мере, выходило на практике, не смотря на то, что определение их зависело от министра юстиции» [9].

К судебным следователям неприязненно относились судьи, полиция, прокуроры. Административная власть нередко вмешивалась в их дела. Тульский губернский прокурор, например, писал в рапорте министру юстиции: «Губернатор принимает жалобы на действия судебных следователей и, не передавая эти жалобы на рассмотрение судебных мест, требует

объяснения от следователей... Один из судебных следователей заявил прокурору, что почти по каждому делу он обязан давать объяснения губернатору, отчего проходит много времени на соби́рание сведений по жалобе, влекущей большей частью только затяжку дела» [10]. Губернаторы были заинтересованы в том, чтобы не обновлять следственный корпус, а формировать его из беспринципных слуг, податливых административному давлению. Как отмечала комиссия, учрежденная для рассмотрения отчета министерства юстиции за 1860 г., «... на дело в выборе судебных следователей губернское начальство смотрит слишком снисходительно... Последствием сего был... достаточно плохой выбор вообще всех допущенных к должности судебных следователей» [11].

Полиция, старый аппарат юстиции (прежде всего судьи) усматривали в судебных следователях узурпаторов собственных прав. Подчиненность судебных следователей «судам первой степени при нынешней несовершенной организации этих сословных учреждений, — писал калужский губернатор В. А. Арцимович, — естественно, ставит их в неприязненное положение к членам судов, тем более что они сами — члены суда. Подобное отношение ведет к тому, что судьи не столько стараются помочь судебным следователям, сколько затрудняют их, замечая недостатки в производимых ими следствиях, нередко мелочные, не относящиеся к существу дела» [12].

Вполне понятно, что в таких условиях реформа следственного аппарата не могла достигнуть тех целей, которые ставили ее создатели. Неудачи реформы следственного аппарата наглядно свидетельствовали о невозможности радикального изменения отдельного звена аппарата юстиции. Нужно было реформировать механизм судоустройства и судопроизводства в целом. Только в этом случае можно было ожидать весомых результатов от реорганизации предварительного расследования. Дальнейшее реформирование следственного аппарата произошло в 1864 г. и дало значительные результаты, на некоторые из которых мы ссылаемся и по сей день.

1. Васильев О. Л. Модель построения предварительного расследования по УПК 1922 г. как возможный ориентир реформы современного предварительного следствия // Следователь. 1999. № 1. С. 6.

2. Учреждение судебных следователей // Полное Собрание законов Российской империи. Т. 35. Разд. 2. СПб., 1864. С. 711–715.

3. Перфильев В. В. Следствие в пореформенной России // Следователь. 1995. № 1. С. 27.

4. Учреждение судебных следователей // Полное Собрание законов Российской империи. Т. 35. Разд. 2. СПб., 1864. С. 718.

5. Андреевский И. Е. Полицейское право. СПб., 1871. Т. 1. С. 260.

6. Коротких М. Г., Сорокина Ю. В. Реформа следственного аппарата в 1860–1864 гг. // Советское государство и право. 1991. № 7. С. 126.

7. Спасович В. Обзор перемен в законодательстве уголовном, начиная с нового Свода законов // Век. 1861. № 5. С. 11.

8. Бразоль В. Следственная часть. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за 50 лет. Т. 2. Пг. С. 68.

9. Головачев А. А. Десять лет реформе 1861–1867. СПб., 1872. С. 180.

10. ЦГИА СССР. Ф. 1405. Оп. 63, 1863. Д. 461. Л. 1–2.

11. ЦГИА СССР. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 24. Л. 14.

12. ЦГИА СССР. Ф. 1405. Оп. 60, 1862. Д. 4417. Л. 134.

Ключевые слова: судебный следователь, «Учреждение судебных следователей»; «Наказ судебным следователям»; «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления или проступок», кандидат в судебные следователи.

УДК 343.1

ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ, ВЫДЕЛЕННЫХ НА РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Паришин Дмитрий Викторович,
адъюнкт,

Восточно-Сибирский институт МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110

В статье с криминалистической точки зрения рассматриваются виды и характеризуются квалификационные признаки преступлений, совершаемых при хищении бюджетных средств, выделенных на приоритетные направления развития агропромышленного комплекса.

Рассматривая с криминалистической позиции преступления, связанные с хищением бюджетных средств, направленных на развитие агропромышленного комплекса, в первую очередь нужно рассмотреть значение такого понятия как «хищение». Согласно словарю С. И. Ожегова хищение – это «воровство, преступное присвоение имущества (преимущественно государственного, общественного)» [1].

Юридическое значение понятия «хищения» представляется как вид преступлений против собственности, имеющих ряд общих объективных и субъективных признаков, объединяющих определенную группу имущественных посягательств, определяясь как «совершенное с корыстной целью, противоправное, безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого

имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества» [2].

Первым опытом законодательного определения хищения стал Федеральный закон 1994 г., дополнивший ст. 144 УК РСФСР примечанием, определяющим его понятие.

Формулировку хищения можно увидеть в примечании 1 к ст. 158 Уголовного кодекса РФ. Так, признаками хищения являются: предмет посягательства – чужое имущество; изъятие и обращение этого имущества в пользу виновного или других лиц; противоправность и безвозмездность изъятия; причинение ущерба потерпевшей стороне; корыстная цель.

Рассматривая преступления, совершаемые в бюджетной сфере, необходимо отметить, что их объединяет и характеризует факт лидерства хищения денежных средств, выделенных на различные государственные программы. Подобные преступления имеют свои отличительные признаки, одним из которых представляется крупный и особо крупный размер хищений. Ущерб может достигать миллиардных сумм, выделенных на развитие федеральных и региональных программ в области сельского хозяйства. В большинстве таких случаев преступники используют свое служебное положение и доступ к административным ресурсам. В своей научной работе А. В. Варданян и О. В. Айвазова, на основе проведенного анализа, обосновывают потребность формирования новой комплексной методики расследования экономических преступлений в сфере служебной деятельности как частной криминалистической методики расследования преступлений высокой степени общности [3].

Общественная опасность мошенничества в сфере выделения государственных денежных средств представляется в посягательстве на бюджет страны, обеспечивающий стабильное функционирование агропромышленного комплекса.

Исследуя методику раскрытия и расследования хищений рассматриваемого вида, необходимо изучить некоторые составы, свойственные этому виду преступлений, так как в каждом конкретном случае квалификация зависит от обстоятельств произошедшего события. Так, рассматриваемые виды преступлений предусмотрены статьями 159 и 160 УК РФ.

Определение терминов «растрата» и «присвоение» можно увидеть в ст. 160 УК РФ, согласно которой присвоением считается хищение имущества, которое было вверено виновному. При этом преступник незаконно становится владельцем собственности или имущества и получает право распоряжаться данной собственностью или имуществом. Растратой же считается хищение данного вверенного преступнику имущества в его пользу за счёт расходования, потребления или иного способа использования путём отчуждения [4].

В своей работе К. А. Скорниченко указывает на особенности методики расследования экономических преступлений на примере ст. 160 УК

РФ, представляя анализ структуры и элементов состава преступлений данного вида, приводя рекомендуемый пример схемы расследования [5].

Решающим фактором при квалификации данного преступления будет являться размер хищения. Сегодня рассматриваемое преступление квалифицируется третьей и четвертой частями ст. 160 УК РФ, так как, рассматривая вопросы хищения бюджетных средств, выделенных на развитие агропромышленного комплекса, мы видим, что в Уголовном кодексе РФ отсутствует статья, предусматривающая данный, конкретный вид преступления.

Наиболее близким к данному деянию составом является мошенничество, предусмотренное ст. 159 УК РФ, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [6]. Отличие от ст. 160 УК РФ в данном случае представляется в присутствии злоупотребления доверием потерпевшей стороны. Чаще всего доверительные отношения к преступнику при совершении такого хищения возникают за счёт должности виновного, его служебного положения.

В таких случаях хищение бюджетных средств типично регламентируется как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, организованной группой, либо с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, в крупном или особо крупном размере (ч. 3–7 ст. 159 УК РФ).

Соответственно, при выявлении растраты и присвоения на квалификацию преступления будет влиять размер хищения.

При совершении мошеннических действий рассматриваемого вида одним из решающих факторов возбуждения уголовного дела является использование служебного положения, а одним из основных отличий в составах преступлений представляются юридически закрепленные отношения между сторонами при совершении преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, и правовые отношения, основанные на доверии к субъекту преступления при применении ст. 159 УК РФ.

Хищения бюджетных средств, выделенных на приоритетные направления развития агропромышленного комплекса, имеют ряд отличий от «основного» состава мошенничества, представляясь специальной сферой совершения преступления. Так, особым субъектом в данном случае могут являться должностные лица, занимающиеся выделением денежных средств на развитие агропромышленного комплекса страны; лица, осуществляющие контроль за исполнением данной программы; руководители юридических лиц, получающие бюджетные средства на развитие сельского хозяйства; фермеры. Мы согласны с разработкой перечня типичных следственных ситуаций, присущих первоначальному этапу расследования злоупотреблений полномочиями в коммерческих и иных организациях, о которых рассказывает в своей статье А. В. Варданян [7].

Рассматривая вопросы классификации хищения бюджетных средств, выделенных на развитие сельского хозяйства, необходимо обратить внимание на такие криминалистически значимые элементы в характеристике мошенничества, как способ подготовки, совершения и сокрытия преступного деяния.

На первоначальном этапе расследования хищения бюджетных средств, выделенных на развитие сельского хозяйства, можно выделить некоторые типичные ситуации, такие, как невыполнение обязательств по договорам после получения денежных средств; выявление факта хищения непосредственно при выделении бюджетных средств либо при проведении оперативно розыскных мероприятий правоохранительными органами (или расследовании других преступлений); при проведении различных аудиторских проверок; изучении информации, поступающей из средств массовой информации.

В ходе предварительной проверки материалов необходимо определить направление расследования, комплекс необходимых для проведения неотложных и первоначальных следственных и иных процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Эти компоненты расследования складываются с учетом сложившейся следственной ситуации, а также объема и содержания поступившей исходной криминалистически значимой информации.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что большинство случаев хищения денежных средств совершаются группой лиц. В таких группах происходит распределение ролей, которое зависит от криминальной деятельности каждого из участников. Типично в числе таких лиц присутствуют специалисты в области экономики и бухгалтерии, лица, разбирающиеся в вопросах сельского хозяйства, обладающие юридическими знаниями.

Рассматривая преступную деятельность членов организованной группы, необходимо отметить, что их действия могут образовывать составы преступлений, регламентированные иными статьями Уголовного кодекса РФ, такими, как получение и дача взятки (ст. 290, 291 УК РФ), использование служебного положения (ст. 201, 285 УК РФ), подделка документов (ст. 327 УК РФ), незаконное образование юридического лица (ст. 173.1 УК РФ), легализация денежных средств добытых преступным путем (ст. 174 УК РФ).

Преступления, совершенные группой лиц, в крупном и особо крупном размере, являются тяжкими, и представляются сотрудниками правоохранительных органов как наиболее следообразующее событие. Так, следы хищений остаются в финансовых документах, на электронных носителях и на различных предметах, связанных с производством сельскохозяйственной продукции.

Хищения бюджетных средств, направленных на развитие АПК, являются сложными и хорошо организованными преступлениями, субъекта-

ми которых являются, лица, имеющие высшее образование в сфере своей деятельности. Статистические данные показывают рост числа зарегистрированных преступлений в области финансирования сельского хозяйства. В этой связи, следует согласиться с О. П. Грибуновым, что требуется дальнейшее, всестороннее изучение данного вида преступной деятельности и совершенствование методики расследования хищений бюджетных средств, выделенных на приоритетные направления развития сельского хозяйства [8; 9].

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук. Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 1245 с.

2. URL: https://http://www.bravica.ws/ru/legal/word_29774.htm (дата обращения: 2 июня 2017 г.).

3. Варданян А. В., Айвазова О. В. Должностные преступления в сфере экономики как объект криминалистического научного анализа // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 72–77.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: с послед. изм. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 160.

5. Скорниченко К. А. Особенности методики расследования экономических преступлений на примере состава присвоения или растраты (ст. 160 Уголовного кодекса РФ) // Вестник СевКавГТИ. 2016. № 2 (25). С. 127–132.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: с послед. изм. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 159.

7. Варданян А. В. Учение о следственной ситуации как теоретико-методологический ориентир для совершенствования организации расследования злоупотреблений полномочиями в коммерческих и иных организациях // Юрист-Правоведъ. 2013. № 2 (57). С. 28–31.

8. Грибунов О. П., Новиков М. В. Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации национальных проектов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2009. № 3 (50). С. 7–13.

9. Грибунов О. П., Ишигеев В. С. Характеристика личности преступника, совершающего кражи на объектах транспорта // Всероссийский криминологический журнал. 2015. Т. 9. № 2. С. 248–256.

Ключевые слова: хищение бюджетных средств, преступление, присвоение, растрата, мошенничество, агропромышленный комплекс.

УДК 343.2

РЕЗОЛЮТИВНЫЕ ОШИБКИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРИ ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ С ОБВИНИТЕЛЬНЫМ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ

Пушкарев Виктор Викторович,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры предварительного расследования,

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,

117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Осуществление уголовного преследования представляет собой сложный процессуальный механизм, резолютивно отражающийся в итоговом процессуальном документе при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением. Ошибки, допущенные при его осуществлении, в том числе на этапе окончания предварительного следствия влекут принятие процессуальных решений, оказывающих свое воздействие на всю систему судопроизводства. Анализ таких нарушений может быть положен в основу новой редакции соответствующих норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целях совершенствования механизма правового регулирования уголовно-процессуальных отношений, возникающих при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением.

Принцип состязательности устанавливает такой правовой режим и характер правоотношений сторон уголовного процесса, который позволяет правильно оценить всю собранную совокупность доказательств по делу для фиксации предмета доказывания и сформулировать вывод об окончании процесса доказывания по делу, влекущий необходимость осуществления ряда процессуальных действий, направленных на систематизацию материалов уголовного дела, ознакомление с ними участников, разрешение их ходатайств, составление обвинительного заключения и направления уголовного дела прокурору, утверждения обвинительного заключения прокурором и направления уголовного дела в суд, позволяющий, в конечном итоге, вынести законное итоговое решение в процессе судебного разбирательства [1, с. 21–25; 2, с. 80]. Сказанное подчеркивает необходимость реализации комплекса мер, направленных на глубокое проникновение принципа состязательности в уголовно-процессуальные отношения, складывающиеся между участниками уголовного судопроизводства при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением, по двум направлениям:

1) обеспечение прав, гарантированных ст. 15 УПК РФ в досудебном производстве;

2) изменение действующей редакции ряда норм уголовно-процессуального законодательства, направленное на его совершенствование.

Для характеристики первого направления был проведен анализ судебно-следственной практики, который показал, что наиболее часто принцип равенства средств нарушается на этапе окончания предварительного следствия с обвинительным заключением. Выявленное количество нарушений позволило выделить и типологизировать их сущностные признаки. При этом, приводимые в качестве иллюстраций примеры, естественно, не являются исчерпывающими¹.

1. Следователь не ознакомил участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела.

Так, в протоколе ознакомления обвиняемого Н. и защитника с материалами уголовного дела № 291280 следователем было указано неверное количество листов, с которыми они знакомились. При ознакомлении им не была предъявлена видеозапись, имеющаяся при деле.

По уголовному делу № 330831 следователь в протоколе ознакомления с материалами уголовного дела исправил запись о количестве листов уголовного дела.

По уголовному делу № 94673 следователь не ознакомил обвиняемых с заключениями судебно-психиатрических экспертиз.

По уголовному делу № 330703 следователь не ознакомил потерпевшего Б. с постановлением о назначении и с заключением судебно-медицинской экспертизы.

По уголовному делу № 96979, следователь в протоколе ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела не указал время и дату выполнения данного следственного действия.

Также исправления в протоколе времени выполнения требований ст. 217 УПК РФ, допущенные следователем, не заверенные в установленном законом порядке, стали причиной возвращения уголовного дела № 66299 в следственный орган.

По уголовному делу № 96069 по обвинению Ф. и Н. в совершении квалифицированной кражи следователь предъявил обвиняемым для ознакомления материалы уголовного дела, содержащие разное количество листов: Н. – на 168 листах, Ф. – на 171.

По уголовному делу № 124896 по обвинению С. потерпевшие не были уведомлены об окончании предварительного следствия. Кроме того, им не были предоставлены для ознакомления материалы дела.

2. Следователь не разрешил заявленное ходатайство.

¹ В основу эмпирической базы исследования были положены процессуальные документы о возвращении уголовных дел прокурорами и судами в порядке ст. 237 УПК РФ для дополнительного расследования в следственные подразделения ГУ МВД России по г. Москве и ГУ МВД России по Московской области за период с 2005 по 2015 гг., в том числе обобщенные в соответствующих аналитических справках.

Так, по уголовному делу № 186553 следователем было не в полном объеме рассмотрено заявленное обвиняемым и защитником ходатайство.

По уголовному делу № 14407 по обвинению Ж. и М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ, следователь удовлетворил заявленное обвиняемым ходатайство на узбекском языке без его перевода на русский язык.

3. Обвинительное заключение не приведено в соответствие с материалами уголовного дела.

Так, уголовное дело № 182224 по обвинению Г. в совершении хулиганства было возвращено прокурором, поскольку в обвинительном заключении в качестве доказательств приведены не соответствующие протоколу допроса показания обвиняемого.

4. Следователями не приводятся доказательства в обвинительном заключении.

Так, по уголовному делу № 130356 в обвинительном заключении не приведены показания подозреваемого Б., как доказательства стороны защиты.

По другому уголовному делу № 132513 следователем, в нарушение п. 5 ч. 1 ст. 220 УПК РФ в обвинительном заключении не указан перечень доказательств подтверждающих обвинение.

5. В постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительных заключениях следователи, в нарушение требований закона, не указывали пункт, часть статьи УК РФ, предусматривающие ответственность за преступление, дату совершения преступления, квалифицирующие признаки преступлений, допускали отступления от диспозиции статьи, излагая ее в неполной или произвольной форме, несоответствие описательной и резолютивной части постановления и т. д.

Так, по уголовному делу № 311555 следователь в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого С. по ч. 2 ст. 162 УК РФ и в обвинительном заключении не указал обязательный признак объективной стороны данного преступления – применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

В другом случае причиной возвращения уголовного дела № 302387 для производства дополнительного расследования явилось то, что формулировка предъявленного Ш., Р. и М. обвинения по ст. 213 ч. 2 УК РФ, изложенная в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого, и обвинительном заключении, противоречит диспозиции статьи обвинения. Так, несмотря на то, что диспозиция указанной нормы права предусматривает беспричинность, а так же направленность умысла на нарушение общественного порядка, из сформулированного следователем обвинения следует, что обвиняемые заранее вступили в предварительный сговор, распределили роли, напали и избили потерпевших, что говорит о направленности умысла на причинение телесных повреждений. Кроме того, указанный

следователем в обвинении квалифицирующий признак «совершение хулиганства преступной группой» отсутствует в диспозиции ст. 213 УК РФ.

6. Следователями было допущено несоответствие формулировки предъявленного обвинения, изложенного в обвинительном заключении, обвинению в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

Так, например, по уголовному делу № 324548 следователь предъявил М. обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, а в обвинительном заключении указал ст. 159 ч. 1 УК РФ.

7. В обвинительном заключении были искажены анкетные данные обвиняемых, не указали сведения о непогашенных судимостях, место жительства обвиняемых, наличие смягчающих и отягчающих вину обстоятельств, листы уголовного дела.

Так, по уголовному делу № 17433 по обвинению гражданина Украины Л. в совершении угона личность обвиняемого была удостоверена только копией справки формы № 1 на украинском языке (без перевода на русский).

Следователем по уголовному делу № 182548 в обвинительном заключении не были указаны обстоятельства, отягчающие наказание, а также не были выполнены в полном объеме указания прокурора, изложенные в ранее направленном постановлении о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования.

По уголовному делу № 110245 следователь не указал в обвинительном заключении, что судимость обвиняемого снята и погашена в установленном законом порядке и все правовые последствия, связанные с судимостью, аннулированы; в перечне доказательств привел краткое изложение показаний участников уголовного процесса, не отражающих обстоятельств совершенного преступления; в справке к обвинительному заключению перечислил не всех свидетелей, подлежащих вызову в суд; в справке к обвинительному заключению указал неверные: дату предъявления обвинения в окончательной редакции, листы дела, ссылку о местонахождении вещественных доказательств.

8. Обвинительное заключение не было переведено на родной язык обвиняемого.

В соответствии с решениями Европейского Суда по правам человека, компетентные органы и должностные лица обязаны не только назначать переводчика, но и контролировать качество перевода (Камасински против Австрии (*Kamasinski v. Austria*), пункт 74; Херми против Италии [БП] (*Hermi v. Italy [GC]*), пункт 70; Протопапа против Турции (*Protopapa v. Turkey*), пункт 80). Данные решения способны вызвать недоумение у большей части профессиональной аудитории в плане реализации этого обязывающего предписания. Однако есть положительный пример из практики, когда по уголовному делу № 136905 заместителем Подольского городского прокурора Московской области было установлено, что в тексте

переведенного на таджикский язык обвинительного заключения, подлежащего обязательному вручению обвиняемому, присутствовали слова на английском языке, что было обосновано признано прокурором недопустимым, поскольку вызывало сомнения в правильности перевода, в связи с чем уголовное дело было возвращено для производства дополнительного расследования.

9. Обвинительное заключение не было вручено.

Уголовное дело № 164493 было возвращено в следственный орган в связи с отсутствием перевода обвинительного заключения на родной язык обвиняемого.

Судей районного суда было возвращено прокурору уголовное дело № 164860 ввиду нарушений, препятствующих суду в постановлении приговора. Обвиняемый в совершении вымогательства и покушения на кражу П. в ходе предварительного слушания заявил, что следователь вручал ему обвинительное заключение три раза: один раз в ИВС и дважды – в следственном изоляторе. Адвокат обвиняемого заявила в своем ходатайстве, что в материалах уголовного дела обвинительное заключение утверждено 8 августа заместителем прокурора Б., а обвиняемому вручена копия обвинительного заключения, утвержденная 9 августа 1-м заместителем прокурора В., кроме того, при ее ознакомлении с материалами дела в суде 12 сентября обвинительное заключение еще не было утверждено прокурором. Все три копии обвинительного заключения были представлены суду.

Проведенный анализ правоприменительной деятельности убедительно показывает, что провозглашенный в УПК РФ принцип состязательности сторон, а также гарантируемое им равенство средств, может быть обеспечен следователем только в рамках неукоснительного соблюдения установленного режима законности.

Второе из обозначенных направлений реализации комплекса мер, направленных на обеспечение принципа равенства средств, предоставляемых уголовно-процессуальным законом участникам уголовного судопроизводства при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением, предполагает, как и говорилось ранее, изменение действующей редакции ряда норм УПК РФ.

Во-первых, права обвиняемого относительно его возможности заявлять ходатайства, изложенные в ч. 5 ст. 217 УПК РФ, значительно шире возможностей таких участников стороны обвинения, как потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик, а также их представителей [2]. В целях обеспечения принципа состязательности сторон обвиняемому и потерпевшему должна быть предоставлена равная возможность доведения до сведения суда своей позиции и доводов, которые они считают необходимыми для ее обоснования. В связи с чем, представляется целесообразным дополнить ст. 216 УПК РФ частью третьей, которая бы обязывала следователя разъяснить потерпевшему, гражданскому истцу и граждан-

скому ответчику и их представителям их право ходатайствовать, в ходе ознакомления с материалами уголовного дела, о проведении предварительных слушаний – в случаях, предусмотренных ст. 229 УПК РФ.

Во-вторых, необходимо изменить редакцию ч. 2 ст. 222 УПК РФ и изложить её следующим образом: *«2. Копия обвинительного заключения с приложениями вручается прокурором обвиняемому и потерпевшему. Копия обвинительного заключения вручается также защитнику, если он ходатайствует об этом».*

В-третьих, для реализации принципа состязательности при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением необходимо расширить процессуальные средства стороны защиты в процессе доказывания. При том, что защитник наделен правом собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном ч. 3 ст. 86 УПК РФ, в законе не предусматривается возможность участия защитника в изложении доказательств стороны защиты, формулировке позиции стороны защиты в досудебном уголовном процессе. Таким образом, следователь абсолютно свободен в выборе последовательности, стиля изложения и интерпретации доказательств стороны защиты, излагаемых в обвинительном заключении, включая возможность формулировки оценочных суждений обвинительного свойства.

Сложившаяся ситуация прямо противоречит принципу состязательности сторон. Для её разрешения еще в 2001 году И. Л. Трунов высказал значимое мнение, направленное на реализацию принципа состязательности сторон посредством создания условий равенства сторон в досудебном производстве. Он предложил наделить защитника правом предоставления следователю защитительного заключения после ознакомления с материалами дела [3, с. 332].

А. В. Гриненко отметил рациональное зерно данного предложения, однако справедливо указал на несоответствие названия данного документа общей концепции осуществления защиты, предложив защитнику составлять письменные возражения на обвинительное заключение, где тот «сможет не только привести конкретные доказательства, но и изложить те обстоятельства, которые он считает установленными, а также подвергнуть критике доказательства, представленные стороной обвинения» [3, с. 243].

На основе приведенных позиций была выдвинута авторская гипотеза, подкрепленная впоследствии результатами проведенного среди следователей анкетирования. Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство следователей в целом положительно оценивают возможность изложения в обвинительном заключении доказательств, на которые ссылаются обвиняемый, защитник в редакции документа, предоставляемого стороной защиты после ознакомления с материалами уголовного дела.

Предложенные изменения уголовно-процессуального законодательства призваны не только обеспечить решение фундаментальных задач защи-

ты прав, свобод и интересов личности в контексте справедливости предварительного расследования, но и позволят устранить несоответствие его отдельных норм, регулирующих окончание предварительного следствия с обвинительным заключением, требованиям принципа состязательности.

1. Алимамедов Э. Н. Задачи и сущность этапа окончания предварительного следствия с обвинительным заключением // Рос. судья. 2011. № 10. С. 21–25.

2. Гриненко А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий: учебное пособие. Москва: Проспект, 2017. 1040 с.

3. Гриненко А. В. Доказывание в состязательном уголовном процессе (досудебное производство) // Вестник Московского областного государственного университета. Серия «Юриспруденция». 2011. № 3. С. 241–244.

4. Трунов И. Л. Современные проблемы защиты прав граждан в уголовном процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 391 с.

Ключевые слова: уголовное преследование, окончание предварительного следствия, ознакомление с материалами уголовного дела, обвинительное заключение.

УДК 343.1

ТАКТИКА ДОПРОСА В КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

Ростовцев Александр Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики,
Московский областной филиал

Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
143100, Московская область, Рузский район, поселок Старотеряево

Карнаухова Оксана Геннадьевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры криминалистики,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилотова, д. 1

Статья посвящена тактике допроса в условиях конфликтной ситуации, которая зависит от состава преступления, характеристики личности допрашиваемого, доказательств, имеющих в деле. Анализируются два основных способа предъявления доказательств допрашиваемому. Изу-

чаются вербальные и невербальные признаки дачи заведомо ложных показаний.

Основой любого конфликта является ситуация, когда противоречия людей сталкиваются между собой. В ходе расследования уголовных дел разногласия следователя и допрашиваемого подозреваемого, обвиняемого в большинстве случаев находятся в основе допроса, и, следовательно, данное следственное действие носит конфликтный характер.

Конфликт (лат. *conflictus* – *столкнувшийся*) – наиболее острый способ разрешения противоречий в интересах, целях, взглядах, возникающих в процессе социального взаимодействия, заключающийся в противодействии участников этого взаимодействия и обычно сопровождающийся негативными эмоциями [1].

Успешное проведение допроса в ситуации конфликта в значительной степени определяется психологической подготовленностью следователя к допросу. Любой допрос в условиях конфликтной ситуации характеризуется огромным психическим напряжением его участников, требует от следователя психологическую гибкость, готовность оперативно применять тактические приемы и возможность найти выход из запутанных ситуаций. Для решения этих задач наряду с хорошим владением устной речью применяются невербальные средства коммуникации, специальные психологические приемы воздействия на допрашиваемого, различные способы психологической защиты. Чтобы тактически подготовиться к допросу следователь должен разработать четкий и обоснованный план его проведения с учетом вышеуказанных требований, а также с возможностью быстрой коррекции плана в необходимых случаях. Для этого требуется знание и умение применять разнообразные приемы проведения допроса в разных ситуациях, знание особенности течения психического процесса восприятия, внимания, памяти у разных категорий допрашиваемых (пожилых, детей, инвалидов и т. д.), знание личностных характеристик разных категорий лиц: наркоманов, ранее судимых, психически больных и т. п. [2]

Ученые считают как одну из наиболее сложных тактику допроса в условиях конфликта. Она зависит от состава преступления, характеристики личности допрашиваемого, доказательств, имеющих в деле, а также от того, признает ли себя виновным допрашиваемый в предъявленном ему обвинении или нет. Главное требование – соответствие духу и букве уголовно-процессуального закона.

Рядом авторов выделяется комплекс тактических приемов [3], используемых в условиях конфликтной ситуации: снятие напряжения, беседа, выжидание, пресечение лжи, предъявление доказательств, допущение легенды, внезапность вопроса, повторность допроса, использование «слабых» мест личности (трусливость, вспыльчивость, недостаточность интел-

лекта и т. д.), создание преувеличенного представления об осведомленности следователя.

Если обвиняемый не признает свою вину, то в отношении него применяется один из эффективных тактических приемов допроса, который заключается в детализации его показаний. Этим приемом шаг за шагом прослеживается последовательность действий обвиняемого, проверяется их развитие и логика действий обвиняемого. При таком допросе исключается опасность пропуска обстоятельств, имеющих значение для следствия, введение в заблуждение следователя.

Существенной особенностью показаний обвиняемого является сочетание как сведений о фактах, так и оценочных суждений, в которых отражается мнение обвиняемого относительно находящихся в деле доказательств. Только те сведения, которые кроме их относимости к делу также могут быть объективно проверены путем проведения других следственных действий, в дальнейшем получают процессуальный статус доказательств. В этом аспекте следует отметить, что голословное признание либо отрицание обвиняемым своей вины не относится к доказательствам, ибо не содержит данных о фактах, которые подлежат установлению по делу. Мы разделяем мнение М.С. Строговича, который утверждал, что «доказательством является не факт признания обвиняемым своей вины, а сообщаемые им сведения, свидетельствующие о его причастности к совершению преступления и объективно подтверждаемые в ходе проверки» [4].

Изобличить обвиняемого, не признающего себя виновным, можно только с помощью доказательств. Таким конструктивным направлением является использование доказательств на допросе и очной ставке, разработанного в ряде работ А. Б. Соловьёва [5].

Следственная практика использует два главных способа предъявления доказательств такому обвиняемому: во-первых, предъявление вначале доказательств менее существенных, затем все более значимых; во-вторых, предъявление более веского доказательства на начальной стадии допроса. Наличие комплекса взаимосвязанных доказательств дает возможность предъявлять доказательства в порядке увеличения изобличающей силы. Для лиц, которые не имеют крепкой установки на дачу ложных показаний, целесообразно предъявлять вначале допроса самое веское доказательство, чтобы поколебать их позицию неопровержимостью доказательств. В случае недостаточно успешного одного приема нужно применить другой для введения в действие новых доказательств, при этом не следуя быстро завершить допрос. В случае веских улик их следует предъявлять порознь, детально развивая каждую по отдельности; если они недостаточны сильны, целесообразно их объединить в одно целое.

Как утверждает А. Е. Ямпольский, «знание указанных особенностей формирования показаний, использование их на допросе и применение необходимых тактических приемов для нейтрализации отрицательных фак-

торов обеспечивают, как правило, получение от допрашиваемого полной и объективной информации об известных ему обстоятельствах» [6].

Одним из видов конфликтной ситуации во время допроса является дача заведомо ложных показаний допрашиваемого. Поэтому в ходе допроса в первую очередь необходимо обнаружить признаки лжи. Выявить заведомо ложные показания можно как по вербальным, так и по невербальным признакам.

В процессе наблюдения за допрашиваемым в целях выявления заведомо ложных показаний важно:

1. Обращать внимание на отдельные части тела (руки, ноги, голова) и мимические выражения лица (глаз, бровей, губ) в каждый момент общения, но в то же время фиксировать соотношение всех элементов относительно друг друга и в целом;

2. Сравнивать все признаки элементы внешнего выражения эмоций и мыслей, сопоставлять и противопоставлять их;

3. Подвергать сомнению увиденные признаки, рассматривать их с разных точек зрения на истинность;

4. Исключить однозначную интерпретацию выявленных проявлений лжи;

5. Никогда не делать окончательный вывод о том, лжет человек или нет, только на основании собственной интерпретации поведенческих признаков лжи. Выявленные внешние проявления лживого поведения человека должны служить только предупреждением о том, что требуется обратить особое внимание на этого человека и провести дополнительную проверку предложенной им информации.

Также необходимо анализировать и сравнивать информацию, выдаваемую допрашиваемым в ходе допроса, что является одним из эффективных способов выявления заведомой лжи.

Построение речи в целом и отдельных смысловых фраз у каждого человека индивидуально. Однако определенные признаки речевых оборотов и анализ речи свободного рассказа допрашиваемого могут заставить следователя усомниться в истинности показаний. Основанием для проверки правдивости показаний допрашиваемого являются:

- 1) неконкретность и неопределенность информации, предоставляемой следователю в ходе допроса. Такой вариант показаний обосновывается незнанием конкретной обстановки событий преступления и желанием ответить на поставленные следователем вопросы по существу дела общими фразами, которые могут соответствовать любой ситуации;

- 2) уклонение от ответа на прямой вопрос следователя, переспрашивание вопроса и создание впечатления о неясности вопроса. Такое поведение дает возможность лжецу предоставить себе дополнительное время на обдумывание вопроса и составление новой версии лжи;

3)отсутствие в показаниях подробностей описания событий, явлений, фактов. Во время построения лживой модели показаний человек, неуверенный в своей памяти, побоится включить в свой рассказ мелкие детали и не сочтет нужным сообщать несущественные подробности. В то время как лицо, сообщающее правду на допросе, непроизвольно будет дополнять свой рассказ незначительными уточнениями;

4)неоднократное и настойчивое повторение каких-либо утверждений во время допроса. Одни и те же высказывания повторяются в целях воздействия на допрашивающего;

5)описание одних и тех же фактов на разных этапах допроса с буквальной точностью иногда может свидетельствовать о заученности производимого текста;

6)«проговорки» в показаниях и реакция недовольства на них самого допрашиваемого могут свидетельствовать о непредвиденном высказывании правды и сожалении по этому поводу самим свидетелем (потерпевшим);

7)отсутствие в показаниях слов и словосочетаний, обозначающих выражение эмоций допрашиваемого, проявление в речевых конструкциях позиции стороннего наблюдателя. Присутствие таких выражений, как «так обычно говорят», «так люди думают» и т. п.

Таким образом, тактика допроса в условиях конфликтной ситуации основывается на методах наблюдения и сравнения. Выявление лжи, основанное на методе наблюдения, заключается в фиксации элементов вербальных и невербальных признаков (по совокупности которых определяется проявление лжи), сопоставлении и противопоставлении их друг другу. Метод сравнения используется для выявления заведомо ложных показаний допрашиваемого при изучении и сопоставлении материалов уголовного дела (информации, полученной во время допроса и в ходе проведения следственных и иных действий).

1. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/конфликт> (дата обращения: 24 апреля 2017 г.).

2. Тишков С. А. К вопросу о тактических особенностях допроса // Наука и практика. 2014. № 4 (61). С. 99–102.

3. Питерцев С. К., Степанов А. А. Тактические приемы допроса. СПб., 2004.

4. Строгович М. С. Признание обвиняемым своей вины в качестве судебного доказательства // Советское государство и право. 1984. № 4.

5. Соловьёв А. Б. Использование доказательств при допросе на предварительном следствии. М., 2001.

6. Ямпольский А. Е. Психология допроса подозреваемого: учебное пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1978.

Ключевые слова: допрос, тактический прием, конфликтная ситуация; ложные показания, наблюдение, сравнение.

УДК 343.98

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Самолаева Евгения Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры предварительного расследования,

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,

117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Настоящая статья посвящена проблемам, с которыми сталкивается следователь в ходе расследования незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенных с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Проблемам доказывания незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенных с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») в последнее время уделяется все большее внимание со стороны ученых и практических работников [1, с. 126; 2, с. 36; 4, с. 32; 5, с. 151; 8, с. 94 и др.].

Отмечаемые в научных работах проблемы связаны с правильным пониманием нормы, предусматривающей уголовную ответственность за данное деяние и единообразное его применение следователями органов внутренних дел.

Так, отмечается, что разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (даже с учетом внесенных в него Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 30 изменений) не достаточны для применения п. «б» части 2 статьи 228.1 УК РФ, так как они не содержат прямых ссылок на особенности квалификации данного квалифицирующего признака. В первую очередь требуется формирование четкого понимания вопроса, связанного со способом совершения преступления.

Так, для применения данной нормы необходимо знать, что собой представляют информационно-телекоммуникационные и электронные сети; какие устройства следует относить к средствам связи и с помощью какого программного обеспечения они работают; как устанавливается связь по сети и технические возможности отслеживания контактов между абонентами, использующими средства связи; каким образом могут использоваться средства массовой информации для совершения сбыта наркотических средств и психотропных веществ и т. д.

Следует отметить, что практика незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ с использованием средств массовой информации либо электронных сетей незначительна, слабо проанализирована. В этой связи авторы, занимающихся данной проблематикой, стали высказываться о необходимости исключения электронных сетей и средств массовой информации из статьи рассматриваемого квалифицирующего признака [5, с. 551]. Мы считаем данное предложение преждевременным, поскольку практика использования электронных сетей и средств массовой информации для целей незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов хоть и малочисленная, но все же имеет место. Кроме того следует учитывать повышенную общественную опасность такого способа поиска потребителя и реализации им наркотиков, поэтому исключать их из квалифицирующего признака не следует.

Наибольшее распространение для целей сбыта наркотических средств и психотропных веществ в настоящее время получило использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [6, с. 68; 7, с. 20]. Посредством сети «Интернет» осуществляется вербовка новых участников этой преступной деятельности, осуществляется реклама «товара», идет поиск покупателей и др. Причиной такой «популярности» стала доступность этого вида связи практически для всех категорий граждан, как в экономическом, так и техническом плане. Наибольшую активность в пользовании сетью «Интернет» проявляют лица молодого возраста и подростки, используя ее для общения и обмена информацией.

Программы, предназначенные для контакта между абонентами посредством отправки сообщений в настоящее время оснащены всеми современными способами защиты передаваемой информации для исключения возможности ознакомления с ней посторонних лиц. Так, некоторые разработчики таких программ, используют технологию шифрования, которая не позволяет никому другому, включая саму компанию-разработчика, прочитать отправленные сообщения. В свою очередь, это не позволяет сотрудникам правоохранительных органов своевременно отслеживать переписку участников незаконного оборота, затрудняет получение информации необходимой для доказывания причастности лиц к преступной деятельности, что прекрасно понимают участники незаконного оборота наркотиков и используют в своих преступных интересах.

В случае выявления лиц, занимающихся незаконным сбытом наркотических средств и психотропных веществ с использованием сети «Интернет», следователь сталкивается с проблемами доказывания всех обстоятельств, подлежащих установлению, в том числе способа, вины участвующих в сбыте лиц и др. Связано это, прежде всего, с бесконтактным способом совершения преступления, то есть отсутствием непосредственного («вживую») общения приобретателя наркотического средства и сбытчика, которые договариваются о «сделке» через специальные программы, установленные на их электронных устройствах и компьютерах, посредством смс-сообщений, на сайтах социальных сетей и т. п.

Другой яркой характеристикой совершения данного вида преступлений является то, что совершаются они обычно организованными группами, низовые члены которых не всегда знают организаторов такого «бизнеса», а сама структура преступной группы имеет четкую иерархию и распределение полномочий («закладчики», «курьеры», «вербовщики», «операторы», «хакеры», «организатор» и т. п.).

Учитывая вышеизложенное, особое значение имеет разрешение следующих проблем, связанных доказыванием преступлений, с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Так, отмечается сложности с выявлением фактов, сбором и фиксацией доказательств совершения действий, связанных с приготовлением к незаконному сбыту наркотических средств и психотропных веществ, совершенных рассматриваемым способом (например, действий, связанных с массовыми рассылками предложений о приобретении наркотиков органы предварительного расследования).

Неоднозначно на практике решается вопрос о доказывании и квалификации действий соисполнителей незаконного сбыта, когда преступление совершалось группой лиц по предварительному сговору с распределением ролей (например, при использовании только одним из соучастников средств связи для контакта с покупателем при отсутствии общения с ним других соучастников).

Недостатки самой уголовно-правовой нормы также создают сложности в доказывании незаконного сбыта наркотиков, совершенных с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») [4, с. 33; 5, с. 552; 9, с. 220; 10, с. 7]. Так, в предмет преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ не включены растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества либо их части; объективная сторона диспозиции не включает действия по пересылке, предусмотренные в части первой статьи 228.1 УК РФ; в редакции части 2 ст. 228.1 УК РФ отсутствует указание на признак незаконности сбыта (который имеет место в части первой указанной статьи), вызывая вопрос, может ли насту-

пить уголовная ответственность за законную реализацию наркосодержащих препаратов, совершенную рассматриваемым способом.

Все обозначенные недостатки являются актуальными и требующими разрешения. Полагаем также, что проблемы практики применения п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ объясняется не только сложностью раскрытия и доказывания таких преступлений, но и недостаточной проработкой методики их расследования [11, с. 321].

1. Земцова С. И. Предмет доказывания при расследовании преступлений при расследовании преступлений, связанных со сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая Сеть Интернет) // Современное право. 2015. № 4. С. 126.

2. Петухов А. Ю. Проблемы документирования бесконтактных способов сбыта наркотиков // Вестник юридического института ФСКН России. 2013. № 2 (13). С. 36–40.

3. Самолаева Е. Ю. Некоторые особенности расследования преступлений против здоровья, подследственные следователям органов внутренних дел // Право и государство, общество и личность: история, теория, практика: V Всероссийская научно-практическая конференция. 2015. С. 320–327.

4. Курченко В. Н. Квалификация сбыта наркотиков с использованием СМИ либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // Уголовный процесс. 2016. № 7 (139) С. 32–37.

5. Токманцев Д. В., Пахорукова Ю. Е. Состав сбыта наркотиков с использованием сети Интернет: проблемы конструкции и пути совершенствования // Современные научные исследования. 2016. № 3 (59). С. 551–553.

6. Поляков В. В. Противодействие распространению наркотических средств в интернет-пространстве // Антинаркотическая безопасность. 2015. № 1 (4). С. 68–70.

7. Дикарев В. Г., Гаврюшкин Ю. Б. Особенности противодействия бесконтактному способу сбыта наркотиков с использованием сети Интернет // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД РФ. 2016. № 2 (38). С. 19–25.

8. Яковлева С. А., Хлебникова Н. С. Об уголовно-процессуальном регулировании доказывания незаконного сбыта наркотиков, совершенного с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // Марийский юридический вестник. 2015. Т. 1 № 1 (12). С. 94–95.

9. Самолаева Е. Ю. К вопросу о квалификации незаконного сбыта наркотических средств // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сборник научных статей по материалам VI

Международной заочной научно-практической конференции, 2015. С. 219–224.

10. Карнович С. А. Некоторые вопросы квалификации при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2011. № 1 (56). С. 7–11.

11. Самолаева Е. Ю. Некоторые особенности расследования преступлений против здоровья, подследственным следователям органов внутренних дел // Право и государство, общество и личность: история, теория, практика: V Всероссийская научно-практическая конференция, 2015. С. 320–327.

Ключевые слова: незаконный сбыт наркотических средств, доказывание сбыта наркотических средств, сеть «Интернет».

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ГРАБЕЖЕЙ И РАЗБОЕВ

Сибилькова Анна Васильевна,

*кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики,
Московский областной филиал*

*Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
143100, Московская область, Рузский район, поселок Старотеряево*

Одними из наиболее распространенных преступлений в России являются хищения чужого имущества, сопряженные с применением насилия или угрозой его применения – грабежи и разбойные нападения. Довольно частой при расследовании преступлений данной категории является ситуация когда нет информации, которая позволила бы изобличить конкретного человека в совершении им преступления. В такой обстановке субъекты расследования должны приложить максимум усилий для установления и задержания грабителя, при этом ключевыми следственными действиями являются осмотр места происшествия, допрос потерпевших и свидетелей, они имеют ряд особенностей, которые рассмотрены в статье.

Право собственности является одним из наиболее важных, социально значимых и неотъемлемых прав человека, а собственность является одним из важнейших благ, защита которого входит в число первоочередных задач государства. При этом одними из наиболее распространенных в России яв-

ляются преступления против собственности, в том числе сопряженные с применением насилия или угрозой его применения. Одной из самых тяжких и распространенных форм хищений чужого имущества выступают грабежи (ст. 161 УК РФ) и разбойные нападения (ст. 162 УК РФ).

Расследование преступлений – непростая интеллектуальная деятельность и принятие различных процессуальных решений следователем является основным содержанием данной работы, поэтому большое значение имеет анализ складывающихся следственных ситуаций в ходе расследования.

Наиболее сложной для расследования преступления является ситуация, когда нет информации, которая позволила бы изобличить конкретного человека в совершении им преступления, поэтому характеристика информационной составляющей является правильным основанием для классификации следственных ситуаций, которые могут возникнуть при расследовании [2, с. 161].

В случае, когда информация о лице, совершившем грабеж или разбой, отсутствует вообще или крайне ограничена, в зависимости от того, видел ли потерпевший нападавшего и запомнил ли его приметы, могут быть рассмотрены две ситуации:

- приметы грабителя или разбойника отобразились в сознании потерпевшего;
- в силу внезапности и скрытности нападения потерпевший не смог увидеть преступника.

В любом случае характерным для данной ситуации является отсутствие конкретной информации о нападавшем лице. Деятельность следователя, главным образом, должна быть направлена на установление круга лиц, среди которых необходимо искать подозреваемого, а потом установление непосредственно лица, совершившего преступление. Исходя из имеющейся на момент расследования информации, необходимо проверить все возможные типичные версии по делу.

В такой обстановке субъекты расследования должны приложить максимум усилий для установления и задержания грабителя. В данном случае необходимо произвести осмотр места происшествия, допросить потерпевших и свидетелей, назначить судебные экспертизы по всем обнаруженным следам грабежа или разбоя.

В следственной ситуации, когда преступник не выявлен, сведений о нем практически нет – главное, как можно быстрее обнаружить источник информации, помогающей раскрыть преступление. Из практики следует, что полученная первичная информация позволяет очертить широкий круг людей, подлежащих проверке на причастность к совершению грабежа или разбоя. В процессе проверки выдвинутых следственных версий число заподозренных лиц сокращается за счет отсеивания. В конце концов, остается небольшая группа проверяемых лиц, на которой следует сконцентриро-

вать особое внимание и усилия участников расследования, в целях установления причастных к совершению преступления.

Результаты изучения следственной и судебной практики свидетельствуют о том, что тактика проведения таких первоначальных следственных действий, как осмотр места происшествия, допрос потерпевших и свидетелей при расследовании грабежей и разбоев имеет специфические черты.

Осмотр места происшествия является одним из наиболее важных следственных действий при расследовании грабежей и разбоев. Производство осмотра места происшествия позволяет осуществить объективное исследование обстановки совершения преступления, которое невозможно заменить другими следственными действиями. Оно дает возможность обнаружить вещественные и иные доказательства, указывающие на событие преступления, установить обстоятельства уголовного дела, изобличающие лиц, виновных в его совершении, выдвинуть на их основе частные версии и планировать дальнейшее расследование.

Анализ архивных уголовных дел, возбужденных по данной категории преступлений показал, что в ряде случаев осмотр места происшествия проведен с существенными недостатками. Так, в некоторых протоколах осмотра места происшествия обнаружена неполнота описания обстановки места происшествия, отсутствие схемы места происшествия. На качество проведения первоначальных следственных действий влияет большая загруженность следователя и всей следственно-оперативной группы в дежурные сутки. Так, при производстве следственных действий на одном месте происшествия поступают сообщения о новых совершенных преступлениях, что требует скорейшего завершения работы следственно-оперативной группы и отправления ее на следующее место происшествия.

На сегодняшний день в криминалистической литературе достаточно подробно разработаны общие тактические правила производства осмотра места совершения грабежей и разбоев. Вместе с тем существует ряд особенностей, обусловленных обстановкой и местом совершения преступлений корыстно-насильственной направленности. Наиболее распространены по месту и времени совершения грабежи, совершаемые на улице, в парках и скверах в вечернее или ночное время, что позволяет совершать преступление без свидетелей. [4]

Осмотр участка местности при совершении корыстно-насильственных преступлений целесообразно проводить эксцентрическим способом. В качестве исходной точки осмотра будет выступать место скопления следов обуви, обнаружения следов борьбы, обозначающие место нападения. Следы обуви позволяют установить пути подхода и отхода преступника, места сокрытия похищенного имущества и нахождения орудий преступления, а также дают возможность вести преследование по горячим следам. Избежать значительных погрешностей в определении ориентиров места происшествия можно путем использования для этих целей порта-

тивных аппаратов навигационно-мониторинговой системы слежения ГЛОНАСС, которыми должен быть оснащен дежурный автомобиль органов внутренних дел.

Промедление в осмотре места происшествия при расследовании грабежей и разбоев недопустимо, это неминуемо приведет к потере следов преступления. Поэтому следует своевременно и надлежащим образом осматривать место происшествия.

Для конкретизации границ местности, подлежащей осмотру, мест вероятного нахождения следов преступления, в осмотре могут участвовать потерпевшие или очевидцы произошедшего преступления.

Грамотно организованное взаимодействие следователя с оперативными сотрудниками способно повысить скорость производства следственных действий на первоначальном этапе расследования, что позволяет наиболее качественно выполнить возникающие задачи расследования.

Что касается допроса потерпевших и свидетелей, недопустимо игнорировать установление в его ходе их субъективного отношения к совершаемым преступником действиям: восприятие угрозы применения насилия реальной; восприятия предметов, используемых в качестве оружия; осознание противоправности изъятия имущества. Часто следователь ограничивается установлением объективных обстоятельств содеянного: описанием преступных действий, наличием у похитителя в момент нападения оружия или предмета, используемого в качестве оружия, и на основании подобных сведений самостоятельно выстраивает психологическую составляющую механизма преступного деяния. Для полного расследования недопустимо ограничиваться явными фактами и событиями, также необходимо учитывать субъективную сторону нападавшего и психологическое восприятие происходящего преступления потерпевшим.

1. Васюков В. Ф. Особенности раскрытия и расследования грабежей и разбоев, совершаемых на открытой местности: дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2009. 237 с.

2. Тимофеева А. В. Виды источников информации о лице, совершившем преступление в условиях неочевидности, как основание классификации следственных ситуаций // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2010. № 1. С. 161–164.

3. Шеховцова Л. С. Особенности расследования грабежей и разбоев, совершаемых в сельской местности: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. 212 с.

4. Бадиков Д. А., Калужный А. Н., Флоря Д. Ф. Особенности расследования отдельных видов преступлений: курс лекций. Орел: ОрЮИ МВД России, 2008. 166 с.

Ключевые слова: грабеж, разбойное нападение, следственная ситуация, осмотр места происшествия, допрос.

УДК 343.98

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Ситдикова Гузель Зуфаровна,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры криминалистики,

Уфимский юридический институт МВД России,

450103, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2

Статья посвящена освещению авторского подхода, касающегося особенностям интеллектуального моделирования в криминалистике.

Исследование проблем формирования навыков профессионального мышления имеет длительную историю развития в криминалистике, отразившись в трудах Р. С. Белкина, Т. С. Волчецкой, И. М. Лузгина, В. А. Штофф и многих других ведущих деятелей науки. Проведенные научные исследования стали основой формулирования новых научных категорий «интеллектуальное моделирование», «мониторинг следственной ситуации» и разработки современных практических рекомендаций по подготовке и тактике производства следственных действий [1].

В следственной деятельности специалисты, обладающие способностями интеллектуального моделирования, имеют высокие показатели в раскрытии и расследовании преступлений. Полученные профессиональные знания, опыт работы, развитые аналитические способности позволяют подготовленному следователю выдвигать версии, приводящие к установлению подозреваемого в короткие сроки, прогнозировать ход расследования, следственную ситуацию, поведение участников следственных действий.

Метод моделирования относится к числу общих, универсальных методов познания, который реализуется в различных криминалистических научных исследованиях, в практической следственной, экспертной и судебной деятельности.

Мысленная модель является системой, состоящей из мысленных компонентов. В познании она выполняет функцию отражения, интерпретации фактов, наглядного выражения представлений, опосредованного источника информации. Важной особенностью мысленной модели, как формы мышления, является ее свойство быть аналогом еще непознанных событий, скрытых связей, невыявленных обстоятельств. По мере ее проверки она корректируется, уточняется, совершенствуется путем исключения од-

них элементов, включения ранее отсутствовавших частей, связей между компонентами [2].

Метод моделирования во всех случаях его использования подчиняется некоторым закономерностям:

- для моделирования необходимо существование реального или воображаемого прототипа. Способ создания модели и процедура ее использования (моделирование) определяются в зависимости от решаемых задач;
- процедура моделирования и последующее использование модели основываются на преобразовании информации, ее характер, содержание и методы преобразования в актах моделирования определяются классом задач, уровнем развития и возможностями науки и техники;
- модель во всех случаях система, ее уровень и структура, характер отношения к оригиналу зависят от практических потребностей человека, но во всех случаях моделирование неизбежно связано с абстрагированием;
- поскольку моделирование - это преобразование информации, ее результаты различны: от элементарного пространственного (графического) или физического подобия до сложной функциональной системы [3].

Интеллектуальное моделирование в следственной деятельности шире криминалистического моделирования. По мнению многих авторов, под криминалистическим моделированием понимается процесс построения, изучения и использования моделей познаваемых и познающих объектов в процессе расследования и раскрытия преступлений [4].

В то же время, являясь одним из сложных видов профессиональной деятельности, следственная деятельность представляет собой систему информационно-познавательных, организационно-распорядительных, правовых, тактических действий и решений следователя, основанных на интеллектуальном моделировании, в целях установления истины по уголовному делу.

От способности интеллектуального моделирования зависит правильное установление механизма преступления и его обстоятельств, на основе которого происходит выдвижение версии, планирование модели эффективного расследования в разумные сроки. Это, в свою очередь, ведет к своевременному обнаружению и привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, пресечению совершения ими новых преступлений, изъятию орудий преступления до его безвозвратного уничтожения или повреждения.

На основе собранной информации устанавливаются закономерности формирования причинно-следственных связей события преступления и лица, его совершившего. Выявленные закономерности являются основой выдвижения версий, создания интеллектуальной модели расследования преступления. Интеграция полученной информации способствует оптимальному моделированию следственного действия, по результатам которого должны быть обнаружены и изъяты доказательства.

Наиболее существенным фактором успешного расследования является наличие у следователя способности формировать и обосновывать интеллектуальное моделирование: 1) на основе обнаруженных следов и вещественных доказательств – механизма преступления и поведения преступника; 2) на основе интегрированной доказательственной информации – плана расследования; 3) на основе мониторинга следственной ситуации – плана подготовки и производства следственного действия.

Моделируя обстановку совершенного преступления, следователь предполагает, в каких местах преступник возможно оставил наибольшее количество следов, каким путем он проник внутрь, и исходя из этого обращает внимание членов следственно-оперативной группы на последовательность осмотра [5].

Особого внимания требует производство первоначального следственного действия – осмотра места происшествия, результаты которого позволяют смоделировать поведение преступника, начиная с этапов формирования преступного умысла и приготовления к совершению преступления. Следует отметить, что на обзорной стадии осмотра следователь должен обойти все помещение, не прикасаясь к предметам, определить исходную точку осмотра, способ применения служебно-розыскной собаки и предполагаемый ход осмотра, и только потом начинается работа следственной группы [6].

При интеллектуальном моделировании механизма преступления следователь, находясь на значительном временном и пространственном интервале от события и места преступления, произошедшего с участием других лиц, мысленно восстанавливает, реконструирует модель расследуемого события.

Интеллектуальному моделированию свойственны ясность мышления, концентрированность на исследуемой проблеме, логичность, последовательность анализа и завершенность выводами. Интеллектуальное моделирование в следственной деятельности – это особая форма решения эвристической задачи путем нахождения единственно верного решения в создавшейся следственной ситуации.

Предлагаем, научную дефиницию «интеллектуальное моделирование», представить в следующем виде. Интеллектуальное моделирование – это эвристическая способность следователя на протяжении производства по уголовному делу, в постоянном режиме: проводить анализ собранных доказательств и иной информации, имеющей значение для уголовного дела, планировать расследование преступления и отдельного следственного действия, прогнозировать и предотвращать негативные последствия, противодействовать расследованию, проводить мониторинг следственной ситуации, на основе которого корректировать тактику следственного действия и направление расследования.

При производстве следственных действий в поисках и получении новой информации по делу используются различные средства и приёмы моделирования: приёмы, обеспечивающие накопление информации о внешних формах и признаках объектов оригиналов, когда прямое их изучение затруднено или недоступно; средства и приёмы отображения, используемые в моделировании, можно рассматривать фотографии, видео-, звукозапись человеческого голоса, стенографию протокола; приёмы моделирования, способствующие получению и накоплению информации о какой-либо ситуации [7].

Интеллектуальное моделирование составляет основу эффективного расследования. Одним из условий грамотного интеллектуального моделирования следователем механизма преступления и поведения преступников является тщательное и тактически выверенное производство следственных действий.

1. Адигамова Г. З. Правовые, организационные и интеллектуально-моделирующие аспекты следственной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 161–163.

2. Чаплыгина В. Н. Особенности методики проведения практических занятий по дисциплине «Предварительное следствие в ОВД» в виде анализа ситуации // Практическая направленность обучения как форма интегрированной подготовки специалистов для органов предварительного расследования: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, 2017. С. 26–32.

3. Путивка С. Н. Криминалистическое моделирование для реконструкции неочевидных обстоятельств при расследовании дорожно-транспортных происшествий: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. С. 63.

4. Бурцева Е. В., Рак И. П., Селезнев А. В., Сысоев Э. В. Криминалистика: учебник. Часть I. Общая теория криминалистики и криминалистическая техника. Тамбов: Издательство ТГТУ, 2006. С. 18.

5. Лузгин И. М. Моделирование при расследовании преступлений. М., 1981. С. 39–73.

6. Кузнецов А. А., Хмелев Б. Н. Особенности осмотра места происшествия в жилых помещениях: лекция. Омск, 1999. С. 15.

7. Логвиненко Е. А. Мысленное моделирование в тактике следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 26.

Ключевые слова: профессиональное мышление, интеллектуальная собственность, интеллектуальное моделирование, мониторинг следственной ситуации, следственная деятельность.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ОБРАЗОВАНИЯ СЛЕДОВ НА ОДЕЖДЕ, ОБРАЗОВАННЫХ ПРИ НАЕЗДЕ АВТОМОБИЛЯ НА ЧЕЛОВЕКА

Становой Марат Святославович,
*старший преподаватель кафедры трасологии и баллистики
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности,
Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130*

Одним из наиболее частых совершаемых видов дорожно-транспортных происшествий является наезд (переезд) автомобиля на человека.

На практике у экспертов могут возникнуть затруднения с ответом на вопрос о механизме образования повреждений на одежде, и могли ли они быть образованы в результате ДТП в связи с тем, что механизм образования отдельных повреждений одежды, образованных при столкновении человека с автомобилем, такие как разрывы материала, наличие загрязнений и притертостей, имеет сходную по внешнему виду структуру, с повреждениями на одежде не связанными с фактом ДТП.

В статье даны признаки наезда транспортного средства на человека с последующим его волочением по проезжей части, которые позволяют дифференцировать повреждения на одежде связанные с фактом ДТП, при отсутствии других следов автомобиля на одежде.

Вопросы проблематики расследования дорожно-транспортных преступлений периодически освещаются в юридической литературе на страницах научных журналов и в монографических исследованиях. Данное обстоятельство обусловлено распространенностью транспортных происшествий и преступлений в частности [1].

Согласно статистическим сведениям ГИБДД МВД России в период с января по ноябрь месяц 2016 года было совершено 157108 тыс. дорожно-транспортных происшествий; количество раненых в ДТП за тот же период составило 199544 человека; количество погибших – 18490 человек [2].

Одним из наиболее частых совершаемых видов дорожно-транспортных происшествий является переезд (наезд) автомобиля на пешехода.

К увеличению степени общественной опасности таких деяний, ведет оставление водителем транспортного средства, совершившего аварию, пострадавшего на месте преступления, что значительно затрудняет установления факта самого ДТП, поиску скрывшегося транспортного средства и следов на месте происшествия. Случаются факты сокрытия других тяжких преступлений против личности (убийство), под видом смертельного наезда автомобиля на пешехода.

При осмотре потерпевшего на месте происшествия с него изымается одежда, как наиболее важное вещественное доказательство, на котором могут быть обнаружены следы контактного взаимодействия транспортного средства с одеждой. Данные следы позволяют установить сам факт совершенного ДТП, тип, вид транспортного средства, его цвет, рисунок протектора колес, наличие следов ГСМ, смазки, отделившихся частей и т. д. Весь перечень следов оставляемых транспортным средством на одежде при ДТП подробно описан в справочной и методической литературе [3].

Большая аварийность на дорогах нашей страны соответственно ведет к увеличению числа производства автотехнических и трасологических экспертиз, связанных с фактами дорожно-транспортных происшествий.

Одним из наиболее частых вопросов задаваемых органами следствия экспертам, является установление механизма образования повреждений на одежде, и могли ли они быть образованы в результате ДТП.

Однако на практике у экспертов могут возникнуть затруднения, связанные с ответом на столь простые на первый взгляд вопросы. Связано это с тем что, механизм образования отдельных повреждений одежды, образованных при столкновении человека с автомобилем, такие как разрывы материала, наличие загрязнений и различного вида притертостей, имеет сходную по внешнему виду структуру, с повреждениями на одежде, не связанных с фактом ДТП.

Например такие как, падение человека с высоты, причинение телесных повреждений связанных с разбоем, дракой, нападением опасных животных, ношением одежды и т. д.

Также к трудностям исследования такого рода объектов, можно отнести тот факт, что не всегда на одежде, отображаются явные следы контакта с частями автомобиля, такие как: следы ГСМ, лакокрасочных покрытий, смазки, протектора колес, осколков стекла, пластика, выступающих частей бампера, фар. А дополнительное химическое исследование одежды на наличие вышеописанных следов результатов не дало.

Кроме того огромную роль в образовании повреждений следов на одежде связанных с контактом автомобиля и человека, играет множество факторов, которые на момент осмотра места происшествия, а также при выполнении экспертизы эксперту могут быть неизвестны. Например такие, как скорость движения автомобиля, его полная загрузка, место столкновения, маневр водителя, движение и поза потерпевшего на дороге и т. д.

Соответственно ответить на вопросы о механизме образования повреждений на одежде и их связью с фактом ДТП, в категоричной форме довольно затруднительно.

Ознакомление с результатами исследований более чем с 50 заключениями экспертизы, проводимыми в ЭКЦ ГУ МВД России по Волгоградской области, по фактам наезда транспортного средства на человека, поз-

волило выявить комплекс признаков повреждений на одежде, которые характерны для данного вида ДТП.

Прежде всего, это признаки наезда транспортного средства на человека с последующим его волочением по проезжей части, такие как:

- повреждения ткани со стертыми, истонченными нитями, имеющими неровные края и дефект в виде минус-материала,
- динамические следы в виде различных наслоений и притертостей вещества черного и серого цвета, с выраженными трассами и складками материала. Описание данных признаков встречаются и у других авторов. [4, с. 114–115].

Однако следует заметить, что при затруднении в установлении механизма образования и дифференциации имеющихся следов и повреждений на одежде, характерных при ДТП, эксперту рекомендуется ознакомиться с заключениями судебно-медицинской экспертизы и химической экспертизы. Либо ходатайствовать перед органами производящими расследование о назначении данных исследований.

Только по совокупности установленных признаков можно с достаточной степенью уверенности сделать категорический вывод, о связи имеющихся повреждений на одежде, с фактом совершения ДТП, в частности наезда (переезда) транспортного средства на человека.

В случае установления единичных признаков, такие как разрывы ткани, загрязнения и притертости вещества, при отсутствии явных следов контакта с автотранспортным средством (наличие ГСМ, ЛКП, смазка, протектор шин колес и т. д.) рекомендуется давать вывод в вероятной форме, либо отказаться от решения вопроса по причине малой информативности следов.

1. Лаптев С. А., Зубенко Е. В. Особенности организации и проведения розыскных мероприятий первоначального этапа расследования дорожно-транспортных преступлений, сопряженных с оставлением потерпевших в опасности // Транспортное право. 2014. № 4. С. 15–19.

2. Официальный сайт ГИБДД МВД России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gibdd.ru>.

3. Зуев Е. И., Капитонов В. Е. Трасологические исследования по делам о дорожно-транспортных происшествиях: учебное пособие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1983. 88 с.

4. Майлис Н. П. Трасология и трасологическая экспертиза: курс лекций. М.: РГУП, 2015. 236 с.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, наезд автомобиля на человека, повреждение на одежде.

УДК 343.98

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

Хныков Евгений Русланович,
курсант факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Морозова Наталия Владимировна,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся применения в отношении подозреваемых (обвиняемых) меры пресечения – домашний арест. При этом автором обращается внимание на проблемы практического характера, возникающие при назначении домашнего ареста.

Как мы уже отмечали, Конституцией Российской Федерации права и свободы человека и гражданина провозглашены высшей ценностью. В системе обеспечения безопасности, прав и свобод граждан существенная роль принадлежит государству. Именно государство является гарантом личной свободы, а его деятельность выступает главным обеспечивающим началом реализации прав и свобод граждан [1, с. 6]. Кроме того, являясь участником международных правоотношений, Российская Федерация взяла на себя обязательства по исполнению положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и международных соглашений, достигнутых в сфере правоохранительной деятельности [2].

Органы следствия в своей практике ежедневно сталкиваются с проблемами соблюдения данного положения основного закона страны на досудебной стадии уголовного судопроизводства при применении мер пресечения [3, с. 106]. С одной стороны, следователи с оперативным аппаратом, осуществляя правозащитную функцию государства в интересах потерпевших, будучи наделёнными значительным арсеналом мер воздействия на общество, прилагают усилия по выявлению, раскрытию, расследованию преступлений, с другой стороны, обязаны не ущемлять права и свободы подозреваемого (обвиняемого) при производстве процессуальных действий, особенно связанных с нарушением конституционных прав [4, с. 236].

Одной из таких мер воздействия является применение в отношении подозреваемых (обвиняемых) такой меры пресечения как домашний арест.

Домашний арест как альтернатива аресту (то есть заключению под стражу) должен обеспечивать, прежде всего, изоляцию обвиняемого, но не в следственном изоляторе, а по месту жительства, и должен состоять в постоянном пребывании дома, а не только в вечернее и ночное время. По мнению О. И. Цоколовой, Г. В. Костылёвой, Н. Е. Муженской, С. И. Даниловой, если нет необходимости в постоянном пребывании обвиняемого в изоляции, то домашний арест не требуется, а можно ограничиться подпиской о невыезде или вообще не избирать меру пресечения [5].

При постоянном нахождении обвиняемого дома возникают две проблемы: 1) отсутствие в некоторых случаях возможности пребывания на свежем воздухе; 2) обеспечение продуктами питания. Что касается прогулок, то эта проблема возникает, когда обвиняемый проживает в квартире или комнате в городских условиях, тогда необходимо организовать ежедневные прогулки обвиняемого под надзором, продолжительностью не менее часа (в соответствии с п. 11 ст. 17 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ [6]). Что касается обеспечения продуктами питания, в том случае, если обвиняемый живет один, то, допустимо, что во время прогулок ему должна быть предоставлена возможность посетить магазин и приобрести продукты питания либо обеспечить доставку продуктов и прочих предметов первой необходимости специализирующимися на этом торговыми организациями. Оплата в таких случаях осуществляется за счет обвиняемого.

Лицам, к которым была применена мера пресечения в виде домашнего ареста, может быть запрещено:

1) общение с определенными лицами, данные о которых указываются в решении об избрании меры пресечения. Перечисленным в решении лицам запрещается посещение жилища обвиняемого в течение всего времени нахождения его под домашним арестом;

2) получение и отправдение корреспонденции, в том числе по факсимильной связи и по электронной почте;

3) ведение переговоров с использованием любых средств связи. Судебное решение является основанием для временного отключения проводного телефона в жилище обвиняемого, однако это становится невозможным, если обвиняемый проживает с семьей [7].

Не стоит забывать о том, что вместе с лицом, к которому применяется мера пресечения в виде домашнего ареста, в большинстве случаев проживают его родные, близкие. И, ограничивая подозреваемого, например, в пользовании интернетом, тем самым ограничиваются и проживающие с ним, и как следствие этого – нарушение их конституционных прав.

Обеспечение контроля за соблюдением подозреваемым (обвиняемым) наложенных судом ограничений возложено на органы исполнения наказания, где разработаны ведомственные нормативные материалы по организации этой работы, вплоть до применения электронных приборов сле-

жения, таких электронных приборов слежения, как электронные браслеты и персональный трекер, которые устанавливаются инспекцией непосредственно на теле подозреваемого или обвиняемого, стационарные контрольные устройства и ретрансляторы, устанавливаемые инспекцией в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста.

Так, приведём пример: судом Свердловского районного суда Орловской области от 27 марта 2013 года в отношении подозреваемой Р. была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. В резолютивной части постановления суда указано на применение к подозреваемой ограничительной меры в виде запрета выходить за пределы своего жилого помещения. Однако следует заметить, что подозреваемая проживала в частном доме при отсутствии в помещении санитарного узла. И подобный случай не является единичным.

Стоит рассмотреть иной пример, явно отражающий сущность проблемы, затронутой ранее. Апелляционным постановлением от 23 декабря 2016 г. № 22к-2417-2016 суда апелляционной инстанции по уголовным делам Верховного Суда Республики Дагестан было вынесено решение об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу гражданину Н, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ, на домашний арест. Поместив обвиняемого под домашний арест, суд второй инстанции уклонился от обсуждения вопросов, связанных с его питанием и медицинским обслуживанием.

Для разрешения данных проблем гражданин Н., был вынужден обращаться каждый раз к следователю за разрешением:

- покидать квартиру для покупки продуктов (26 декабря 2016 г.);
- участвовать в судебных заседаниях по обжалованию решений и действий (бездействий) следователя (27 декабря 2016 г.).

Приведенный пример показателен во многих отношениях. Помещая лицо под домашний арест, суд должен четко представлять, где обвиняемый будет жить, чем питаться, кто его будет лечить и выходить с ним на прогулки.

Вернувшись к нашему примеру, стоит подчеркнуть, что следователь в свою очередь, разрешая вышеперечисленные ходатайства гражданина Н., вынес ряд постановлений следующего содержания:

- «...в праве покупать самостоятельно продукты обвиняемому отказать, поскольку это функция его близких родственников (мама, сестра, муж сестры), которым разрешен круглосуточный доступ в квартиру гражданина Н.»;
- «... запретить обвиняемому переговоры с близким родственниками по телефону»;
- «... выдача разрешений на прогулки – компетенция не следователя, а суда».

Рассмотрев позицию следователя, можно выявить в ней как внутренние противоречия, так и противоречия некоторых из них российскому законодательству в целом.

Так, возложив на близких родственников обязанность по снабжению гражданина Н., продуктами, следователь решил не разъяснять, в силу каких обстоятельств и в каком объёме они обязаны выполнять его поручения, такое право у представителя органов предварительного расследования отсутствует. Примут ли родственники эту обязанность неизвестно, точно также, как и неизвестно какие вообще между ними взаимоотношения и как далеко их место жительства от квартиры Н. И что обвиняемому в итоге делать, умирать с голоду или нарушая запреты, наложенные органами правосудия, идти в магазин?

Совершенно нецелесообразен запрет на телефонные переговоры с мамой, сестрой и ее мужем, видаться же им можно, а почему нельзя по телефону связаться и заказать определенные лекарств в аптеке, продукты питания или же элементарно сообщить, что ему плохо со здоровьем.

Не основан на законе и ответ следователя о том, что право на прогулку – исключительно прерогатива суда. Судебный контроль за правами и свободами обвиняемого – явление разовое. Следователь данный вид контроля осуществляет непрерывно, а следовательно, и решение всех частных вопросов – его компетенция. Поскольку у обвиняемого, которого содержат под стражей, есть право на прогулку, то нет и оснований на изъятие этого права у обвиняемого Н., находящегося под домашним арестом [8, с. 31].

Наличие в правоприменительной деятельности таких фактов, бесспорно, говорит о потребности принятия отдельного федерального закона о домашнем аресте, который содержал бы чёткие инструкции о порядке обеспечения соблюдения наложенных судом ограничений, их отмены либо изменения, возможности проведения с подозреваемым (обвиняемым) следственных и иных процессуальных действий.

Домашний арест чаще всего несовместим с выполнением трудовых обязанностей (если это невозможно в домашних условиях). Обвиняемого следует считать отсутствующим на работе по уважительным причинам, но заработная плата ему не начисляется [9]. Вместе с тем, по мнению В. М. Быкова, Д. А. Лискова, ограничения, связанные со свободой передвижения подозреваемого и обвиняемого, не должны прерывать обычных занятий подозреваемого или обвиняемого, то есть запреты не могут распространяться на посещения мест работы или учебы, магазинов и рынков для приобретения необходимых продуктов питания, а также поликлиники и аптеки. А, в свою очередь, ограничения, наложенные на подозреваемого или обвиняемого, должны быть распространены на посещение этими лицами мест отдыха и развлечений – ресторанов, кафе, дискотек, театров, концертных залов и т. д., а также посещение своих родных и знакомых (хотя возможны исключения, например, подозреваемый или обвиняемый

может посетить своих престарелых родителей, которые нуждаются в его помощи). Возможен запрет покидать свое место жительства более чем на три часа [10, с. 14].

По мнению других ученых, в таком варианте рассматриваемая мера пресечения мало чем будет отличаться от подписки о невыезде. Если обвиняемому будет разрешено по своему усмотрению покидать дом, ходить на работу, посещать магазины и т. д., утратится смысл данной меры пресечения. При свободном перемещении обвиняемого по городу невозможно проконтролировать контакты с другими лицами [11, с. 198].

Но полное ограничение свободы и отсутствие возможности покидать стены помещения, в котором подозреваемому, обвиняемому предписано находится, порой приводят к негативным последствиям. Данные последствия приводят к определенным трудностям сотрудников правоохранительных органов и достаточно плачевной участи самих подследственных. Приведём пример, так, в отношении несовершеннолетнего подозреваемого И. было вынесено постановление суда об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, с отслеживанием его местонахождения и дистанционной идентификацией посредством электронного браслета. Вскоре несовершеннолетний И. несанкционированно по собственной воле сорвал с руки электронный браслет и скрылся в неизвестном направлении. Руководство приняло решение объявить данное лицо в местный розыск. Спустя незначительный период времени подозреваемый И. был найден. Но теперь его мера пресечения ужесточена, и вместо домашнего ареста, суд вынес постановление о заключении несовершеннолетнего И. под стражу.

Определённую ясность в этот вопрос внес Верховный Суд Российской Федерации. В своём разъяснении он обязал суды в решении об избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста указывать вид и пределы налагаемых на лицо ограничений и (или) запретов [12].

Так, при ограничении выхода за пределы жилого помещения, где подозреваемый или обвиняемый проживает, суду следует перечислить случаи, в которых лицу разрешено покидать пределы жилого помещения (для прогулки, для посещения учебного заведения), и указать время, в течение которого лицу разрешается находиться вне места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста (например, для посещения школы во время учебных занятий, для прогулки в определенное время), и (или) случаи, в которых лицу запрещено покидать пределы жилого помещения (например, в ночное или иное время, при проведении массовых мероприятий или некоторых из них). Так, например, в г. Орле в отношении несовершеннолетнего подозреваемого Н. весной 2016 г. была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. В резолютивной части постановления суда указано, что подозреваемый имеет право покидать место жительства с целью посещения учебного заведения.

Запрещая подозреваемому или обвиняемому общение с определенными лицами или ограничивая его в общении, суд должен указать данные, позволяющие идентифицировать этих лиц. При запрете на пользование средствами связи или ограничении в их использовании суду следует разъяснить подозреваемому, обвиняемому его право на использование телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб при возникновении чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом, дознавателем, следователем и необходимость информировать контролирующий орган о каждом таком звонке (ч. 8 ст. 107 УПК РФ).

Для установления запрета на отправку и получение почтово-телеграфных отправок либо на использование средств связи или ограничения в этом при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста не требуется вынесения дополнительного судебного решения по указанным вопросам в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ.

При ограничении подозреваемого или обвиняемого в использовании информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» суду следует указать случаи, в которых лицу разрешено использование этой сети (например, для обмена информацией между лицом и учебным заведением – если подозреваемый или обвиняемый является учащимся этого заведения).

Безусловно, это далеко не все проблемы, которые имеют место на данный момент. Число подозреваемых и обвиняемых, к которым применяется мера пресечения в виде домашнего ареста растёт. Об этом свидетельствуют результаты опроса, проведенного среди сотрудников подразделений предварительного следствия г. Орла. Однако в общей массе процент избрания данной меры пресечения остается невысоким. Причиной не избрания этой меры пресечения, по мнению опрошенных сотрудников, является недостаточная правовая регламентация – так считает большая часть опрошенных, отсутствие порядка надзора за исполнением домашнего ареста, необеспечение должного поведения подозреваемого, обвиняемого.

Подводя итог, отметим, что в целом введение законодателем домашнего ареста в перечень действующих мер пресечения было вполне оправдано. Бесспорно и то, что домашний арест создает ограничения намного более существенные по сравнению с подпиской о невыезде, которая, в свою очередь, не предполагает запрета покидать место жительства, и вместе с тем не является столь репрессивной, как заключение под стражу.

Наиболее обоснованным, нам представляется избрание рассмотренной меры пресечения в отношении женщин, престарелых, несовершеннолетних, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления с учётом отсутствия объективных данных о намерениях последних в воспрепятствовании предварительному следствию, либо продолжении занятием преступной деятельностью.

-
1. Анохин Ю. В., Акатнова М. И., Амирханов А. А. и др. Обеспечение прав человека: учебник / под ред. Ю. В. Анохина. Барнаул, 2016. С. 6.
 2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]: заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.: с изм. от 13 мая 2004 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 3. Чаплыгина В. Н. К вопросу о некоторых проблемах возврата залога в уголовном судопроизводстве России // Наука и практика. 2016. № 2 (67). С. 105–107.
 4. Проказин Д. Л., Чаплыгина В. Н. К вопросу об обеспечении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при производстве дознания в сокращенной форме // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: Всероссийская научно-практическая конференция, 2016. С. 234–239.
 5. Цоколова О. И., Костылёва Г. В., Муженская Н. Е., Данилова С. И. Домашний арест и залог как меры пресечения [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 6. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федер. закон Рос. Федерации от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ: в ред. от 7 февраля 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29, ст. 2759.
 7. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к УПК РФ (постатейный). 5-е издание, переработанное и дополненное / под общ. ред. А. В. Смирнова. М.: Проспект, 2009.
 8. Колоколов Н. А. Механизм избрания меры пресечения судом нуждается в коренной модернизации // Уголовный процесс. 2014. № 8. С. 31–32.
 9. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ: в ред. от 3 июля 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 10. Быков В. М., Лисков Д. А. Домашний арест как новая мера пресечения по УПК РФ // Рос. следователь. 2004. № 4. С. 12–14.
 11. Чаплыгина В. Н. Проблемы обеспечения мер безопасности участников уголовного судопроизводства, содействующих правосудию // Деятельность органов внутренних дел по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите в современных условиях: вопросы теории и практики. 2015. № 2. С. 197–200.
 12. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41: в ред. от 24 мая 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: домашний арест, запрет, подозреваемый, мера пресечения.

УДК.343.91

КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПОДХОДА К ПОНЯТИЙНОМУ АППАРАТУ, ИСПОЛЪЗУЕМОМУ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Чаплыгина Виктория Николаевна,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,*

*Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Статья посвящена изучению понятийного аппарата, используемого следователем при расследовании ятрогенных преступлений.

Жизнь и здоровье граждан правового демократического государства являются высшей ценностью, что нашло отражение в ст. 41 Конституции РФ, закрепляющей за гражданами право на охрану здоровья и медицинскую помощь. В последнее время наблюдается значительный рост ятрогенных преступлений, расследование уголовных дел по которым отличается значительной сложностью, т. к. процесс познания совершенного преступления, анализ и оценка собранной информации связаны с использованием следователями терминологического аппарата, не являющегося привычным для них, и постоянной необходимостью обращения к специальным знаниям.

В настоящее время сложно говорить о том, что современное медицинское право и его правовые механизмы изучены и надлежащим образом урегулированы, в связи с чем необходимо усилить уголовно-правовые гарантии человека на охрану здоровья в условиях увеличения объема медицинского вмешательства в человеческий организм.

Поэтому считаем нужным обратить внимание на дискуссионный характер отдельных понятийных категорий, используемых при расследовании преступлений, совершенных медицинскими работниками. Прежде всего, требует разрешения получивший повсеместное распространение термин «ятрогенные преступления». Несмотря на дискуссионный характер данного понятия как в медицинской так и юридической литературе, он прочно входит в научный и практический оборот.

Генезис данного понятия отсылает нас к IV в. до н. э., когда в клятве Гиппократы содержалось обещание врача: «... буду оберегать больных от всего вредного и непригодного для них». Около 2 тыс. лет назад первей-

шей заповедью врача и принципом лечения были: «Primum non nocere» (Прежде всего не навреди) и «Nihil nocere» (Ни в коем случае не навреди). Анализ специальной литературы позволяет увидеть, что понятие «ятрогения» первоначально было введено в 1925 г. немецким психиатром О. Бумке, который понимал под этим явлением причинение вреда пациенту неосторожным, непродуманным, бестактным словом врача [1]. Однако затем ятрогении стали рассматриваться как нежелательные последствия, возникающие при оказании медицинской помощи врачом любого профиля.

В международной классификации болезней (МКБ) X пересмотра Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в 1997 году возвела ятрогении в ранг основных заболеваний, определив их самостоятельные патологические процессы, как любые нежелательные или неблагоприятные последствия профилактических, диагностических и терапевтических вмешательств или процедур, которые приводят к нарушениям функций организма, инвалидности или смерти [2]. Несмотря на столь проработанное терминологическое определение термин «ятрогенные патологии» не имеет правового значения.

Полагаем, что ятрогении могут возникнуть в результате врачебной ошибки, при осуществлении оказания медицинской помощи в условиях крайней необходимости или обоснованного риска, а также могут быть результатом несчастных случаев. Не исключено, что неблагоприятный исход оказания медицинской помощи может явиться результатом действий самого пациента (самостоятельного приёма, лекарственных средств или их передозировки, использование какой-либо медицинской техники). Тем не менее, патологические процессы, возникшие в результате данных действий, ятрогенными не являются. Попутно заметим, что во всех проанализируемых нами случаях отсутствуют основания уголовной ответственности медицинских работников, что дает нам основания полагать нецелесообразным использование термина «ятрогенные преступления» для определения преступлений, совершённых медицинскими работниками, т. к. «ятрогения» – сугубо медицинский термин, обозначающий следствие медицинского вмешательства. Следователей же при расследовании данной категории дел интересует именно характер действий, приведших к ятрогении, поэтому термин «врачебная ошибка» наиболее применим в их деятельности.

Из выше сказанного видим, что зачастую термин «ятрогения» используется в связи с причинением смерти и вреда здоровью, что приводит к тому, что он расценивается и медиками, и юристами как синоним юридической ответственности. Более того, термин «ятрогения» иногда используется судебно-медицинскими экспертами в своих заключениях, исключительно на основе которых следователями делаются однозначные выводы о виновности медицинского работника [3].

Однако при анализе специальной литературы, касающейся вопросов расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками, можно встретить употребление термина «врачебная ошибка», которая на наш взгляд, характеризуется наступлением неблагоприятного исхода оказания медицинской помощи при объективно неправильных действиях, но при отсутствии психического отношения медицинского работника к выполненным им действиям в форме умысла или неосторожности.

Проведенное в данном направлении исследование дает основание полагать, что термины «врачебная ошибка» и «ятрогения» порой взаимозаменяют друг друга. Так, М. И. Галюкова, анализируя судебную практику, пишет, что «в ходе судебного разбирательства по делу было установлено, что причиной тромбоза и в дальнейшем ампутации руки ребёнка стали ошибочная катеризация и отсутствие инфузионной терапии». Употребление слова «ошибочная» может натолкнуть на мысль о врачебной ошибке, но автор продолжает, что «согласно заключению судебно-медицинских экспертов ампутация руки ребенка потребовалась из-за технически неверной катеризации и длительного отсутствия интенсивной терапии» [4].

Нетрудно заметить, что такое использование взаимоисключающих терминов представляется неверным, поскольку оно может привести к путанице и принятию неверных решений. В свою очередь Ю.Д. Сергеев считает понятия «ятрогения» и «врачебная ошибка» идентичными и у него вызывает тревогу то, что с расширением понятия «ятрогения» увеличилось число жалоб и, так называемых, «врачебных дел», что связывают с частным употреблением термина «ятрогения» [5].

Резюмируя вышесказанное, полагаем необходимым четкое уяснение и определение смысла понятий «врачебная ошибка» и «ятрогения», а также точное разграничение причин и последствий неблагоприятного исхода оказания медицинской деятельности.

1. Чаплыгина В. Н. О соотношении понятий «врачебная ошибка» и «ятрогения» при расследовании преступлений, совершенных медицинскими работниками // Наука и практика. 2015. № 2 (63). С. 117–119.

2. Автандилов Г. Г. Особенности X пересмотра Международной классификации болезней и применение ее в патологоанатомической практике // Архив патологии. 2003. № 4. С. 67.

3. Карпушкин О. С., Чаплыгина В. Н. Назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы реализации и пути развития // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 71–73.

4. Галюкова М. И. Особенности доказывания вины по уголовным делам о преступлениях медработников // Уголовный процесс. 2010. № 2. С. 27.

5. Сергеев Ю. Д. Ненадлежащее оказание медицинских услуг и факторы риска его возникновения // Медицинское право. 2007. № 4 . С. 4.

Ключевые слова: следователь, врач, оказание медицинской помощи, врачебная ошибка, ятрогения, ятрогенные преступления.

УДК 343.1

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ КАК НОСИТЕЛЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Чистилина Дарья Олеговна,

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики,

Юго-Западный государственный университет,

305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

Статья посвящена проблеме определения объема полномочий председательствующего в ходе судебного разбирательства. Автор в работе раскрывает основные особенности деятельности суда при осуществлении судопроизводства в общем порядке и в суде с участием присяжных заседателей

Согласно теории разделения властей, обоснованной еще в XVIII в. Ш. Монтескье, власть не может быть сосредоточена в руках одного органа. Она равномерно распределяется между органами законодательной, исполнительной и судебной власти благодаря существованию системы сдержек и противовесов.

В этой системе органам судебной власти отведена особая роль. Они контролируют законность принимаемых решений, действий, бездействий не только органов государственной власти, но и граждан. Это возможно благодаря существованию принципа независимости судей, который позволяет им разрешать возникающие конфликты на основе собственного убеждения в законности и обоснованности принимаемого ими решения. Считаем необходимым распространить правило о независимости судей на суд в целом, так как в процессе судебного разбирательства он принимает решение, представляющее собой обобщенное мнение всех входящих в его состав судей. В свою очередь, такой подход обеспечит объективность и беспристрастность правосудия [5].

В ходе судебного разбирательства основной задачей судьи является обеспечение безукоризненного соблюдения процедуры. Судья должен проявлять уважение ко всем участникам процесса и присяжным заседателям, что не позволяет ему априори негативно относиться к подсудимому. Неподобающее отношение к участникам процесса может выражаться в не-

корректно поставленных вопросах, игнорировании позиции сторон и осуждении подсудимого. Такое поведение недопустимо и может отразиться на объективности выносимого решения.

В научных кругах не утихают дискуссии по поводу того, должен ли председательствующий быть более или менее активным на этапе судебного следствия. Бесспорно, принцип состязательности требует от судьи, чтобы он не вмешивался в процесс доказывания, а формировал свою позицию на доказательствах, предоставленных сторонами. Сторонниками данной позиции являются В. С. Шадрин, С. А. Тумашов, А. Р. Белкин, В. И. Зажицкий, Н. И. Газетдинов, которые считают, что суд должен выполнять лишь роль арбитра при разрешении спора, а не подменять сторону защиты или обвинения. В его задачи входит принятие законного акта правосудия [1].

Сторонники же установления объективной истины (Ю. К. Орлов, А. Я. Вышинский, М. С. Строгович), напротив, утверждают, что принцип состязательности предполагает активность суда в процессе доказывания, таким образом, суд направляет исследование дела в сторону, способствующую установлению истины [3]. Отметим, что законодатель причислил суд к субъектам доказывания, наделив его полномочиями проводить следственные действия в ходе судебного разбирательства по собственной инициативе. Если суд будет предпринимать активные действия по установлению обстоятельств дела, то это ни в коем случае не попирает принцип состязательности, так как эти действия будут направлены на создание необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, а также способствовать установлению того, что произошло в действительности.

Отметим, что Европейский суд по правам человека не усматривает нарушения принципа состязательности в ситуации, когда отдельные доказательства собираются по инициативе суда, ограничивая его активность лишь необходимостью проведения открытого судебного заседания и обязательным присутствием обвиняемого [2].

Основной функцией суда является осуществление правосудия и именно он несет ответственность за принятие итогового решения по делу, поэтому так или иначе суд должен стремиться к установлению реальных обстоятельств произошедшего, а не быть связанным тем доказательственным материалом, который ему предоставили стороны. Неоспоримо, что законность, обоснованность и справедливость приговора зависит от суда, а постановить такой приговор весьма затруднительно, если нет полномочий по дополнению судебного следствия. Заметим при этом, что деятельность суда ограничивается рамками предъявленного обвинения и должна быть направлена не на собирание новых доказательств, а на проверку и оценку имеющихся, то есть восстановлению полной картины произошедшего [6].

Изначально предполагается, что профессиональный судья знает правовые нормы и умеет их применять, а предоставленная ему законом возможность в любой момент судебного следствия получить по собственной инициативе любое необходимое доказательство для выяснения требующихся ему для разрешения дела фактических обстоятельств, используя судебно-следственные инструменты по собиранию доказательств, в полной мере обуславливает его активность. В совокупности эти обстоятельства, по мнению Л. В. Головки, позволят профессиональному судье осуществлять надлежащее правосудие по уголовным делам [4].

Теперь более подробно рассмотрим роль председательствующего в суде с участием присяжных заседателей, так как все те требования, которые предъявляются к судье в порядке общего судебного разбирательства, должны быть более внимательно учтены при работе в суде присяжных.

Суд с участием присяжных заседателей является прекрасным уголовно-процессуальным институтом, нивелирующим недостатки, присущие профессиональному судье. Конечно, основная проблема современного суда – это обвинительный уклон, берущий свое начало из советского уголовного процесса, который фактически возлагал на суд не только функцию осуществления правосудия, но и функцию уголовного преследования. Так, зачастую судьи не обращали внимание на пробелы в установлении обстоятельств совершения преступления и ошибки, которые допускала сторона обвинения, дополняя прокурора в процессе, тем самым ущемляя права стороны защиты. Присяжные заседатели свободны от таких предубеждений, поэтому не будут закрывать глаза на недоработки предварительного расследования и вынесут оправдательный вердикт, если посчитают, что доказательств, предоставленных стороной обвинения, недостаточно, или они неубедительны. Лишний раз это подтверждает реальную реализацию принципов состязательности и презумпции невиновности именно в суде с участием присяжных заседателей.

Однако из этого не следует вывод, что профессиональный судья должен самоустраниться в суде присяжных, напротив, председательствующему следует реализовывать свои полномочия, действуя в нескольких направлениях: 1) осуществлять общее руководство порядком судебного заседания; 2) контролировать исполнение закона при исследовании доказательств; 3) проявлять инициативу в получении дополнительных доказательств, не подменяя при этом стороны [7].

Первое направление деятельности профессионального судьи предполагает, что он будет следить за соблюдением процессуальной формы, точной реализацией принципов уголовного процесса, соблюдением прав участников судебного заседания, за реализацией подсудимым права на защиту. Помимо этого, судья должен уметь предупреждать незаконные действия сторон и немедленно предпринимать меры по их прекращению.

Второе направление также является не менее значимым в суде присяжных заседателей, так как вопрос допустимости доказательств должен решаться в отсутствие присяжных заседателей. В связи с этим судье необходимо пресекать попытки сторон оказать влияние на коллегию путем изложения сути подобных доказательств.

Третье направление предполагает, что профессиональный судья сможет в ходе процесса истребовать дополнительные доказательства, которые помогут наиболее полно представить картину произошедшего, но вместе с тем он не подменяет стороны в процессе, так как заранее не может знать, какие доказательства будут получены (обвинительные или оправдательные).

Все эти направления весьма важны, так как в случае исполнения всех требований закона это поможет оградить присяжных от судебных ошибок, которые зачастую возникают не из-за их некомпетентного подхода, а из-за незаконных действий участников процесса и председательствующего, который не смог вовремя пресечь процессуальные нарушения.

1. Андрющенко Т. И. Суд обязан доказывать обстоятельства по уголовному делу // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 242–244.

2. Баранова Е. В. Современные правовые позиции Конституционного суда РФ по вопросу о соотношении принципа состязательности и активности суда в уголовном процессе // Уголовная юстиция. 2013. № 2. С. 21–23.

3. Бердников С. В. К вопросу об активности председательствующего в судебном доказывании по уголовному делу // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 426–429.

4. Головкин Л. В. Влияние профессионального статуса суда на степень его активности в уголовном судопроизводстве // Закон. 2016. № 1. С. 27–38.

5. Гриненко А. В. Соотношение понятий суд и судья в российском уголовно-процессуальном законодательстве // Рос. судья. 2016. № 9. С. 25–29.

6. Рябинина Т. К. Пределы судебного разбирательства уголовных дел // Рос. судья. 2003. № 8. С. 14–18.

7. Шандров Д. В. Роль председательствующего судьи при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 123–127.

Ключевые слова: председательствующий, правосудие, судебная власть, суд присяжных, полномочия.

УДК 343.1

РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРЕТЬЕГО МЕЖДУНАРОДНОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ СТУДЕНЧЕСКИХ ФИЛЬМОВ ПО КРИМИНАЛИСТИКЕ «ЗОЛОТОЙ СЛЕД»

Чумакова Лидия Петровна,

*кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой
гражданского права, директор института,
Новосибирский юридический институт (филиала)
Томского государственного университета,
630007, г. Новосибирск, ул. Советская, д. 7*

Гармаев Юрий Петрович,

*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминалистики,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Трубилина,
350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13*

Чаплыгина Виктория Николаевна,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2*

Анализируются результаты проведения третьего международного кинофестиваля студенческих фильмов по криминалистике «Золотой след». Начиная с 2014 года, молодежный форум проводится Новосибирским юридическим институтом (филиалом) национального исследовательского Томского государственного университета. В текущем году кинофестиваль получил еще более широкое представительство со стороны ведущих университетов России, ближнего и дальнего зарубежья: от Египта до Монголии, что способствовало повышению массовости и зрелищности молодежного мероприятия. Одним из призеров в конкурсной программе стала команда молодых кинематографистов Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. Команда делится своими впечатлениями о результатах и перспективах кинофорума.

Криминалистику как науку отличает ярко выраженный творческий характер в выборе в пределах требований закона конкретных средств, приемов и методов раскрытия, расследования и предотвращения преступлений. Как известно, особенностью криминалистики как науки и учебной дисциплины является не только прикладной характер знаний, умений и навыков, что очень важно для молодежи, стремящейся к самоутверждению

в практике, правоприменении, но и некая значимая нравственная основа, поскольку «интерес криминалистики к преступлению, преступнику и его защитнику обусловлен стремлением создать научные средства, способствующие в конечном счете познанию истины в уголовном судопроизводстве» [4]. Таким образом, поиск и установление истины в каждом уголовном деле, с творческим характером применения самого современного технического, тактического и методического инструментария, универсального в любые времена и для любой страны, – всё это выгодно отличает криминалистику от других юридических наук и учебных дисциплин, характеризует ее нравственную, творческую основу и универсальность в деле борьбы с преступностью. Студенты – молодые люди новой формации, свободные от идеологических установок предшествующих поколений, быть может, особенно остро чувствуют эти особенности. Вероятно поэтому интерес к такому уникальному мероприятию, как кинофестиваль фильмов по криминалистике со стороны молодежи из разных городов и регионов нашей страны, ближнего и дальнего зарубежья превзошел все ожидания.

Итак, 21–22 апреля 2016 г. в г. Новосибирске был проведен III Международный кинофестиваль студенческих фильмов по криминалистике «Золотой след». Как и в прошлые годы (2014–2015 гг.), организатором выступил Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета при участии Общественного совета при Главном управлении МВД России по Новосибирской области, а также Новосибирского регионального отделения Ассоциации юристов России.

Целью проведения международного кинофестиваля является повышение эффективности правового обучения и правового информирования студентов, магистрантов, аспирантов юридических вузов, а также иных граждан – зрителей, включая широкий круг лиц – пользователей Интернета, воспитание их в духе уважения к закону, справедливости, нетерпимости к любым проявлениям преступной деятельности.

Каждый фильм создается в основном силами самих студентов, в этом заключается одно из требований оргкомитета кинофестиваля. То есть всё – от сценария и режиссуры до актерской игры и монтажа – несет печать свободного творчества студентов-юристов, изучающих таким образом нормы материального и процессуального права, криминалистические средства и методы.

Начало проекту «Международный кинофестиваль студенческих фильмов по криминалистике “Золотой след”» было положено в декабре 2013 г., когда студенты третьего и четвертого курсов Новосибирского юридического института (филиала) Томского государственного университета поделились на команды, и каждая попробовала в рамках конкурса создать короткометражный обучающий ролик по криминалистике. Идея была реализована на высоком уровне и показалась очень перспективной. Проектом заинтересовались Главное управление МВД России по Новоси-

бирской области и его Общественный совет, Новосибирское региональное отделение Ассоциации юристов России. В апреле 2014 г. с успехом был организован и проведен I Международный кинофестиваль студенческих фильмов по криминалистике «Золотой след». В 2015 году количество фильмов конкурсной программы кинофестиваля удвоилось, а многие иностранные съемочные коллективы приняли очное участие в празднике.

И вот в апреле 2016 года был проведен третий кинофестиваль, окончательно доказавший, что молодежный форум стал традиционным и значимым международным событием. Представляем краткий обзор хроники и результатов кинофестиваля, а также отзывов его участников.

Хроника третьего кинофестиваля

21 апреля. Праздничная атмосфера ощущается задолго до официального открытия. На фасаде одного из лучших кинотеатров города Новосибирска – «Победа» красуется баннер в сине-голубых тонах, извещающий об этом событии. Перед главным входом в кинотеатр гостей и участников встречают молодые люди на джамперах с флагами кинофестиваля. В фойе собравшиеся могут пройти по «красной дорожке» и сделать снимки на память со знаменитым героем из советского кинофильма Остапом Бендером и мастером кинематографа Чарли Чаплином.

В 10.00 зрительный зал полон. Настал момент торжественного открытия кинофестиваля. Со сцены с приветственным словом к собравшимся обратилась директор НЮИ (ф) ТГУ, канд. юрид. наук, доцент Л. П. Чумакова. Она подчеркнула, что проводимый уже в третий раз кинофестиваль успешно выполняет задачи по сближению юридической науки с практикой, влияя на повышение качества высшего юридического образования, по подготовке будущих юристов к работе в правоохранительных органах и позволяет позиционировать регион как территорию, на которой образовательное сообщество использует инновационные средства обучения. Зрителей и участников кинофестиваля приветствовала также депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 6-го созыва, заместитель председателя комитета по образованию И. В. Мануйлова. Она выразила уверенность, что проект столь высокого уровня станет одной из важных и перспективных форм повышения правовой культуры и правосознания молодежи, что в дальнейшем будет способствовать всемерному построению правового государства.

Среди почетных гостей кинофестиваля присутствовали руководители практически всех судебных и правоохранительных органов региона, многих иных органов государственной власти и управления, а также уполномоченный по правам человека, уполномоченный по правам ребенка, представители правления Ассоциации юристов России и другие официальные лица, известные деятели науки, культуры и образования.

По окончании церемониальной части кинофестиваля начался просмотр конкурсных лент. Как и в прошлом году, при оценке фильмов учи-

тивалось мнение не только членов жюри, но и зрителей. Они могли проголосовать «за» и «против» отдельной киноработы, поднимая заранее выданные блокноты, открытые на соответствующей странице – зеленой или красной.

Во второй день, 22 апреля, зрителей ждал сюрприз – показ фильмов вне конкурсной программы. Среди присланных студенческих киноработ были и такие, которые не соответствовали регламенту конкурса, однако, по мнению организаторов, заслуживали внимания. Среди них была представлена и профессиональная работа из Египта, которая имела большой успех у зрителей.

В этом году расширился состав участников: за два дня было продемонстрировано более 40 лучших студенческих фильмов, присланных творческими командами из ведущих университетов России, ближнего и дальнего зарубежья: от Египта до Монголии. По окончании просмотра члены жюри приступили к подведению итогов. В состав жюри вошли известные ученые-криминалисты, опытные криминалисты-правоприменители.

Строгое жюри мероприятия было сформировано по профессиональному принципу, и традиционно в его состав вошли известные ученые-криминалисты, опытные преподаватели и практические работники, специалисты в области кино. Представляем компетентное жюри фестиваля:

– Гавло Вениамин Константинович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Сибирского отделения Академии наук высшей школы – почетный член жюри;

– Давыдов Сергей Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета;

– Ким Дмитрий Владимирович, заместитель начальника по учебной работе Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел России, полковник полиции, доктор юридических наук, профессор;

– Трахимёнок Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, писатель (член союза писателей России и Белоруссии), киносценарист, выпускник НЮИ (ф) ТГУ;

– Шевчик Сергей Сергеевич, заместитель начальника Главного следственного управления Главного управления Министерства внутренних дел России по Новосибирской области, полковник юстиции;

– Доронин Геннадий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Новосибирского юридического института (филиала) Томского государственного университета;

– Журавлёва Татьяна Леонидовна, руководитель общественного проекта «Видеоархив Новосибирской области», главный режиссер студии

документального фильма «Хронограф», волонтер благотворительного фонда «Созвездие сердец»;

Председатель жюри – Гармаев Юрий Петрович, доктор юридических наук, профессор.

На торжественной церемонии награждения члены жюри подчеркнули, что представленный видеоматериал дал возможность взглянуть с другой – «неакадемической» стороны на некоторые проблемы криминалистики, отметили качество представленных фильмов. Прозвучали теплые слова, адресованные организаторам и участникам праздника.

Профессиональное жюри при оценивании учитывало и недостатки отдельных киноработ. В некоторых, в целом блестяще отснятых кинолентах, отмечались неточности и невольные ошибки:

- никак не прокомментированные авторами нарушения закона;
- фрагменты, похожие на «скрытую рекламу» и/или некоторую «романтизацию преступной деятельности».

Кроме того, в отдельных фильмах в большей степени акцент был сделан на уголовно-процессуальной, а не на криминалистической составляющей деятельности следователей и иных правоприменителей, что не в полной мере соответствует заявленной тематике кинофестиваля.

Жюри решило внести соответствующие дополнения в Положение о международном кинофестивале студенческих фильмов по криминалистике «Золотой след».

Традиционно награды кинофестиваля многочисленны, разнообразны и выделены по следующим критериям: Гран-при кинофестиваля; награды по нескольким тематическим номинациям (в этом году их было пять, по каждой из которых определялось I, II и III места); специальные призы кинофестиваля; призы зрительских симпатий в конкурсной и внеконкурсной программе; приз жюри; приз от организатора – Главного управления МВД РФ по Новосибирской области.

Гран-при III Международного кинофестиваля «Золотой след» вручен команде Юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь.

Из интервью с членами команды – одной из призеров фестиваля: «Данный фестиваль является той отправной точкой, где фильмейкеры, в роли которых выступают студенты и курсанты образовательных учреждений, получают возможность заявить о себе, своем месте в криминалистике и получить зрительскую аудиторию для своего учебного фильма, а для организаторов фестиваля – это то место, где они надеются увидеть качественный и оригинальный продукт в виде учебного фильма по дисциплине «Криминалистика».

Безусловной заслугой организаторов является их желание, реализованное в рамках кинофестиваля, вывести учебные киноленты по криминалистике на соответствующий национально-международный уровень, мо-

дернизировать процесс их подготовки, создать возможность ознакомления широкого круга общественности с креативными киноработами и «прорывными» идеями в области криминалистики.

Одной из форм развития инновационных идей в преподавании криминалистики (и организаторы фестиваля это успешно доказывают) является организация таких «учебных» кинофестивалей, деятельность которых направлена на знакомство зрителей с учебными фильмами по криминалистике, выявление и продвижение талантливых авторских коллективов образовательных учреждений, представивших свои работы [1].

Мнения зрителей, членов жюри и критиков были разнообразными и порой противоречивыми. Но все они впоследствии сошлись в одном, что в каждом фильме просматривается высокое мастерство и талант их создателей, а также преобладание реалистического направления, выраженного в отражении российской действительности через призму работы правоохранительных органов нашей страны.

Кинематографисты и члены жюри были единодушны во мнении о том, что все представленные на конкурс учебные фильмы отличались интеллектуальностью, остротой постановки проблемы....» [3].

Во время торжественной процедуры награждения аплодисменты в зале не смолкали. Тем более, что на закрытии фестиваля собравшимся была предложена и концертная программа. Зрители по достоинству оценили талант и мастерство танцевальных и вокальных ансамблей, восхищались виртуозным исполнением струнного трио «Silenzium».

Подводя итоги работы трех форумов, можно заключить следующее: Международный кинофестиваль студенческих фильмов по криминалистике «Золотой след» необходимо рассматривать не только как инновационное средство обучения науке криминалистике студентов-юристов, способствующее повышению качества юридического образования, но и как уникальную форму правового просвещения и правового воспитания широких слоев населения, — согласно Основам государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. Кроме того, данный проект по праву можно считать эффективным средством популяризации, формой продвижения города Новосибирска и Новосибирской области в целях организации разностороннего межрегионального и международного сотрудничества, расширения культурных, образовательных, экономических, инвестиционных и иных связей сибирских регионов России [2].

Данной статьей мы хотели бы привлечь внимание всех наших коллег и единомышленников — представителей юридической общественности к идее участия в ежегодном международном кинофестивале студенческих фильмов по криминалистике «Золотой след». Решением оргкомитета этот и последующий кинофестивали названы в честь безвременно ушедшего от

нас профессора Вениамина Константиновича Гавло, председателя жюри, стоявшего у истоков молодежного форума.

Следующий кинофестиваль пройдет в апреле 2017 года. Сроки, условия участия и иные вопросы можно будет уточнить на официальном сайте Новосибирского юридического института (филиала) ТГУ: www.n-l-i.ru.

И в завершении – еще один фрагмент из интервью участников кинофестиваля, где обобщены интересные предложения о развитии концепции форума, оптимизации правил его проведения: «Полагаем, полезными были бы творческие встречи с создателями фильмов и актерами, которые, на наш взгляд, вызвали бы огромный интерес зрителей. Ведь все мы знаем, что талантливые люди такие же, как все. И все же они – необычные, наполненные своей энергетикой, которую они отразили в своих учебных кинолентах. Ведь недаром Михаил Филиппов – Светов писал: «...энергетика простого человека – звук, энергетика талантливого – музыка».

Кроме того, было бы нелишним предоставить возможность предварительного ознакомления в «открытом» доступе со всеми киноработами, присланными на конкурс, и в последующем использовании этих работ при преподавании и изучении криминалистики.

Безусловно, было бы интересным дополнить фонд конкурсных работ кинолентами действующих правоприменителей, а также творческими проектами любительских студий кинофильмов, общественных организаций, заинтересованных в повышении эффективности правового воспитания и правового просвещения населения.

Конечно же, организаторам фестиваля предстоит значительная работа по совершенствованию его организации и проведения. Но, как известно, само собой ничего не преобразится и ситуацию к лучшему можно изменить только длительной совместной работой. И данный фестиваль дает этой деятельности мощный импульс».

1. Гармаев Ю. П., Чумакова Л. П. Международный кинофестиваль студенческих фильмов по криминалистике как средство развития правовой грамотности и правосознания студентов юридических вузов // Юридическое образование и наука. 2014. № 3. С. 33–36.

2. Гармаев Ю. П., Чумакова Л. П. Студенческий кинофестиваль и иные инновационные средства правового обучения и воспитания молодежи // Высшее образование в России. 2015. № 2. С. 105–111.

3. Чумакова Л. П. Новое время – новые задачи // Высшее образование в России. 2015. № 2. С. 89–96.

4. Эксархопуло А. А. Предмет и система криминалистики: Проблемы развития на рубеже XX–XXI веков. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2004.

Ключевые слова: Гран-при кинофестиваля, правовое просвещение, правовое воспитание, антикриминальное просвещение, криминалистика, международный кинофестиваль, студенческие фильмы, расследование преступлений.

УДК.343.91

*Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции*

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Свидетельство о государственной аккредитации
Рег. № 2660 от 02.08.2017 г.

Подписано в печать 21.11.2017 г. Формат 60х90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 10,13. Тираж 29 экз. Заказ № 1091.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2.